

Тайны «великого старца»

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН

Воспоминания о жизни и смерти
любимца царской семьи

Романовы. Падение династии

Владимир Хрусталев

**Григорий Распутин.
Тайны «великого старца»**

«Издательство АСТ»

2014

Хрусталеv В. М.

Григорий Распутин. Тайны «великого старца» /
В. М. Хрусталеv — «Издательство АСТ», 2014 — (Романовы.
Падение династии)

Загадка гибели Распутина, судьба захоронения и его предсказания до сих пор вызывают ожесточенные споры и дискуссии. Обладал ли Распутин целительским даром? Зависела ли жизнь цесаревича Алексея всецело от одного только «старца»? Влиял ли Распутин на политику государства и назначение министров через императрицу Александру Федоровну? Какова была истинна подоплека заговора и убийства Распутина? Через свидетельства и воспоминания современников, переписку и дневники членов Царской семьи прослежена жизнь Григория Распутина, его взаимодействие с властями, приближенными сановниками Императорского двора.

© Хрусталеv В. М., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Предисловие	6
Вхождение Распутина в царский дворец	14
Начало великой войны	40
Хроника событий 1916 года	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Владимир Хрусталеv
Григорий Распутин.
Тайны «великого старца»

Все права защищены. Ни одна из частей этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Предисловие

Весной 1917 г. в России в считанные дни свершились события, которые вошли в анналы всемирной истории как Февральская революция. Ее кульминационным моментом было свержение монархии. Во многом этому способствовало то, что третий год шла кровопролитная мировая война, подорвавшая былую мощь Российской империи. Война, которая для большинства из читателей остается до сих пор, фактически неизвестной, т.к. она в конечном итоге была проиграна нашей страной. О поражениях во все времена предпочитали не вспоминать. Тем более, что это произошло не только благодаря сильному внешнему неприятелю, но и главным образом враждебным внутренним силам, которые ради торжества своих идей стремились превратить войну «империалистическую» в войну «гражданскую». Одной из причин крушения державы явилось и то, что Императорский Дом Романовых, насчитывающий к тому времени 65 человек, 16 из которых носили титул великого князя, оказался расколотым.

Февральская революция 1917 г. положила начало конца Российской империи и более чем 300-летнему правлению династии Романовых. Историки проанализировали причины падения самодержавия в России и рассказали о том, как это произошло, хотя еще и не с достаточной полнотой, принося порой объективность в жертву политике. За реальными событиями часто отсутствовали неугодные исторические персонажи – люди, бывшие непосредственными их участниками. Ход истории порой зависит от волевого решения отдельной личности, облеченной властью. Понять это решение часто до конца можно, лишь взглянув на него не только через призму объективных обстоятельств и событий, но и сквозь субъективное преломление черт характера того или иного действующего лица, стоящего у руля государства. Другими словами, выяснив «роль личности» в истории. В данной книге рассказывается о появлении «святого старца» Григория Распутина в Царской семье, его целительном даре облегчать болезнь цесаревича-наследника Алексея Николаевича, отзывы о Распутине его современников, имя Распутина в переписке и дневниках Царской семьи. Многие в наше время задаются риторическим вопросом: влиял ли Распутин на политику государства и назначение министров через императрицу Александру Федоровну? Через документальные свидетельства и воспоминания, переписку и дневники Царской семьи прослеживается последний год жизни Г.Е. Распутина и его взаимоотношения с «венценосцами» и официальными властями. Показана яростная критика Распутина со стороны оппозиционных кругов в лице «Прогрессивного блока» и Государственной Думы. Мотивы и факт убийства Распутина, расследование этого дела и наметившийся раскол среди родственников Императорской фамилии в связи с вынесенным наказанием виновным в совершенном преступлении. Рассказано о судьбе захоронения Григория Распутина. Его имя до сих пор окружено завесой тайн, легенд, вымыслов и мистики, но одно несомненно, что враги Отечества и Престола огульной критикой «старца» успешно воспользовались как поводом для подрыва государственных устоев Российской империи. Чтобы лучше понять феномен личности Григория Распутина, мы в приложении к данному изданию поместили его труды, которые раньше публиковались в Российской империи. Прочитав их, каждый читатель что-то найдет созвучное для себя из народной мудрости, а также лучше поймет, почему полуграмотный сибирский мужик проложил дорогу к некоторым сердцам «венценосцев» и многочисленным своим почитателям.

Всемирные исторические события часто преподносят человечеству своеобразные загадки, граничащие порой с мистикой. «Рок судьбы» не миновал и наше Отечество. Царствование династии Романовых началось с Михаила Федоровича (Михаила I) и завершилось Михаилом Александровичем (Михаилом II), т.е. началось с Михаила и завершилось Михаилом.

Даже начало и конец правления Романовых оказались схожими. Михаил Федорович был призван на Российский Престол 21 февраля 1613 г. русским народом в лице Великого Зем-

ского собора в период польского нашествия «смутного времени». Завершилось же царствование «венценосцев» 3 марта сложением «бремени власти» Михаилом Александровичем в не менее «смутное время» военного и мятежного 1917 года, до изъявления всенародной воли посредством Всероссийского Учредительного собрания, т.е. до предполагаемого вынесения решения такого же своеобразного «Земского собора». Конечно, в этих сопоставляемых нами событиях начала XVII и XX столетий были и колоссальные различия. Романовы начинали свое служение на Российском Престоле в драматический момент истории государства: угрозы потери национальной независимости. За 304 года правления династии Российская империя стала мировой державой, занимавшей 1/6 земного шара и реально влиявшей на судьбоносные процессы развития цивилизации. Каждый седьмой человек планеты в то время проживал в нашей стране. Она обладала колоссальными природными ресурсами. По своему экономическому развитию Российская империя в начале века входила в пятерку передовых государств мира, а по темпам промышленного роста находилась среди лидеров. Однако в силу стечения неблагоприятных роковых обстоятельств благодаря многочисленным враждебным внешним и внутренним силам она опять оказалась на пороге национальной катастрофы. В широко известной книге Роберта Мэсси «Николай и Александра» имеются любопытные строки: «Отречение Николая и Алексея сделало царем великого князя Михаила. В народе существовало старинное поверье: когда на трон взойдет Михаил, Россия достигнет своей многовековой цели – присоединит Константинополь. Со времен первого Романова, основателя династии, до сих пор не было царя по имени Михаил. Теперь младший брат Николая II становится Михаилом II. Были и другие благоприятные предзнаменования. Великобритания и Франция, прежде постоянно блокировавшие продвижение России на юг, сейчас стали ее союзниками и в этом вопросе. Константинополь был обещан России как награда в победоносной войне. Если бы Михаил взошел на трон, а союзные армии выиграли войну, создались бы необходимые предпосылки для того, чтобы народное поверье стало действительностью»¹.

Падение Императорского Дома Романовых, начавшееся с «отречения» от престола двух «венценосных братьев», было по большому счету отправной точкой скорбного пути к гибели не только Царской семьи и ряда представителей Императорской фамилии, но многих сотен тысяч наших рядовых соотечественников в годы Гражданской войны. Впоследствии за колючей проволокой сталинского ГУЛАГа эту трагическую участь разделили миллионы невинных жертв, включая стариков, женщин и детей. История предупреждает от повторения ошибок, а порой и наказывает нерадивых учеников новыми испытаниями. Чтобы разобраться в сложном переплетении событий тех лет, обратимся к документам и историческим фактам. Попробуем связать и проследить историческую нить времен, которую неоднократно пытались оборвать и начать сначала, но на свой лад временщики России.

Известно, что каждый мужчина Императорского Дома Романовых с самого рождения был призван стать военным, защитником своего Отечества. Император Александр III часто говорил: «Во всем свете у нас только два верных союзника – наши армия и флот. Все остальные при первой возможности сами ополчатся на нас». В частности, он лично следил за воспитанием с ранних лет трех своих сыновей. Он передал им завет своего деда императора Николая I: «Всякий из вас должен всегда помнить, что только своей жизнью он может искупить происхождение великого князя». Ни один русский царь или император не мог сказать, подобно французским королям Людовику XIV, – «государство – это я» или, аналогично Людовику XV, «после нас – хоть потоп». Напротив, известны примеры, когда Петр I Великий перед битвой со шведами под Полтавой обратился к солдатам со словами: «Итак, не думайте, что за Петра сражаетесь, но за Отечество, Петру врученное». Российский последний самодержец Николай II также заявлял, как и его знаменитый венценосный предок: «Я никогда не имел иной мысли,

¹ Мэсси Р. Николай и Александра. Биография. М., 2003. С. 504.

как служить той стране, которую Бог мне вручил». По законодательному акту об «Учреждении Императорской фамилии», подписанному императором Павлом I от 5 апреля 1797 г., все великие князья обязаны были служить Царю и Отечеству. Именно служить, а не только тратить баснословные капиталы, назначенные впервые тем же Павлом I, членам Императорской фамилии. Каждому великому князю выплачивалось двести – триста тысяч рублей в год только за то, что он родился великим князем. Стоит отметить, что в то время великими князьями и великими княжнами считались сыновья, дочери, внуки, правнуки и праправнуки царствующего или умершего императора. Однако потенциальное число великих князей и княжон все умножалось и было впервые сокращено именным указом императора Александра III от 24 января 1885 г. Теперь их по новому закону получали только сыновья и дочери, а в прямом мужском потомстве внуки и внучки императора. Лица дальнего императорского родства, т.е. князьями императорской крови считались: в 1797–1885 гг. – дети правнуков императора по мужской линии, а с 1886 г. – только дети внуков императора. Им уже не полагались ежегодные начисления денежных средств, как великим князьям, а лишь единовременная выплата в миллион рублей по достижении совершеннолетия. Были введены и другие ограничения. По установленной традиции каждый из великих князей и членов Императорской фамилии династии Романовых давал клятву и принимал присягу на верность службы Царю и Отечеству, в которой торжественно произносилось:

«Я <...> обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному всемиловитивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всероссийского престола наследнику, верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, исполнять. Его Императорского Величества и земель его врагов, телом и кровью, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах и в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всех случаях касаться может. Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и допускать потщусь и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а пред поставленным надо мною начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание, и все по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать; от команды и знамя, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду, и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному офицеру надлежит. В чем да поможет мне Господь Всемогущий. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

Каждый знает, что любой человек неповторим и это всегда загадка, тайна и мистика. В общественном мнении всех времен и народов часто господствуют примитивные шаблоны и затертые клише. Особенно это касается последних представителей династии Романовых, негативный образ которых общественному мнению навязывался и долгое время эксплуатировался «политической оппозицией», а затем пришедшим к власти режимом большевиков. Читатель имеет редкую возможность непосредственно сопоставить факты исторического процесса начала мятежного и трагичного XX века. Выяснить роль личности в истории, особенно когда это касается «венценосных особ». Это поможет многим избавиться от ряда нам навязанных и устоявшихся мифов. Сделать для себя определенные выводы и, быть может, дать ответы на вечные вопросы: кто виноват и что надо было делать?!

В период тяжелых испытаний, которые обрушились на Россию во время Первой мировой войны, представители Императорского Дома Романовых находились на военной службе. Некоторые из них встали во главе гвардейских формирований на наиболее опасных участках фронтов, которые протянулись на тысячи верст от Балтики до Черного моря. Чуть позднее бои развернулись и в горной местности Закавказья. Большинство великих князей находились в составе штабов на многочисленных фронтах сражений. Часть из них служили в Ставке Верховного главнокомандующего. Стоит отметить, что в отличие от кадровых военных начальников великие князья еще имели одно важное преимущество, т.е. сильные связи и возможность влиять на многие реальные события, включая политику и международные отношения. В этой кровопролитной войне Российской империи удалось сдерживать сильного и коварного врага на дальних подступах к центральным районам страны. Русские армии, нанося сокрушительные удары неприятелю, внесли свою решающую лепту в общую победу союзников по Антанте над германскими и австрийскими вооруженными силами.

Позднее маршал Фердинанд Фош (1851–1929) откровенно признавал: «Если Франция не была стерта с карты Европы, то этим обязана прежде всего России»².

Не случилось бы Февральской революции в России (по сути своей мятежа в Петрограде, заговора и государственного переворота), то кто знает, возможно, в развитии цивилизации можно было избежать многих бед XX века, а Российская империя могла бы стать с ее мощным потенциалом доминирующим государством в мире, как предсказывали многие аналитики.

Все познается в сравнении. В частности, «другу» Царской семьи Г.Е. Распутину как личности, и распутиновщине, как явлению во всем мире и в нашей стране, особенно в последние годы, посвящено большое число работ: от воспоминаний, публикаций научных статей и монографий до авантюрных романов, художественных фильмов «Агония», различных ток-шоу (нередко мистического содержания) и телевизионных сериалов. В последнее время можно нередко услышать утверждение, что среди тех, кто предрек начало Великой Отечественной войны, причем с точностью до года, был Григорий Ефимович Распутин-Новый (1869–1916). Простой крестьянин села Покровское Тобольской губернии, он обладал редкостными силами воздействия на психику людей, особенно не совсем уравновешенных. Среди тех, кто подпал под его влияние, были сам император Николай II и особенно императрица Александра Федоровна. В самом ли деле было так и не иначе? Многие задаются этим риторическим вопросом.

Как утверждали большевики, самым массовым и доступным для народа искусством, является кино, а мы уточним, что в наше время «великих перемен» – телевидение. В последний период появился целый ряд документальных фильмов, которые касаются с той или иной степенью достоверности исторических фактов и обстоятельств убийства Г.Е. Распутина. Многие сведения в них использованы без должного исторического анализа на достоверность фактов из воспоминаний и мемуаров князя Феликса Юсупова (1887–1967). В частности, среди фильмов следует отметить документальный сериал «Исторические хроники с Николаем Сванидзе». Фильм 1. «Григорий Распутин». Фильм 2. «Александра Федоровна». Представляет интерес демонстрировавшийся в 2011 году телевизионный фильм «Распутин. Исповедь падшего ангела». Особый интерес представляет документальный телевизионный фильм «Кто убил Распутина?» (Автор и сценарист Тим Робинсон.) В фильме имеются сведения по шпиону Освальду Рейнеру, который был причастен к «ликвидации старца» от спецслужб Великобритании. В нем, в частности, говорится о некоторых рассекреченных документах английских архивов по этой теме.

Недавно, 13 ноября 2013 г., на телевизионном канале Россия-1 демонстрировали документальный фильм «Голубая кровь. Гибель империи», посвященный некоторым эпизодам истории жизни и взаимоотношений Царской семьи Николая II и «старца-странника» Распу-

² Царствование и мученическая кончина императора Николая II. Париж, 1993. С. 32.

тина. По сравнению с документальными лентами западных киностудий он больше приближен к реальным событиям и в нем меньше стереотипных издержек во взглядах на историю последних лет Российской империи. Хотя с отдельными изложенными историческими фактами можно поспорить и здесь. Так, например, было ли главной ошибкой, что Государь в критический момент ряда поражений и неудач на фронте русских армий в 1915 г. взял на себя Верховное главнокомандование, назначив великого князя Николая Николаевича наместником царя на Кавказ. В фильме гармонично (в контекст повествования) вкраплены кинокадры исторической хроники. Хотя иногда поражает, что «венценосные родители», зная о неизлечимом заболевании маленького цесаревича Алексея, позволяли своим детям шалить на палубе императорской яхты «Штандарт», т.е. много бегать и водить хоровод, при этом нарочно разрешали старшим сестрам-цесаревнам играя валять на палубу своего маленького братца – наследника престола. Очевидно, с не меньшим удивлением мог наблюдать наш телезритель, когда в кинохронике показывают, как боцман-дядька цесаревича, такой заботливый Деревенько, раскачивая Алексея вместе с его юным другом в гамаке, также резко, хотя и шутя, вываливает детей прямо на землю. Возможно, этот рискованный трюк так мыслился и делался постановщиками киноленты в то время специально, чтобы наглядно всем показать, что цесаревич-наследник ничем не отличается от других обычных детей, а быть может, Алексей на тот момент и не так сильно страдал гемофилией. Мы еще вернемся к этим проблемам, но позже.

Часто фрагменты из талантливого (прежде всего игрой актеров) советского художественного фильма «Агония», а по своей сути лживой пародии на царизм, берутся отрывками, как однозначная истина, и переносятся в документальные фильмы, в том числе по истории Первой мировой войны. Например, такой документальный фильм «Тайны Первой мировой войны: Великая война. Фронт русский. Фронт французский» демонстрировался 19 ноября 2013 г. (после полуночи) по центральному телевизионному каналу Россия-1. Именно в такой возмутительной форме (построенной на иллюстрации фрагментов из художественного фильма «Агония») в этой документальной ленте был преподнесен материал, где во всем, т.е. в проигранной войне и крахе Российской империи, будто бы виноваты только Распутин и император Николай II. Конечно, известна народная истина, что «снявши голову, по волосам не плачут». Однако еще раз повторим и напомним господам сценаристам, что все познается в сравнении. Почему-то все победы в более кровопролитной и драматичной для нашей страны Второй мировой войне в первую очередь приписывались (только или главным образом) генералиссимусу И.В. Сталину (вообще не имевшего военного образования), а все поражения нерадивым генералам, врагам народа. В упомянутом мною документальном фильме все поражения, как можно понять по замыслу авторов, на совести полковника Н.А. Романова (Николая II), а победы принадлежат генералам А.А. Брусилову, Н.В. Рузскому и подобным деятелям, которые оказались участниками государственного переворота, нарушили клятву верности и долг присяги, явились главной причиной обрушения державы. Почему-то авторы этих «документальных лент» не объясняют телезрителям, что через короткий период, когда вынули из Российской империи основной стержень, все рухнуло благодаря пришедшим к власти дилетантам-псевдодемократам (в их числе многие были масонами), которые сдали в конечном итоге державу экстремистам-большевикам, а те заключили позорный сепаратный мир с внешним врагом. Тот самый сепаратный мир, в стремлении заключить который все оппозиционеры чуть ранее с остервенением ложно обвиняли последнего «самодержца» Николая Кровавого и пресловутого Гришку Распутина. Урок, как известно, для всех оказался не впрок. События повторились в очередной раз, но в «зеркальном отражении», с обрушением Советского Союза. Держава потеряла еще больше по сравнению с Российской империей. Стоит ли наступать на одни и те же «грабли» до бесконечности во все убыстряющемся процессе – все начинать сначала за счет благополучия простого народа, но во имя торжества своих «идей», а не идти от достигнутых успехов и приумножать их.

Сегодня, как и в прежние времена, общественное мнение о личности Г.Е. Распутина делится на два противостоящих лагеря: от его искренних сторонников и почитателей до ярых противников и гонителей. Одни видят в нем «святого старца» и бессребреника, а другие – авантюриста и проходимца. Гораздо меньше внимания в исторической литературе уделено тем людям, которые сделали из Распутина чуть ли не политическую фигуру, а по большому счету – «козла отпущения», виновного за все беды России. Чтобы понять психологическое восприятие имени Распутина в ту эпоху его современниками из среды аристократии, интеллигенции и просто обывателей, то перед нами (живущими во времена «великих перемен») встает почти аналогичный образ: всеми также горячо в народе «любимого и непотопляемого» Чубайса, «героя нашего времени» с его ваучерами, энергосетями и другими подобными новациями.

Рядовой читатель часто мало знает о тех людях, которые лишили жизни Распутина и этим актом «во имя спасения Царя и Отечества» подтолкнули пагубный процесс разрушения государства Российского, которое и так напрягало все свои силы для достижения победы над внешним врагом в годы Первой мировой войны и было, казалось, не так далеко до исполнения вековой мечты – приобретения храма Святой Софии вместе с Царьградом и свободным проходом через проливы Босфор и Дарданеллы в Средиземноморье. Лидеры буржуазной и демократической оппозиции в лице «Прогрессивного блока», боровшиеся с самодержавным режимом и царским правительством за свои долгожданные права встать самим у руля государства, запугивали союзников по Антанте угрозой заключения «немецкой партией» царицы Александры Федоровны сепаратного мира с Германией и якобы Распутин являлся ключевой фигурой и проводником подобных идей. В самом деле, являлся ли Распутин таким злым гением, влиявшим на государственную политику царского правительства, как утверждала оппозиция?! Они прекрасно знали, что добиться уступок у царя можно только в критической ситуации (аналогичной 1905), а готовящееся весеннее наступление русских и союзных армий на фронтах 1917 г. грозило похоронить их надежды на быстрое вхождение в реальную политическую власть. В результате военного заговора, явного обмана, подлога и шантажа им удалось получить негласную поддержку Антанты и одержать верх над царем в схватке за власть. Казалось бы, уже ничто не препятствовало общим намерениям идти к окончательной победе над австро-германскими войсками, ненавистным всем неприятелем, и поделить «лавры героев», а «победителей», как известно по народной поговорке, «не судят». Однако выяснилось, что вчерашние критики царского правительства сами ни на что полезное не были способны, кроме демагогии и защиты собственных амбиций в борьбе за право управлять огромной страной.

В короткий промежуток времени Временное правительство и руководитель масонской ложи «Великий Восток народов России» А.Ф. Керенский окончательно развалили армию и тыл, выпустили на свободу уголовников, шпионов, всех мастей революционеров и экстремистов, породили анархию и вседозволенность. Было все сделано для того, чтобы Российская империя не возродилась и не вернулась к любой форме монархии: уволены были с постов многие «старорежимные» генералы, упразднено чинопочитание, а тем самым и армейская дисциплина, ликвидированы сословия, Государственная Дума больше не собиралась, Церковь была отделена от государства, появились комиссары и т.д. Самовольно социалист и масон А.Ф. Керенский 1 сентября 1917 г. провозгласил Россию республикой, т.е. еще до широко обещанного ранее созыва и вынесения решения всенародным Учредительным Собранием формы правления в нашем Отечестве. Печальный итог всем хорошо известен.

Все начиналось с критики Григория Распутина и «темных сил», а завершилось заговорами, масонскими ложами, переворотами, торжеством «псевдодемократии» и развалом государства. Большевики также демонизировали и использовали имя «старца» для своих корыстных планов с целью захвата и удержания власти, для пропаганды социалистических идей «мировой революции» против царской России и последнего «самодержца» Николая II, а позд-

нее, по сути своей, единолично узурпировали власть под лозунгами «диктатуры пролетариата» и «красного террора».

Многим стало ясно как божий день, что критика Распутина являлась только ширмой для борьбы с устоями государственного строя Российской империи, а по большому счету и в итоге – устранения англосаксами основного конкурента в лице Российской империи с мировой арены, за глобальное и единоличное влияние на процессы развития цивилизации на планете Земля. Посеявшие «ветер перемен» (так называемой) Февральской революции, пожали бурю Октябрьского переворота большевиков 1917 года, поломавшую за короткое время многие радужные надежды, покалечив и оборвав судьбы сотен тысяч наших соотечественников в разгоревшейся междоусобице.

Одно несомненно, что и монархисты, и либералы, оказавшись в эмиграции, слишком поздно поняли свои ошибки. Дело было не в Распутине и даже не в Николае II, которого враги пытались ложно обвинить в подготовке сепаратного мира и других грехах, а в том, что большинство из них оказались клятвопреступниками и забыли долг присяги – «не щадя живота своего», охранять единым щитом державу и общие национальные интересы под девизом: «За Бога, Царя и Отечество».

Каждый на своем личном опыте часто постигает, что почти любой смертный человек в силу различных причин бывает тенденциозным в своих взглядах, и это не следует забывать, особенно при ознакомлении с такой категорией исторических источников, как личные дневники, письма и воспоминания. Поэтому читателю необходимо иметь не только хотя бы общие представления о Царской семье и каждом из великих князей, но и их ближайшем окружении, и политической атмосфере той эпохи.

Эти события прежде всего тесно связаны с драматичным временем: мировой войной, борьбой политических сил внутри страны за реальную власть, подготовкой дворцового переворота и неожиданным свершением Февральской революции, а также Октябрьского переворота большевиков 1917 г., началом Гражданской войны в России. Непосредственное соприкосновение каждого из читателей с архивными документальными и печатными первоисточниками позволит более четко выяснить ход исторического процесса в нашей стране и воссоздать реальный образ представителей династии Романовых, столь неоднозначно воспринятый как их современниками, так и многими последующими поколениями. Почти век спустя, после многих из них постигшей в 1918–1919 гг. трагической гибели, до сих пор о членах Императорской фамилии можно встретить взаимоисключающие отзывы и характеристики. Необходимо помнить, что только в сопоставлении данных различных исторических источников залог достоверности и в конечном итоге успех в установлении истины.

В данном издании передача текста цитируемых документов и воспоминаний соответствует современным правилам орфографии и публикации исторических документов. В отдельных случаях, когда необходимо подчеркнуть своеобразие документальных материалов, мною делаются отступления и указывается, что источник публикуется с сохранением стилистики, орфографии и пунктуации. Авторские подчеркивания текста дневников и писем воспроизведены, как в оригинале. Для облегчения читателю восприятия текста автором порой вставляются в квадратных скобках пропущенные по смыслу слова или раскрываются сокращения. Сноски на источники даются, как обычно, под строкой, но в ряде случаев они проставляются в круглых скобках рядом с цитируемым материалом, чтобы не перегружать подстрочник, а читателю было легче ориентироваться. Письма Царской четы периода Первой мировой войны публиковались в нашей стране несколько раз в разных издательствах, но небольшими тиражами. В случае, если читатель пожелает самостоятельно познакомиться с цитируемыми источниками еще раз, то мною даются отсылки на разные издания (наиболее известная перепечатка царских писем в сборнике: Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005). Даты в соответствии с общепринятыми правилами до 1 февраля 1918 г. приводятся по старому стилю,

в необходимых случаях рядом в круглых скобках проставлена дата по новому стилю. Другие особенности текста документов оговорены в примечаниях и комментариях.

Данная книга, конечно, только затрагивает ряд поставленных проблем, и это предмет последующих исследований ученых. Однако мы надеемся, что она позволит раскрыть новые неизвестные страницы истории последних лет не только Дома Романовых, но и Российской империи для многих читателей, разрешит по-новому взглянуть, казалось бы, на знакомые и в то же время незнакомые исторические факты. При этом я стремился как профессиональный историк-архивист говорить с тем, кто взял в руки это издание, максимально языком исторических документов и других источников, оставляя за заинтересованным читателем право выводов, т.к. народная мудрость утверждает: «Сколько людей, столько мнений».

Вхождение Распутина в царский дворец

Григорий Ефимович Распутин родился в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии в 1869 г. Долгое время не было известно точной даты его рождения, а имя было окутано пеленой таинственности и вымыслов. Он был четвертым ребенком в семье Ефима Яковлевича (1842–1917) и Анны Васильевны (1840–1904) Распутиных. Четвертым, но как оказалось, единственным сыном, потому что дети Евдокия, Гликерия и Андрей умерли в младенчестве. С малолетства Григорий отличался слабым здоровьем, о чем он позднее писал в своей брошюре «Житие опытного странника» (Санкт-Петербург, 1907).

В селе Покровском школы не было, и Григорий до начала «странничества» был неграмотен.

У отца, Ефима Яковлевича Распутина, землевладельца и рыболова, был некоторый достаток: он был собственником ветряной мельницы. Его единственный сын, росший среди дивной сибирской природы, уже в отрочестве глубоко задумывался о тайнах бытия и о Боге.

«В 15 лет, – вспоминал Григорий Распутин много лет спустя, – в моем селе, в летнюю пору, когда солнышко тепло грело, а птицы пели райские песни, я ходил по дорожке и не смел идти по середине ее... Я мечтал о Боге... Душа моя рвалась в даль... Не раз мечтая так, я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они.

Постарше, с товарищами подолгу беседовал я о Боге, о природе, о птицах... Я верил в хорошее, в доброе... и часто сживал я со стариками, слушал их рассказы о житии святых, о великих подвигах, о больших делах, о царе Грозном и многомилостивом...

Так прошла моя юность. В каком-то созерцании, в каком-то сне... И потом, когда жизнь коснулась, дотронулась до меня, я бежал куда-нибудь в угол и тайно молился... Неудовлетворен я был... На многое ответа не находил... И грустно было... И стал я попивать...»³

Пьянство, как известно, никого до добра не доводит, а дальше пороки только множатся, если человек поддастся этому пагубному искушению. Случались порой с Григорием Распутиным такие обыденные и неприятные истории. Едет он за хлебом или за сеном в Тюмень (в 80 верстах от его родного села), а возвращается домой ни с чем, без денег, пьяный, иногда избитый, а бывало даже без лошадей.

Однако, по его поздним признаниям, к 30 годам на него нисходит «благодать Божия», изменившая всю его дальнейшую судьбу. А случилось это так. Однажды пришлось ему отвезти в Тюмень студента Духовной академии, монаха Мелетия Заборовского, ставшего впоследствии ректором Томской духовной семинарии. Студент-монах во время этой поездки произвел на Григория своей благочестивой беседой такое потрясающее впечатление, что он одумался, покался и вскоре резко изменил весь образ жизни.

Григорий Ефимович Распутин был уже женат ко времени своего «просветления», имел от супруги Прасковьи Федоровны (1867–1932) сына Дмитрия (1896–1930/33) и двух дочерей – Матрену (1898–1977) и Варвару (1900–1937). С этого же времени, т.е. с 1893 года, и начинается «житие старца-странника» Григория. Позднее Г.Е. Распутин поделится своими воспоминаниями о житейском опыте «странника» через публикацию ряда статей в периодической печати. Многие из того, что лично им было пережито, он перескажет в опубликованных под его именем печатных брошюрах⁴. Многие упомянутые там факты подтверждаются известными

³ Францев О.Н. Григорий Распутин. Минск, 1998. С. 18.

⁴ Распутин Новый Г. Житие опытного странника. СПб., 1907; Великие торжества в Киеве. Посещение Высочайшей Семьи. Ангельский привет. СПб., 1911; Благочестивейшие размышления. СПб., 1912; Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам. Пг., 1915.

людьми, хорошо в то время его знавшими, а также было зафиксировано рядом архивных документов.

Так, например, купец Арон Симанович (1873–1978), позднее назвавший себя личным секретарем Г.Е. Распутина, писал в воспоминаниях:

«Я познакомился с Распутиным еще в Киеве, до того, как он стал известен в Петербурге. В Петербурге я совершенно случайно встретил его у княгини Орбелиани, с которой я был в хороших отношениях. Впоследствии я его часто видел у Вырубовой.

При первой встрече на меня оказали сильное влияние его выразительные глаза. Эти глаза одновременно и приковывали человека, и вызывали какое-то неприятное чувство. Я вполне понимаю, что его взгляд оставлял на людей слабых и легко подвергающихся чужому влиянию очень сильное впечатление.

Его могучий и чувственный темперамент требовал сильных и возбуждающих переживаний. Он любил вино, женщин, музыку, танцы и продолжительные и интересные разговоры. В царском дворе он этого ничего не имел.

Своей внешностью Распутин был настоящий русский крестьянин. Он был крепыш, среднего роста. Его светло-голубые глаза сидели глубоко. Его взгляд пронизывал. Только немногие его выдерживали. Он содержал суггестивную силу, против которой только редкие люди могли устоять. Он носил длинные, на плечи ниспадающие волосы, которые делали его похожим на монаха или священника. Его каштановые волосы были тяжелые и густые.

На лбу Распутин имел шишку, которую он тщательно закрывал длинными волосами. Он всегда носил при себе гребенку, которой расчесывал свои длинные, блестящие и всегда умаленные волосы. Борода же его была почти всегда в беспорядке. Распутин только изредка расчесывал ее щеткой. В общем, он был довольно чистоплотным и часто купался...»⁵

По утверждению Арона Симановича, можно понять, что его старшего сына Семена (с 1888 года рождения) Г.Е. Распутин вылечил в Киеве от приступов эпилепсии.

В книге С.В. Фомина также сообщается: «Из достоверно известных фактов мы знаем, что в 1915 г. Г.Е. Распутин исцелил одержимого бесом (т.н. «пляска св. Витта») сына Симановича – Иоанна, студента Коммерческого института»⁶. Удалось также установить, что упомянутый младший сын купца Симановича Иоанн был с 1897 г. рождения.

Шли годы, множилась популярность «старца-странника». Только в 1903 г. вступил отец Григорий, как некоторые стали его величать, в широкий свет привилегированного общества. В ту далеко отодвинутую от нас эпоху и даже теперь в наше время многие считали и считают, что Г.Е. Распутин был введен в Царскую семью бывшей фрейлиной императрицы А.А. Вырубовой (Танеевой). Однако это только общее устойчивое заблуждение, а все происходило на самом деле совсем иначе.

Случилось это после знакомства Распутина с купчихой Башмаковой после кончины ее богатого мужа, которая уверовала в силу духа и добрые дела «старца-праведника» и помогла ему совершать паломничества.

После посещения Казани, Киева и Москвы «старец» наконец попал в Санкт-Петербург и через некоторое время оказался представлен о. Иоанну Кронштадтскому (1829–1908). Григорий Распутин произвел на него хорошее впечатление и получил напутствие святого праведника: как можно больше помогать простым людям.

Хотя о. Иоанн Кронштадтский и был тогда вхож в великокняжеские и царские дворцы, но не через него, однако, «сподобился Царь-Батюшка» свести знакомство с «отцом Григорием». Произошло это позднее через посредничество ректора Духовной академии о. Феофана (1872–

---

⁵ Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига, 1921; Рига, 1924; М., 1991; Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. 2. М., 1997. С. 351–478.

⁶ Фомин С.В. На царской страже. М., 2006; Григорий Распутин. Расследование. Наказание правдой. М., 2007.

1940), которого глубоко чтили великие князья Николай Николаевич (1856–1929) и Петр Николаевич (1864–1931), а еще больше их жены Анастасия (Стана) и Милица Николаевны.

Отца же Феофана, по некоторым сведениям, познакомил с Григорием Распутиным архимандрит Хрисанф Цетковский, бывший начальник корейской духовной миссии, приехавший в Петербург из Сибири.

В дневнике императора Николая II за 1905 год имеется любопытная запись:

«1 ноября. Вторник. – Петергоф.»

Холодный ветреный день. От берега замерзло до конца нашего канала и ровной полосой в обе стороны. Был очень занят все утро.

Завтракали: кн. Орлов и Ресин (деж.). Погулял. В 4 часа поехали на Сергеевку. Пили чай с Милицией и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.»⁷.

Обращает на себя внимание, что Государь назвал Григория Распутина «человеком Божиим», т.е. «старцем-странником», и это не случайно. Так, например, при царском дворе и раньше привечали разных «праведников» и «богомольцев», как традиционно было заведено испокон веков по всей Руси. Появление Григория Распутина в высшем свете и знакомство с Царской семьей оказались для «венценосцев» рядовыми и обычными событиями. Имя Григория в дневнике императора Николая II появляется вновь только 18 июля 1906 г., т.е. много времени спустя. Хотя после указанной выше первой памятной встречи у великой княгини Милицы Николаевны вскоре Григорий Распутин (5 ноября 1905), т.е. во время лихолетья Русско-японской войны и первой русской революции, напомнил о себе и направил телеграмму императору:

«Великий Государь Император и Самодержец, Царь Всероссийский! Дар Вам приветствия! [Да] умудрит Господь советом. Когда от Господа совет, тогда и душа ликует, тогда и получается безошибочная радость, а [если] буквенный совет – душа унывает, и голова кружится. Вся Россия беспокоится, [пускается] в сердечное рассуждение, в радости трепещет и со звоном Бога призывает, и Бог нам милость посылает, и врагам нашим всем грозно страхом угрожает. Вот и остались они, безумные, с разбитым сосудом и неразумной головой, как говорится: “бес долго вертел, да под заднее крыльцо и улетел” – эка сила Божья и чудеса! – Не погнушайтесь нашим простым словом. Вы, как хозяева, а мы, как обитатели Ваши, должны стараться и трепетать, и ко Господу взывать, чтобы не приблизилось к Вам зло или какая рана ни ныне, ни в будущие времена и чтобы истекала жизнь Твоя как живой источник воды»⁸.

Великая княгиня Милица Николаевна (1866–1951) была замужем за великим князем Петром Николаевичем (1864–1931), двоюродным дядей царя. Ее родная сестра, черногорская урожденная княжна Анастасия Николаевна (Стана) (1867–1835) после развода в 1906 г. с герцогом Г.М. Лейхтенбергским (1852–1912) вышла замуж в 1907 г. за старшего брата Петра, великого князя Николая Николаевича (1856–1929). В этот период царская чета находилась в дружеских отношениях с перечисленными великокняжескими семьями.

По воспоминаниям Арона Симановича первое знакомство с высшим обществом, о котором якобы ему поведал сам Григорий Распутин, происходило так:

«Великая княгиня Анастасия, супруга Николая Николаевича, и ее сестра Милица отправились на богомолье в Киев. Они остановились в подворье Михайловского монастыря. Однажды утром они на дворе монастыря заметили обыкновенного странника, занятого колкой дров. Он работал для добывания себе пропитания. Это был Распутин. Он уже посетил много святых мест и монастырей и находился на обратном пути своего второго путешествия в Иерусалим. Распутин пристально посмотрел на дам и почтительно им поклонился. Они задали ему несколько вопросов, и таким образом завязался разговор. Незнакомый странник показался дамам очень интересным. Он рассказывал о своих странствиях по святым местам и о своей

⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 249; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 287.

⁸ ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 323. С. 40–41.

жизни. Он много видел и пережил. Два раза он пешком проделал далекую дорогу из Тобольска в Иерусалим и знал все знаменитые большие монастыри, а также мог многое рассказать о знаменитых монахах. Его рассказ привлекал высокопоставленных дам, и его повествования на религиозные темы импонировали им. Первое знакомство закончилось приглашением его на чай.

Распутин вскоре воспользовался приглашением. Великие княгини, которые свою поездку на богомолье совершали инкогнито, скучали, и рассказы Распутина доставляли им развлечение, которого им не доставало. Поэтому им было приятно видеть в своих покоях своеобразную характерную фигуру Распутина.

Распутин рассказал им, что он простой человек села Покровского Тобольской губернии. Его отец еще жив и занимается погрузкой и выгрузкой багажа на реке Туре. Семья его состояла из его жены Прасковьи, сына Мити и дочерей Марьи и Вари. Далее Распутин рассказывал, что хотя он и человек необразованный, еле разбирающий грамоту, он часто на железнодорожных станциях и пароходных пристанях проповедует народу.

Посещение Распутиным петербургских дам становилось все чаще. Они охотно с ним встречались, угощали его и относились к нему весьма любезно. В личности Распутина было что-то, что привлекало людей к нему. В особенности дамы, сами того не замечая, легко попадали под его влияние. Когда Распутин узнал, кто его новые знакомые, он в особенности постарался заручиться их расположением, значение которого для него сразу стало ясным. Конечно, он в то время еще не предполагал, какая значительная роль ему предначертана при царском дворе, но сразу сообразил, какие блестящие возможности ему открываются.

Распутин сообщил дамам, что он обладает способностью излечивать все болезни, никого не боится, может предсказывать будущее и отвести предстоящее несчастье. В его рассказах было много огня и убедительности, и его серые пронзительные глаза блестели так суггестивно, что его слушательниц охватывало какое-то восхищение перед ним. Они проявляли перед ним какое-то мистическое поклонение. Легко поддающиеся суеверию, они были убеждены, что перед ними чудотворец, которого искали их сердца. Одна из них спросила как-то вечером, может ли он излечить гемофилию. Ответ Распутина был утвердительным, причем он пояснил, что болезнь эта ему хорошо известна, и описал ее симптомы с изумительной точностью. Нарисованная картина болезни вполне соответствовала страданиям цесаревича. Еще большее впечатление оставило его заявление, что он уже излечил несколько лиц от этой болезни. Он называл также травы, которые для этого применялись им. Дамы были счастливы, что им представляется возможность оказать царской чете громадную услугу излечением ее сына. Они поведали Распутину о болезни наследника, о которой в то время в обществе еще ничего не было известно, и он предложил излечить его»⁹.

Как видно из содержания этих воспоминаний, Арон Симанович многое путает по шкале хронологии и отдельным фактам или, возможно, что-то придумал сам, исходя из более поздних ставших доступными сведений, но одно достоверно, что Г.Е. Распутин оказался приближенным к царскому дворцу прежде всего благодаря сестрам-черногоркам (урожденным черногорским принцессам).

В исторической литературе часто упоминается другая история знакомства Григория Распутина с членами Императорского Дома. Трагикомичность ситуации заключалась в том, что именно великий князь Николай Николаевич в свое время ввел Г.Е. Распутина в Царскую семью, а позднее стал его заклятым врагом. Известный в широких придворных и промышленно-деловых кругах столиц как авантюрист, князь М.М. Андронников (1875–1919) был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией (ЧСК) Временного правительства уже после

---

⁹ Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига, 1921; Рига, 1924; М., 1991; Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. 2. М., 1997. С. 351–478.

падения царского режима. Позднее эти материалы ЧСК были опубликованы большевиками, но надо заметить, с большой редакторской корректировкой, видимо, исходя из требований политического заказа и канонов марксистско-ленинской идеологии. Большевики, как и Временное правительство, демонизировали имя Распутина и использовали для своей пропаганды против устоев прежнего строя. Недаром даже В.И. Ленин не гнушался огульно бичевать «вызывающую отвращение и мерзость царскую шайку во главе со страшным Распутиным». Князь Андронников 6 апреля 1917 г. дал следующие показания следователям ЧСК по поводу Григория Распутина¹⁰:

«Распутина выдумал великий князь Николай Николаевич...

Председатель. – Каким образом?

Андронников. – Очень просто. У него заболела легавая собака в Першине. Он приказал ветеринару, чтобы собака выздоровела. Ветеринар заявил, что по шучьему велению – это довольно странно! Он заявил, что у него есть такой заговорщик в Сибири, который может заговорить собаку. Заговорщик был выписан: оказался – г-н Распутин. Он заговорил собаку. Я не знаю, каким это образом, возможно, была ли это случайность или нет, но факт тот, что собака не околела...

Председатель. – Откуда Вы это знаете?

Андронников. – Я знаю из рассказа одного из покойных Газенкампов. Потом заболела герцогиня Лейхтенбергская. (Она еще не была великой княгиней: она была невестой Николая Николаевича, жила в Першине). Распутин ее тоже заговорил – одним словом она ожила... Великий князь и герцогиня знали наклонность императрицы Александры Федоровны к гипнотизму (как Вы изволите помнить, был сначала Филипп, потом Папиус и целый ряд других гипнотизеров), и вот они рекомендовали Распутина Государыне. Это было давно; лет 10 тому назад. Тогда совершенно скромно явился этот мужичок, который развернулся впоследствии в большого политического деятеля.

Председатель. – Для Вас несомненна политическая роль Распутина?

Андронников. – Ясно, как Божий день! Если он позволял себе звонить к министрам и говорить: «Я тебя сокрушу, выгоню»...

Председатель. – Не только говорил, но в иных случаях и реализовал.

Андронников. – Реализовал, потому что он имел огромное влияние: он вхож был к больной императрице и к сумасшедшей Вырубовой, и этих двух заставлял делать все по-своему. Они, в силу гипноза, опять-таки, совершенно болезненного, всецело подчинялись всем требованиям этого глупого мужика...»¹¹

По наблюдениям и замечаниям многих авторитетных людей того времени в Г.Е. Распутине одновременно уживались две противоположные натуры: одна – праведника, другая – грешника, которые попеременно одерживали верх в его душе. О таких людях в свое время метко заметил известный русский писатель Ф.М. Достоевский, что «никогда вперед не знаешь, в монастырь ли они поступят или деревню сожгут».

Здесь уместно упомянуть о характеристике простого мужика из Тобольской губернии, данной петербургским журналистом и издателем газеты «Дым Отечества», банкиром А.Ф. Филипповым: «Несомненно, что у Распутина повышенная чуткость и культура доброго старого времени, которое давало нам крестьянина, по тонкости восприятий равного барам, иначе этот полуграмотный мужик давно оттолкнул бы от себя представителей высшей аристократии, которых не часто приходится встречать»¹².

---

¹⁰ В этом и во всех последующих документах сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 55. Л. 155–160; Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. I–VII. М.-Л., 1924–1927.

¹² См.: Фомин С.В. На царской страже. М., 2006. С. 310.

Многие объективные и достойные люди, однажды соприкасаясь с Г.Е. Распутиным, выносили двоякое впечатление: во-первых, что он, несомненно, мужик умный и хитрый, как говорится, «себе на уме», а во-вторых, что обвинение его в пресловутом влиянии – результат дворцовых интриг со стороны тех лиц, которые пытались использовать его для своих корыстных целей.

Хорошо знавший Григория Распутина купец 1-й гильдии Арон Симанович позднее делился воспоминаниями:

«Только немногим было суждено познакомиться с другим Распутиным и увидеть за всем известной маской всеильного мужика и чудотворца его более глубокие душевные качества.

Люди, которые могли бы использовать его особое влияние и суггестивную силу для более высоких целей, не вникли в его душу и остались ей чуждыми и далекими. Почти все, кто искал его близости, стремились лишь к достижению своих личных, обычно весьма грязных целей. Для них он был только простым орудием для достижений их. У них не было охоты вдаваться в более глубокие размышления над его характером. Да и другой Распутин был им и не нужен.

Но за грубой маской мужика скрывался сильный дух, напряженно задумавшийся над государственными проблемами.

Распутин явился в Петербург готовым человеком. Образования он не имел, но он принадлежал к тем людям, которые только собственными силами и своим разумом пробивают себе жизненную дорогу, стараются разгадать тайну жизни. Он был мечтатель, беззаботный странник, прошедший вдоль и поперек всю Россию и дважды побывать в Иерусалиме. Во время своих странствований он встречался с людьми из всех классов и вел с ними долгие разговоры. При его огромной памяти он из этих разговоров мог многому научиться. Он наблюдал, как жили люди разных классов, и над многим мог задуматься. Таким образом, во время его долгих паломничеств созрел его особенный философский характер.

После проявления его решающего значения на царя Распутин не разменивал его на мелкую монету. Он имел собственные идеи, которые он старался провести, хотя успех был очень сомнителен. Он не стремился к внешнему блеску и не мечтал об официальных должностях. Он оставался всегда крестьянином, подчеркивал свою мужицкую неотесанность перед людьми, считавшими себя могущественными и превосходящими всех, никогда не забывая миллионы населяющих русские деревни крестьян. Помочь им разрушить возведенную между ними и царем стену было его страстным желанием и пламенной мечтой.

Долгие часы, проведенные им в царской семье, давали ему возможность беседовать с царем на всевозможные политические и религиозные темы. Он рассказывал о русском народе и его страданиях, подробно описывал крестьянскую жизнь, причем царская семья его внимательно слушала. Царь узнал от него многое, что осталось бы без Распутина для него скрытым»¹³.

Бывшая фрейлина и близкая подруга императрицы А.А. Вырубова (Танеева) впоследствии вспоминала по разным поводам о Г.Е. Распутине и Царской семье:

«Он часто бывал в Царской семье... На этих беседах присутствовали великие княжны и наследник... Государь и Государыня называли Распутина просто “Григорий”, он называл их “папа” и “мама”. При встречах они целовались, но ни Государь, ни Государыня никогда не целовали у него руки».

Далее Анна Вырубова писала: «Он им рассказывал про Сибирь и нужды крестьян, о своих странствиях. Их Величества всегда говорили о здоровье наследника и о заботах, которые в ту минуту их беспокоили. Когда после часовой беседы с семьей он уходил, он всегда оставлял Их Величества веселыми, с радостными упованиями и надеждой в душе».

---

¹³ Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига, 1921; Рига, 1924; М., 1991; Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. 2. М., 1997. С. 351–478.

Известный историк С.С. Ольденбург (1888–1940) специально проследил, как выполнялись политические советы Распутина императором Николаем II. Можно констатировать, что далеко не всегда Государь им следовал. Как отмечал Ольденбург, все эти советы Государь отвергает молчаливо, не желая задеть чувства Государыни. Иногда у него, однако, прорывалось и некоторое раздражение. «Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь»¹⁴.

Современники оставили многочисленные свидетельства о свойствах и своеобразии личности Николая II. Специфику характера царя отмечал французский президент Лубе: «Обычно видят в императоре Николае II человека доброго, великодушного, но немного слабого, беззащитного против влияний и давлений. Это глубокая ошибка. Он предан свои идеям, он защищает их с терпением и упорством, он имеет задолго продуманные планы, осуществление которых медленно достигает. Под видом робости, немного женственной, царь имеет сильную душу и мужественное сердце. Непокколебимое и верное. Он знает, куда идет и чего хочет»¹⁵.

Стоит также упомянуть сравнительную характеристику, данную графом С.Ю. Витте двум последним самодержцам Российской империи: «Император Александр III был, несомненно, обыкновенного ума и совершенно обыкновенных способностей, и в этом отношении император Николай II стоит гораздо выше своего отца как по уму и способностям, так и по образованию»¹⁶.

Хотя граф С.Ю. Витте и недолюбливал императора Николая II, который отправил его в отставку, но в числе своих главных успехов признавал значительную долю заслуг Государя. Так, например, в 1897 г. в Российской империи была безболезненно проведена крайне важная денежная реформа – переход на золотую валюту, что упрочило международное финансовое положение страны. В связи с этим С.Ю. Витте писал в своих мемуарах: «В сущности, я имел за собой только одну силу, но силу, которая сильнее всех остальных – доверие императора, а потому я вновь повторяю, что Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно императору Николаю II»¹⁷.

Белогвардейский следователь по особо важным делам Н.А. Соколов в своей известной книге «Убийство царской семьи» характеризовал императора следующим образом:

«Николай Александрович получил воспитание, какое обыкновенно давала среда, в которой родился и жил он. Она привила ему привычку, ставшую основным правилом поведения, быть всегда ровным, сдержанным, не проявляя своих чувств. Всегда он был ровен, спокоен. Никто из окружающих не видел его гнева.

Он любил книгу и много читал по общественным наукам, по истории.

Он был очень прост и скромен в своих личных привычках, потребностях. <...>

Он любил природу и охоту.

Будучи весьма религиозным, царь был наделен сильным чувством любви к простому русскому народу. <...> Самой типичной чертой его натуры, поглощавшей все другие, была доброта его сердца, его душевная мягкость, утонченнейшая деликатность. По своей природе он был совершенно не способен причинить лично кому-нибудь зло»¹⁸.

Начальник канцелярии министра Императорского двора генерал-лейтенант А.А. Мосолов (1854–1939), многие годы непосредственно наблюдавший за жизнью Царской семьи, писал в воспоминаниях о Николае II: «Сознаюсь, что за все 16 лет службы при дворе мне всего лишь дважды довелось говорить с Государем о политике.

¹⁴ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 568.

¹⁵ Новогодний номер венской газеты Neue Freie Pressa за 1910; Буранов Ю.А., Хрусталева В.М. Романовы. Гибель династии. М., 2000. С. 36

¹⁶ Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1849–1911 гг. М., 1991. С. 125.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925; М., 1990. С. 75–76.

Впервые это было по случаю двухсотлетия основания Петербурга. Столбцы газет были переполнены воспоминаниями о победах и преобразованиях Петра Великого. Я заговорил о нем восторженно, но заметил, что царь не поддерживает моей темы. Зная сдержанность Государя, я все же дерзнул спросить его, сочувствует ли он тому, что я выражал.

Николай II, помолчав немного, ответил:

– Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но сознаюсь, что бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечения западною культурою и попираание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но мне оно несимпатично.

Из дальнейшего разговора мне показалось, что кроме сказанного Государь ставит в укор Петру и некоторую показную сторону его действий, и долю в них авантюризма»¹⁹.

Надо сказать, что у Г.Е. Распутина не было никаких политических программ. Он просто проповедовал мистическую веру в народного царя как «помазанника Божия». Император Николай II и его супруга Александра Федоровна верили, что в лице одного из «святых» простолудинов с ними бескорыстно и правдиво говорит истинно русский народ. Распутин никогда не льстил им и часто в глаза говорил колкости, призывая к «смирению» и «укрощению гордыни». Многие слова проповедей «святого друга» были созвучны душевным струнам царской четы. Государь Николай II был убежден в необходимости сохранить верность клятве, которую он дал отцу на его смертном одре, клятву «достойно нести бремя абсолютной монархии».

Известно, что император Николай II имел продолжительную беседу с графом Л.Л. Толстым (сын писателя Льва Николаевича Толстого). В этой беседе царь привел главный аргумент, которого придерживался все свое царствование. Он сказал, что ему лично ничего не нужно, что он хотел бы «покойно жить в своей семье, но что клятва, принесенная им во время коронации, не дает ему права на отречение от неограниченной власти». Однако близкие родственники Николая II считали, что царь пошел бы на уступки «думской оппозиции», если бы не влияние на него властной супруги Александры Федоровны и всеми ненавидимого Григория Распутина.

В Государственной Думе Г.Е. Распутин оппозицией был оценен и избран как подходящий элемент для скрытой пропаганды против царской династии и устоев государственного строя Российской империи. Под критикой «грязного и порочного Гришки» прежде всего метили в устоявшийся вековой режим и стремились разрушить самодержавие. Недаром доктор Е.С. Боткин с горечью отмечал: «Если бы не было Распутина, то противники Царской семьи и подготовители революции создали бы его своими разговорами из Вырубовой, не будь Вырубовой, из меня, из кого хочешь»²⁰.

Анна Вырубова (Танеева) в эмиграции с возмущением писала по этому поводу в воспоминаниях (опубликованных в 1920-х гг. во Франции и Америке):

«Распутиным воспользовались, как поводом для разрушения всех прежних устоев; он как бы олицетворял в себе то, что стало ненавистным русскому обществу, которое, как я уже писала, утратило всякое равновесие; он стал символом их ненависти. И на эту удочку словили всех, и мудрых и глупых, и бедных и богатых. Но громче всех кричала аристократия и великие князья и рубили сук, на котором сами сидели. Россия, как и Франция 18-го столетия, прошла через период полного сумасшествия и только теперь через страдание и слезы начинает поправляться от своего тяжелого заболевания. Плачут и проклинают большевиков. Большевики – большевиками, но рука Господня страшна. Но чем скорее каждый пороется в своей совести и

¹⁹ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 80–81.

²⁰ Мельник (Боткина) Т. Воспоминания о Царской семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 39.

сознает свою вину перед Богом, Царем и Россией, тем скорее Господь избавит нас от тяжких испытаний. “Аз есмь Бог отмщения и Аз воздам”»²¹.

Во всяком случае, при всем желании найти в советах Распутина что-либо, подсказанное врагами Отечества, в чем его обвиняли многочисленные недруги, было невозможно. Его советы и проповеди призывали только к укреплению строя и блага простого народа.

Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко (1859–1924), ярый противник «старца» и закулисный недоброжелатель императора Николая II, следующим образом характеризовал роль епископа Феофана и Г.Е. Распутина в судьбе Царской семьи:

«...Папюс вскоре был выслан, и его место занял Феофан, ректор СПб Духовной академии, назначенный к тому же еще и духовником Их Величеств. По рассказам, передаваемым тогда в петербургском обществе, верность которых документально доказать я, однако, не берусь, состоялось тайное соглашение высших церковных иерархов в том смысле, что на болезненно настроенную душу молодой императрицы должна разумно влиять православная церковь, стоя на страже и охране православия, и, всемерно охраняя его, бороться против глупого влияния гнусных иностранцев, преследующих, очевидно, совсем иные цели.

Личность преосвященного Феофана стяжала себе всеобщее уважение своими прекрасными душевными качествами. Это был чистый, твердый и христианской веры в духе истого православия и христианского смирения человек. Двух мнений о нем не было. Вокруг него низкие интриги и происки иметь места не могли бы, ибо это был нравственный и убежденный служитель алтаря Господня, чуждый политики и честолюбивых запросов.

Тем более непонятным и странным покажется то обстоятельство, что к Императорскому Двору именно им был введен Распутин.

Надо полагать, что епископ Феофан глубоко ошибся в оценке личности и душевных свойств Распутина. Этот умный и тонкий, хотя почти неграмотный мужик ловко обошел кроткого, незлобивого и доверчивого епископа, который по своей чистоте душевной не угадал всю глубину разврата и безнравственности внутреннего мира Григория Распутина. Епископ Феофан полагал, несомненно, что на болезненные душевные запросы молодой императрицы всего лучше может подействовать простой, богобоязненный, верующий православный русский человек ясностью, простотой и несложностью своего духовного мировоззрения простолюдина. Епископ Феофан, конечно, думал, что богобоязненный старец, каким он представлял себе Распутина, именно этой ясной простотой вернее ответит на запросы Государыни и легче, чем кто другой, рассеет сгустившийся в душе ее тяжелый мистический туман. Но роковым образом честный епископ был жестоко обморочен ловким пройдохой и вследствие сам тяжко поплатился за свою ошибку»²².

Некоторые современные исследователи жизни Г.Е. Распутина ссылаются в своих трудах также на епископа Феофана:

«Перед тем как назначить ему аудиенцию царь и царица чувствовали некоторое сомнение и обратились за советом к архимандриту Феофану, который совершенно их успокоил.

– Григорий Ефимович, – сказал он, – крестьянин, простец. Полезно будет выслушать его, потому что его устами говорит голос русской земли. Я знаю все, в чем его упрекают. Мне известны его грехи: они бесчисленны и большей частью гнусны. Но в нем такая сила сокрушения, такая наивная вера в божественное милосердие, что я готов был бы поручиться за его вечное спасение. После каждого раскаяния он чист, как младенец, только что вынутый из купели крещения. Бог явно отличает его своей благодатью.

Так, через о. Феофана и через вышенареченных великих княгинь царица, а за ней и царь узнали вскоре про отца Григория, к знакомству с которым они были, впрочем, подготовлены

---

²¹ Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 183.

²² Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 13–14.

женой действительного статского советника Ольгой Владимировной Лохтиной и фрейлиной Александры Федоровны – Анной Александровной Вырубовой.

О знакомстве царицы со «старцем» близкие к придворным кругам люди передавали в свое время как об умильном событии, в коем сразу же царице было дано свыше почувствовать чудотворную силу отца Григория»²³.

Григорий Распутин впервые появился перед Царской семьей в лихое время военной поры и величайшей смуты первой русской революции. Среди интеллигенции и нигилистов в разгар Русско-японской войны превалировали пораженческие настроения. Они надеялись, что разгром Российской империи приведет к аналогичной ситуации, как во время проигранной Крымской войны эпохи императора Николая I, когда вслед за тем последовало наступление либеральных реформ времен Александра II. Как говорят в таких случаях опытные государственные деятели: «Цель оправдывает средства». Расчет оппозиционеров и циников от политики оказался верным. Заметим, что у последних (включая эсеров и всех мастей экстремистов) был накоплен большой опыт по систематическому истреблению наиболее верных приверженцев трона. Известно, что от выстрелов и бомб террористов погибли: великий князь Сергей Александрович (супруг великой княгини Елизаветы Федоровны); царские министры: Плеве, Сипягин и Боголепов; генерал-губернаторы и губернаторы: граф Игнатьев, Слепцов, Старынкевич, Александровский, Хвостов, главный военный прокурор Павлов, петербургский градоначальник фон Дер-Лауниц, генералы и адмиралы: Чухлин, Мин, Алиханов и многие другие. Изданная в 1907 г. «Книга Русской Скорби», в 14 томах, памятник жертвам революционного террора, содержит сведения от царских министров и губернаторов до урядников, священников и учителей. Что это?! Борьба за свободу или начало разрушения государства Российского?! В итоге императору Николаю II под давлением единого фронта оппозиции и некоторых царских родственников пришлось уступить либералам: объявить Манифест от 17 октября 1905 г. с дарованием демократических свобод и учреждением Государственной Думы. Однако эта уступка не ликвидировала смуту, а по своей сути своеобразную гражданскую войну в России, которая (по мнению некоторых ученых) продолжается до сих пор.

После эпохи управления царским правительством более или менее либеральным графом С.Ю. Витте (1849–1915) наступила другая эпоха – П.А. Столыпина (1862–1911) с его жестким курсом и своеобразными методами по «умирению России».

В дневнике императора Николая II за 1906 год имеется следующая запись:

«18-го июля. Вторник.

В 9 час. поехал с Аликом и Алексеем на задний плац, где я произвел смотр Семеновскому полку. Полк представился изумительно. Поблагодарил его за службу в Москве. Вернулись в 10 1/4. Перед домом было производство юнкеров дополнительного класса Николаевского инженерного училища. Имел три доклада.

После завтрака отправились на «Мареве» к Елагину, затем к Кронштадту и в 6 час. пришли назад. Взяли с собой всех дочерей. Занимался. До обеда выкупался в море. Вечером были на Сергиевке и видели Григория!»²⁴

Как видно из этой подневной записи Государя, что во время посещения царской четой семейства великой княгини Милицы Николаевны, как и полгода тому назад, им опять попался на глаза «старец» Григорий Распутин, который, вероятно, привлек вновь внимание «венценосцев». Через некоторое время сестры-черногорки нашли благовидный повод очередной раз приблизить Г.Е. Распутина к царскому дворцу. Это нашло отражение в дневнике императора:

«13-го октября. Пятница.

²³ Францев О.Н. Григорий Распутин. Минск, 1998. С. 30–31.

²⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 250; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 325.

Отличный ясный день с легким морозом ночью. Утром успел погулять. Имел три доклада. Завтракали одни. Совершили хорошую прогулку пешком до Марли и обратно. В 6 1/4 к нам приехал Григорий [Распутин], он привез икону Св. Симеона Верхотурского, видел детей и поговорил с ними до 7 1/2. Обедан Орлов»²⁵.

На этот раз свидание со старцем имело свои плоды. Вскоре император Николай II в письме к главе правительства П.А. Столыпину от 16 октября 1906 г. рекомендовал Г.Е. Распутина как целителя и молитвенника для возможной помощи его дочери (пострадавшей во время акта покушения эсеров-террористов):

«Петр Аркадьевич!

На днях я принимал крестьянина Тобольской губернии – Григория Распутина, который поднес мне икону Св. Симеона Верхотурского. Он произвел на Ее Величество и на меня замечательное сильное впечатление, так что вместо пяти минут разговор с ним длился более часа!

Он в скором времени уезжает на родину. У него сильное желание повидать вас и благословить вашу больную дочь иконою. Адрес его следующий: СПб. 2-я Рождественская, 4. Живет у священника Ярослава Медведя»²⁶.

Очередная запись с упоминанием имени «старца» в дневнике Государя появляется только через два месяца:

«9-го декабря. Суббота.

Утро было занятое от 10 – до часу. В 3 часа приняли Эмира с сыном и простились с ним. Гулял, день был светлый, начало подмораживать. В 6 час. принял Лангофа. Читал до 8 ч. Обедали Милица и Стана. Весь вечер они рассказывали нам о Григории»²⁷.

Таким образом, за 1906 год царская чета виделась с Григорием Распутиным два раза, из них лишь однажды «старец» был у них в гостях. Сестры-черногорки пытались упрочить дружбу с Царской семьей, имея, в том числе, личные интересы, как например, испросить «монаршее разрешение» разведенной Анастасии Николаевне на заключение брака с великим князем Николаем Николаевичем. Хотя с точки зрения строгих канонов православной церкви и принятых в то время правил такой брак не допускался или, по крайней мере, считался нежелательным; этому намерению также препятствовал закон о престолонаследии.

Великий князь Константин Константинович 6 ноября 1906 г. с укоризной по этому поводу записал в дневнике: «Узнал с ужасом от жены, которая была на гусарском празднике, что Стана Лейхтенбергская разводится с Юрием и выходит замуж за Николашу!!! Разрешение этого брака не может не представляться поблажкой, вызванной близостью Николаши к Государю, а Станы к молодой Государыне; оно нарушает церковное правило, воспрещающее двум братьям жениться на двух сестрах»²⁸.

Жизнь Григория Ефимовича Распутина, фаворита семьи последнего Российского императора, всегда была окутана множеством загадок, легенд, сплетен и анекдотических вымыслов. Своеобразно и каламбурно на этот счет изложила писательница Н.А. Тэффи (Бучинская) в воспоминаниях, метко заметившая, что Распутин «весь словно выдуманный, в легенде жил, в легенде умер и в памяти легендой облетится. Полуграмотный мужик, царский советник, греховодник и молитвенник, оборотень с именем Божиим на устах»²⁹.

Прежде всего это касалось его биографии. Даже в 1915 г., когда тобольская жандармерия заинтересовалась Григорием Ефимовичем, помощник начальника Тобольского губернского жандармского управления в Тюменском, Ялуторовском и Туринском уездах ротмистр В.М.

²⁵ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 250; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 338.

²⁶ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1125; Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра: любовь и жизнь. М., 1998. С. 295.

²⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 250; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 346.

²⁸ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 57.

²⁹ Тэффи Н.А. Воспоминания // Простор. Алма-Ата, 1989. № 8. С. 152.

Калмыков в своем секретном донесении назвал приблизительный возраст Распутина – около 38 лет, т.е. 1877 года рождения. Однако по архивным документам удалось установить, что Распутин родился 10 января 1869 г. Интересна и история, связанная с его фамилией. В архивах среди документов императора Николая II сохранилось прошение Григория Распутина от 15 декабря 1906 г.: «Ваше Императорское Величество. Проживая в селе Покровском, я ношу фамилию Распутина, в то время как и многие односельчане носят ту же фамилию, отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения.

Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества и прошу дабы повелено было мне и моему потомству именоваться по фамилии “Распутин Новый”.

Вашего Императорского Величества верноподданный

Григорий»³⁰.

Просьба вскоре была удовлетворена. В материалах Покровского волостного правления Тобольской губернии (на родине Григория Ефимовича) за 1908 год есть примечание против фамилии Распутин: «Григорию Высочайше разрешено именоваться по фамилии “Распутин Новый”. Предписание Тобольской Казенной палаты от 7-го марта 1907 г. за № 9136 в деле № Ц/1907 г.».

Приставка к фамилии появилась при следующих обстоятельствах: когда наследник цесаревич Алексей Николаевич впервые увидел «старца-странника», он назвал его «новый», тем самым выделив из круга ему уже знакомых лиц приближенных.

В дневнике императора Николая II за 1907 год имеется следующая запись:

«6-го апреля. Пятница.

Утром шел дождь. В 10 1/2 поехали в экзерциргауз на церковный парад л.-гв. Сводно-Казачьего полка. В первый раз по его сформировании видел полк в полном составе. Завтракали с офицерами во дворце. Перед отъездом снялись группой на подъезде. Принял три доклада. Гулял и работал на льду.

После чая пошли на другую сторону наверх и там имели радость повидать и поговорить с Григорием [Распутиным]! Обедала Аня [Вырубова]. Долго принимал Столыпина»³¹.

Спустя чуть более двух месяцев еще одна подобная запись императора о Распутине:

«19-го июня. Вторник.

Такая же тропическая жара. Утром погулял с Аликс. Имел два доклада. Завтракали: д. Алексей и Сергей Мих[айлович], В 3 часа поехали с Аликс в ее двуколке на Знаменку. Встретили Стану на террасе перед дворцом, вошли в него и там имели радость увидеть Григория [Распутина]. Побеседовали около часа и вернулись к себе. Принял Извольского. Обедал Хан-Нахичеванский (деж.). В 9 1/2 отправились с Ансей [Вырубовой] на «Дозорном» за Кронштадт как вчера и вернулись к 12 час. Море было идеальное»³².

По поздним воспоминаниям Анны Вырубовой, которые она написала в монастыре на территории Финляндии, 20 лет спустя после гибели Царской семьи, имеются следующие строки: «В первый год пребывания в С.-Петербурге “чудотворца” принимали с большим интересом. Помню, однажды я была в гостях в доме одного инженера, где он тогда жил. Старец сидел между пятью епископами – все образованные и культурные люди. Они задавали ему вопросы по Библии и хотели знать его интерпретацию глубоких мистических тем. Слова этого совершенно неграмотного человека интересовали их (четыре из посещавших его тогда епископов были впоследствии убиты; три еще живы, один из них в России. Я не хочу называть их имен). В течение двух первых лет жизни Распутина в С.-Петербурге многие обращались к нему с полным доверием, испрашивая его руководства в духовной жизни. Среди таких людей была и я.

---

³⁰ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1.

³¹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 251; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 360–361.

³² ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 251; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 373.

Распутин был очень худ, с пронизательными глазами и большой шишкой на лбу, под волосами, – молясь перед образами, он всегда ударялся головой об пол. Когда о нем начали распространять различные слухи, он собрал среди друзей деньги и поехал на год как паломник в Иерусалим поклониться Гробу Господню. Через много лет после этого, когда я была в Валаамском монастыре в Финляндии, я встретила там монаха, теперь уже покойного. Это был отец Михаил, духовник монастыря. Он рассказывал мне о своей встрече с Распутиным в Иерусалиме, когда старец, вместе с другими паломниками, направлялся к Гробу Господню. <...>

Как я говорила, вначале не только Их Величества, но и высокие духовные лица интересовались словами старца. Помню, как одно такое лицо говорило мне, какое впечатление произвело на всех, когда однажды Распутин, обращаясь к одному из них, совесть которого была нечиста, сказал: “Почему ты не покаешься в своем грехе?” Тот, к кому были обращены эти слова, смертельно побледнел.

Вначале Государь и Государыня встречали Распутина у великих князей Петра и Николая Николаевичей. Тогда великие князья и их семьи считали его пророком и сидели у его ног»³³.

В дневнике императора Николая II за 1907 год имеется еще одна запись с упоминанием Григория Распутина:

«15-го ноября. Четверг.

Утром принял Нилова по поводу постановления судебного приговора по делу об аварии «Штандарта».

Аликс перешла на кушетку; Татьяна еще лежала. У меня был прием.

Завтракал кроме других Николай М[ихайлович]. Гулял один; у Дмитрия [Павловича] голова болела. Таяло и дуло. После чая неожиданно к нам явился Григорий!

Принял Шегловитова. После обеда проводил William на станцию. Читал»³⁴.

Как мы видим из дневниковых записей Государя, встречи с Григорием Распутиным Царской семьи и в 1907 году были редкими.

Григорий Распутин продолжал выполнять напутствие святого о. Иоанна Кронштадтского: как можно больше помогать нуждающимся людям. Он в силу возможностей помогал бедным, в том числе односельчанам. Кому подсобил купить корову, кого одарил приданым перед замужеством. В местной лавке на распутинский счет часто записывали по его распоряжению стоимость продуктов, отпускаемых самым бедным семьям села Покровского. Он неоднократно жертвовал деньги на строительство местной церкви.

29 мая 1907 г. корреспондент тюменской газеты побывал в селе Покровском, а после сообщил в печати: «На церковном сходе 9 мая прихожанам слободы Покровской церкви местным крестьянином Григорием Ефимовичем Распутиным, переименованным по указу Его Императорского Величества в “Новых”, было предложено 5 тысяч рублей на постройку новой церкви в с. Покровском с тем, чтобы и крестьяне с своей стороны сделали хоть что-нибудь...» В селе Покровском в основном на деньги Г.Е. Распутина были построены школа, попечителем которой он стал, и церковь (ее разобрали после войны 1946 г. на печи и на строительство МТС).

Об этих же перечисленных обстоятельствах в 1910 г. под грифом «секретно» рапортовал своему начальству негласно следящий за Распутиным унтер-офицер Прилин: «Распутин Григорий Ефимович, 40 лет от роду. Часто бывает в Петербурге, имеет знакомство с великой княгиней Черногорской Милицей Николаевной. Живет богато, помогает бедным своим односельчанам, образ жизни ведет трезвый».

Следователь ЧСК Временного правительства В.М. Руднев позднее делился своими впечатлениями по делу о «темных силах», которое он вел: «Личность Распутина в смысле душевного склада не была так проста, как об этом говорили и писали. Я пришел к заключению, что

³³ Вырубова А.А. Неопубликованные воспоминания / Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 214–215.

³⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 252. Л. 125.

в жизни Распутина имело место какое-то большое и глубокое душевное переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться к Христу...

Вообще надо сказать, что Распутин, несмотря на свою малограмотность, был далеко не урядным человеком и отличался от природы острым умом, большой находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться, особенно давая характеристики отдельным лицам. Его внешняя грубость и простота обращения, напоминавшая порой юродивого, были, несомненно, искусственны, или он старался подчеркнуть свое крестьянское происхождение и свою неинтеллигентность»³⁵

Великий князь Андрей Владимирович (1879–1856) в дневниковой записи от 17 сентября 1915 г., пересказывая давний разговор уже покойного к тому времени С.Ю. Витте с чиновником А.В. Осмоловским о Г.Е. Распутине, подчеркнул: «Граф Витте ответил: “Вы не знаете, какого большого ума этот замечательный человек. Он лучше, нежели кто, знает Россию, ее дух, настроение и исторические стремления. Он знает все каким-то чутьем...”»³⁶.

Однако были и другие, часто противоположные мнения. Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко (1859–1924), ярый противник «старца», следующим образом характеризовал его влияние на царскую чету: «Вне всякого сомнения, Григорий Распутин, помимо недюжинного ума, чрезвычайной изворотливости и ни перед чем не останавливающейся развратной воли, обладал большой силой гипнотизма. Думаю, что в научном отношении он представлял исключительный интерес. В этом сходятся решительно все его сколько-нибудь знавшие, и силу этого внушения я испытал лично на себе, о чем буду говорить впоследствии.

Само собой разумеется, что на нервную, мистически настроенную императрицу, на ее мятушуюся душу, страдавшую постоянным страхом за судьбу своего сына, наследника престола, всегда тревожную за своего державного мужа, – сила гипнотизма Григория Распутина должна была оказывать исключительное действие. Можно с уверенностью сказать, что он совершенно поработил силою своего внушения волю молодой императрицы. Этою же силою он внушал ей уверенность, что пока он при Дворе, династии не грозит опасности. Он внушил ей, что он вышел из простого серого народа, а потому лучше, чем кто-либо, может понимать его нужды и те пути, по которым надо идти, чтобы осчастливить Россию. Он силою своего гипнотизма внушил царице непоколебимую, ничем не победимую веру в себя и в то, что он избранник Божий, ниспосланный для спасения России.

Вдобавок, по мнению врачей, в высшей степени нервная императрица страдала зачастую истерически нервными припадками, заставлявшими ее жестоко страдать, и Распутин применял в это время силу своего внушения и облегчал ее страдания. И только в этом заключался секрет его влияния. Явление чисто патологическое и больше ничего. Мне помнится, что я говорил по этому поводу с бывшим тогда председателем Совета Министров И.Л. Горемыкиным, который прямо сказал мне: “C’est une question clinique”.

Тем отвратительнее было мне всегда слышать разные грязные инсинуации и рассказы о каких-то интимных отношениях Распутина к царице. Да будет грешно и позорно не только тем, кто это говорил, но и тем, кто смел тому верить. Безупречная семейная жизнь царской четы совершенно очевидна, а тем, кому, как мне, довелось ознакомиться с их интимной перепиской во время войны, и документально доказана. Но тем не менее Григорий Распутин был настоящим оракулом императрицы Александры Федоровны, и его мнение было для нее законом. С другой стороны, императрица Александра Федоровна, как натура исключительно волевая, даже деспотическая, имела неограниченное, подавляющее влияние на своего, лишенного всякого признака воли и характера, августейшего супруга. Она умела и его расположить к Распу-

---

³⁵ Руднев В.М. Правда о царской семье и темных силах. Берлин, 1920; Григорий Распутин. Сборник исторических материалов. Т. 4. М., 1997. С. 245–266.

³⁶ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 184.

тину и внушить ему доверие, хотя я положительно утверждаю на основании личного опыта, что в тайниках души императора Николая II до последних дней его царствования все же шевелилось мучительное сомнение. Но тем не менее Распутин имел беспрепятственный доступ к царю и влияние на него»³⁷.

По свидетельству флигель-адъютанта свиты императора С.С. Фабрицкого (1874–1941) царская чета часто сетовала: «Лично мне неоднократно пришлось слышать и от Государя и от Императрицы ту же фразу, произносимую всегда с тоской: “Мы хорошо знаем, что стоит нам приблизить к себе кого-нибудь, кто нам так или иначе понравился, чтобы про этого человека начали бы говорить гадости”»³⁸.

Имеется еще одно подобное свидетельство: «Вот, посмотрите, – говорил однажды Николай II одному из своих адъютантов Д. – Когда у меня забота, сомнение, неприятность, мне достаточно пять минут поговорить с Григорием, чтобы тотчас почувствовать себя укрепленным и успокоенным. Он всегда умеет сказать мне то, что мне нужно услышать. И действие его слов длится целые недели».

Царская семья встретила настороженное, а порой и враждебное отношение высшего света. Некоторые из них давали очень резкие и злобные характеристики царской чете: «Николай II оказался таким же однолюбом, как и его отец. Выбор его сердца пал на скромную, застенчивую немецкую принцессу одного из второстепенных германских дворов. Принцесса эта, получив английское воспитание, сохранила в крови специфический провинциализм и тягу к мещанскому уюту. Вся она была олицетворением приватности и антиподом державности. В семье простого смертного она была бы отрадой и украшением... Вероятно, она принесла бы счастье и любому европейскому конституционному монарху. Но на престоле Российского самодержца она оказалась почти вороной в павлиньих перьях. А ее дородность и красота бок о бок с тщедушной фигурой мужа вызывали какие-то смутные предчувствия. Наружное несоответствие было и у четы Александра III с его женою. Но колосс муж бок о бок с крошечной женой внушали русскому сердцу больше доверия, чем крупная жена бок о бок с тщедушным мужем»³⁹.

Конечно, это были злопыхатели, недовольные властью и своим положением, но, к сожалению, они своего «звездного часа» все же дождались.

Люди, которые могли наблюдать молодую царицу не только на балах и официальных приемах, а в более интимной обстановке, отзывались о ней совсем по-другому. Так, например, флигель-адъютант С.С. Фабрицкий, часто бывавший в Царской семье, свидетельствовал: «Государыня обладала довольно вспыльчивым характером, но умела сдерживаться, а затем очень быстро отходила и забывала свой гнев... Ее Величество обладала редко развитым чувством долга, и это как бы давало ей возможность быть упорной во многих случаях, когда по ее понятиям так требовал ее долг...»⁴⁰

Далее он указывал: «К характеристике Государыни императрицы Александры Федоровны надо добавить, что она была в полном смысле слова красавицей, в которой соединялось все: царственная осанка, правильные черты лица, большой рост, правильная фигура, изящная походка, грация, большой ум, огромная начитанность и образованность, талант к искусствам, прекрасная память, сердечная доброта и т. п., но у нее не было искусства очаровывать, не было умения и желания нравиться толпе. А это, по-видимому, для царственных особ необходимо»⁴¹.

---

³⁷ Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 18–19.

³⁸ Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя Императора Николая II. Берлин, 1926. С. 54.

³⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 346. Л. 27–28.

⁴⁰ Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя императора Николая II. Берлин, 1926. С. 118, 122.

⁴¹ Там же. С. 122.

Однако эта наука «нравиться другим» оказалась очень сложной. Отчуждению молодой царицы от «петербургского света» значительно способствовали внешняя холодность ее обращения и отсутствие внешней приветливости. Происходила эта холодность, по-видимому, преимущественно от присущей Александре Федоровне необыкновенной застенчивости и испытываемого ею смущения при общении с незнакомыми людьми. В кругу близких, когда застенчивость проходила, Александра Федоровна преображалась, становилась центром веселья и скучать в ее кругу (по уверению друзей царской четы и приближенных придворных) не приходилось.

Люди, близко знавшие Царскую семью, отмечали ее простоту в обхождении с другими, скромность в одежде и непритязательность в быту. Рассказывали, что однажды в Гамбурге при прогулке Николая Александровича по улицам города у проезжавшего мимо почтальона выпал ящик, Государь бросился, поднял этот ящик и передал его почтальону. На замечание спутника, зачем он изволил беспокоиться, Государь ответил: «Чем выше человек, тем скорее он должен помогать всем и никогда в обращении не напоминать своего положения».

Однако другие нравы господствовали в аристократической среде столицы. Придворные особы часто сопоставляли вдовствующую императрицу Марию Федоровну и молодую царицу Александру Федоровну. Графиня М.Э. Клейнмихель, критикуя супругу Николая II, отмечала: «Она была горда и застенчива в то же время и была совсем непохожа на свою приветливую тещу, вдовствующую императрицу Марию Федоровну, чья улыбка всех очаровывала. Ввиду того, что молодая императрица в юные годы не подготовлялась к своей будущей роли и никогда не должна была подчинять свою волю высшей воле другого, она не знала людей и, несмотря на это, считала свои суждения безупречными... Она судила всех и все очень строго... Вместо того чтобы искать сближения и привлечь к себе сердца, царица избегала разговоров и встреч, и стена, отделявшая ее от общества, все росла»⁴².

Чувствуя нерасположение к себе аристократического общества, Александра Федоровна невольно стала удаляться от строгих критиков, не будучи в состоянии лицемерить и любезно принимать у себя тех, кто заочно ее осуждал. Получился заколдованный круг отчуждения, который с годами все увеличивался.

Судьбе было угодно подарить царской чете четырех дочерей. Это нередкое в частной жизни явление, в жизни «венценосцев» стало едва ли не проклятием. Каждую беременность Александра Федоровна ждала сына, чтобы выполнить, как она считала, долг императрицы перед Державой. И каждый раз рождение дочери ставило под сомнение династическую стабильность в Российской империи. Почти сплошь предки Николая II имели сыновей. Все европейские дворы имели наследников (Вильгельм II даже четверых), и только Российский трон 10 лет стоял осиротевшим. Для настороженной к року, болезненно самолюбивой императрицы Александры Федоровны это явилось трагедией.

Александра Федоровна была заботливой матерью: она сама ухаживала, кормила своих детей, просиживала ночи около их кроватей, когда они болели. В основу воспитания своих детей Царская семья положила развитие в них главных качеств: трудолюбия, скромности, простоты и отзывчивости на чужое горе.

Сама императрица Александра Федоровна никогда не оставалась без дела: она все время вязала, вышивала, рисовала, готовила разные вещи для подарков в благотворительных целях. Она не выносила безделья, считая его предосудительным и вредным. И к этому же настойчиво приучала своих детей. Александра Федоровна не позволяла им сидеть сложа руки. Но далеко не все окружающие с восторгом лицебезили полнейшую идиллию своего императора. Ее упрекали, что «она в первую очередь не императрица, а мать». Придворную знать раздражали бесконечные беременности царицы, нарушавшие пышный церемониал двора, ее привер-

---

⁴² Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б/д. С. 170–172.

женность к уединению, нелюбовь к балам, маскарадам. Застенчивость императрицы вызывала едкие насмешки аристократов. Скромная дармштадтская принцесса так и не стала «своей» для блестящего петербургского света. Большой Двор при Николае II все больше становился в антагонизм с дворами малыми, что усилило придворные интриги и послужило питательной средой для возникновения придворной «камарильи», больших и малых «политических салонов».

После рождения дочерей Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии 30 июля (12 августа – по новому стилю) 1904 г. «Бог даровал России наследника престола...». Это долгожданное событие произошло в летней резиденции Царской семьи в Петергофе.

По существовавшей традиции в честь рождения цесаревича был произведен артиллерийский салют в 301 залп. По всей Российской империи гремели пушки, звонили колокола и развевались национальные флаги.

Счастливый Николай II описал это событие в своем дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в кот[орый] так явно посетила нас милость Божья. В 1 1/4 дня у Аликс родился сын, кот[орого] при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро – для меня, по крайней мере. Утром побывал, как всегда, у Мама, затем принял доклад Коковцева и раненого при Вафангоу арт[иллерийского] офицера Клепикова и пошел к Аликс, чтобы завтракать. Она уже была наверху, и полчаса спустя произошло это счастливое событие. Нет слов, чтобы уметь достаточно благодарить Бога за ниспосланное нам утешение в эту годину трудных испытаний! Дорогая Аликс чувствовала себя очень хорошо. Мама приехала в 2 часа и долго просидела со мною, до первого свидания с новым внуком. В 5 час[ов] поехал к молебну с детьми, к кот[орому] собралось все семейство. Писал массу телеграмм...»⁴³

Командир лейб-гвардии Кирасирского полка генерал Г.О. Раух, поздравляя на другой день Государя с рождением наследника, осведомился, какое имя будет дано ему при крещении.

«Императрица и я решили дать ему имя Алексея. Надо нарушить линию Александров и Николаев...» – ответил Николай II.

Государыня звала сына Солнечным лучом, Крошкой, Бэби, Агунюшкой. Николай Александрович в своем дневнике называет его «наше маленькое сокровище». Однако рядом с долгожданным семейным счастьем соседствовало непоправимое несчастье. Сын унаследовал таинственную болезнь Гессенского дома, гемофилию (*несворачиваемость крови*. – В.Х.). Жизнь мальчика ежечасно была под смертельной угрозой.

В 1913 г., в дни 300-летия Дома Романовых, больного цесаревича проносили пред войсками на руках: «Его рука обнимала шею казака, было прозрачно-бледным его исхудавшее лицо, а прекрасные глаза полны грусти...»

«Когда он был здоров, – свидетельствовал позднее учитель наследника Пьер Жильяр, – дворец как бы перерождался: это был как бы луч солнца, освещающий все и всех»⁴⁴. Это был умный, живой, сердечный и отзывчивый ребенок.

Сохранились любопытные наблюдения С.Я. Офросимовой за особенностями поведения маленького цесаревича Алексея Николаевича, о чем она позднее писала в своих воспоминаниях: «Цесаревич не был гордым ребенком, хотя мысль, что он будущий царь, наполняла все его сознание своего высшего предназначения. Когда он бывал в обществе знатных и приближенных к Государю лиц, у него появлялось сознание своей царственности.

Однажды цесаревич вошел в кабинет Государя, который в это время беседовал с министром. При входе наследника собеседник Государя не нашел нужным встать, а лишь приподнявшись со стула, подал цесаревичу руку. Наследник, оскорбленный, остановился перед ним и молча заложил руки за спину; этот жест не придавал ему заносчивого вида, а лишь царственную, выжидающую позу. Министр невольно встал и выпрямился во весь рост перед цесаревичем.

⁴³ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 222.

⁴⁴ Светлый отрок. М., 1990. С. 12.

чем. На это цесаревич ответил вежливым пожатием руки. Сказав Государю что-то о своей прогулке, он медленно вышел из кабинета. Государь долго глядел ему вслед и наконец с грустью и гордостью сказал: «Да. С ним вам не так легко будет справиться, как со мною»⁴⁵.

Григорий Распутин поддерживал глубокую потребность императора Николая II руководствоваться не сложными рассуждениями министров, а простыми велениями души. По воспоминаниям архимандрита Феофана: «Государь, Государыня с наследником на руках, я и он (*Григорий Распутин*. – В.Х.) сидели в столовой во дворце. Сидели и беседовали о политическом положении в России. Старец Григорий вдруг как вскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя. Государь вздрогнул, я испугался, Государыня встала, наследник заплакал, а старец и спрашивает Государя: “Ну, что? Где екнуло, здесь али тут?” – при этом он сначала указывал пальцем себе на лоб, а потом на сердце. Государь ответил, указывая на сердце: “Здесь, сердце забилося!” “То-то же, – продолжал старец, – коли что будешь делать для России, спрашивай не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума!”»

После приближения Григория Распутина к царскому дворцу все больше разных слухов и сплетен стало ходить о нем, и все больше скандальных. Это начало весьма беспокоить многих членов Императорской фамилии. Так, например, старшая сестра императора Николая II великая княгиня Ксения Александровна (1875–1960) записала 25 января 1912 г. в дневнике:

«Поехала к Анне (*Вырубовой*. – В.Х.), которую застала в постели (в ее большой комнате). Говорили о Гермогене, Илиодоре, а главное о Гр[игории] Распутине. Газетам запрещено писать о нем – а на днях в некоторых газетах снова появилось его имя, и эти номера были конфискованы.

Все уже знают и говорят о нем и ужас какие вещи про него рассказывают, т.е. про А[ликс] и все, что делается в Царском. Юсуповы приехали к чаю – все тот же разговор и в Аничкове вечером и за обедом я рассказала все слышанное. Чем все это кончится? Ужас!»⁴⁶

Даже в дневнике великого князя Константина Константиновича от 27 февраля 1912 г. появляется следующая запись:

«В городе, как я знаю по доходящим до нас отрывкам слухов, – мы сплетен не любим и мало к ним прислушиваемся, – сильно заняты странником-сибиряком, который, говорят, вхож к Их Величествам и молвою приплетен к мероприятиям, принятым Св. Синодом по отношению к саратовскому архиепископу Гермогену и Царицынскому монаху Илиодору. – Говорят, что этот странник Григорий Распутин оправдывает свою фамилию, принадлежит к хлыстам, что его собираются выслать, но что его прикрывают в Царском Селе. Мы живем рядом, но ничего не знаем»⁴⁷.

Неоднократно вопрос о сектантстве Григория Распутина волновал депутатов Государственной Думы. После Февральской революции он официально выяснялся ЧСК Временного правительства.

Стоит отметить, что В.М. Руднев (бывший следователь ЧСК Временного правительства) о Г.Е. Распутине писал следующее:

«Ввиду сведений, что Распутин в Сибири мылся в бане вместе с женщинами, родилось предположение о его принадлежности к секте хлыстов. С целью выяснить этот вопрос Верховной следственной комиссией был приглашен профессор по кафедре сектантства Московской духовной академии Громогласов. Последний ознакомился со всем следственным материалом и, считаясь с тем, что совместное мытье мужчин и женщин в бане является в некоторых местах Сибири общепринятым обычаем, не нашел никаких указаний на принадлежность его

⁴⁵ Офросимова С.Я. Из детских воспоминаний // Русская летопись. Кн. 7. Париж, 1925; Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999. С. 284.

⁴⁶ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 345.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 63.

хлыстам. Вместе с тем, изучив все написанное Распутиным по религиозным вопросам, Громогласов также не усмотрел никаких признаков хлыстовства»⁴⁸.

Из протокола допроса ЧСК Временного правительства бывшего царского министра В.Н. Коковцова от 11 сентября 1917 г.:

«*Коковцов.* ...Тобольская духовная консистория занималась рассмотрением вопроса о Распутине. По-видимому, это было в 1910 году. Причиной этому послужили разговоры о кружке Распутина, который будто бы проводил хлыстовские собрания, а также нелестные выражения Распутина о православном духовенстве». (Сб. «Падение царского режима».)

Версия о принадлежности Г.Е. Распутина к секте хлыстов была в ходу с момента появления «старца» около Императорского Двора и Царской семьи. Этот вопрос неоднократно поднимался в печати и был предметом рассмотрения Св. Синодом. В результате расследования обвинение с Распутина в принадлежности к «хлыстам» было снято. В Государственном архиве РФ (бывший ЦГАОР СССР) в фонде 612 (документы Г.Е. Распутина) хранится дело 13 – заключение по секте хлыстов от 23 ноября 1912 г.

Против Григория Распутина выступали многие влиятельные лица. Так, например, председатель Государственной Думы М.В. Родзянко писал в воспоминаниях о беседе с вдовствующей императрицей Марией Федоровной (1847–1928) по поводу злосчастного старца:

«После запроса в Думе (*о Распутине.* – В.Х.) председатель Совета Министров Коковцов был вызван к Государю. Он мне говорил, что императрица Александра Федоровна требовала непременно роспуска Думы. Если до запроса я колебался, ехать ли мне с докладом о Распутине или нет, то после запроса я уже бесповоротно решил, что поеду с докладом и буду говорить с Государем о Распутине.

Я целый месяц собирал сведения; помогал Гучков, Бадмаев, Родионов, гр. Сумароков (*имеется в виду граф Ф.Ф. Сумароков-Эльстон-младший.* – В.Х.), у которого был агент, сообщавший сведения из-за границы. Через кн. Юсупова (*имеется в виду князь Ф.Ф. Юсупов-старший* – В.Х.) мы знали о том, что происходит во дворце. Бадмаев сообщил о Гермогене и Илиодоре в связи с Распутиным. Родионов дал подлинник письма императрицы Александры Федоровны к Распутину, которое Илиодор вырвал у него во время свалки, когда они со служкой били его в коридоре у Гермогена. Он же показывал и три письма великих княжон: Ольги, Татьяны и Марии.

В феврале 1912 года кн. Юсупов сказал мне, что императрица Мария Федоровна очень взволнована тем, что ей пришлось слышать о Распутине и что, по его мнению, следовало бы мне поехать ей все доложить.

Вскоре после того ко мне явился генерал Озеров, состоявший при императрице Марии Федоровне, по ее поручению.

Он говорил, что императрица Мария Федоровна желала бы меня видеть и все от меня узнать. Императрица призвала кн. Юсупова и у него расспрашивала, как он думает, какой я человек и может ли председатель Думы ей все откровенно сказать. Кн. Юсупов ответил: «Это единственный человек, хорошо осведомленный, на которого вполне можно положиться, он вам скажет лишь святую правду».

Вся царская фамилия с трепетом ожидала моего доклада: буду ли я говорить о Распутин и какое впечатление произведет мой доклад. <...>

За несколько дней до моего доклада позвонил телефон, и мне сообщили, что императрица Мария Федоровна ждет меня на другой день в одиннадцать часов утра. Я взял с собой все материалы и поехал. Немедленно был введен в ее маленький кабинет, где она уже ожидала. Императрица обратилась ко мне со словами:

---

⁴⁸ Руднев В.М. Правда о царской семье и темных силах. Берлин, 1920.

– Не правда ли, вы предупреждены о мотиве нашего свидания? Прежде всего я хочу, чтобы вы объяснили мне причины и смысл запроса. Не правда ли, в сущности цель была революционная, почему же вы тогда этого не остановили?

Я ей объяснил, что хотя я сам против запроса, но что я категорически должен отвергнуть, будто тут была какая-нибудь революционная цель. Напротив, это было необходимо для успокоения умов. Толки слишком далеко зашли, а меры правительства только увеличивали возмущение.

Она пожелала тогда осмотреть все документы, которые у меня были. Я ей прочел выдержки из брошюры Новоселова и рассказал все, что знал. Тут она мне сказала, что она только недавно узнала о всей этой истории. Она, конечно, слышала о существовании Распутина, но не придавала большого значения.

– Несколько дней тому назад одна особа мне рассказала все эти подробности, и я была совершенно огорошена. Это ужасно, – повторяла она.

– Я знаю, что есть письмо Илиодора к Гермогену (у меня действительно была копия этого обличительного письма) и письмо императрицы к этому ужасному человеку. Покажите мне, – сказала она.

Я сказал, что не могу этого сделать. Она сперва требовала непременно, но потом положила свою руку на мою и сказала:

– Не правда ли, вы его уничтожите?

– Да, Ваше Величество, я его уничтожу.

– Вы сделаете очень хорошо.

Это письмо и посейчас у меня: я вскоре узнал, что копии этого письма в извращенном виде ходят по рукам, тогда я счел нужным сохранить у себя подлинник.

Императрица сказала мне:

– Я слышала, что вы имеете намерение говорить о Распутине Государю. Не делайте этого. К несчастью, он вам не поверит, и к тому же это его сильно огорчит. Он так чист душой, что во зло не верит.

На это я ответил Государыне, что я, к сожалению, не могу при докладе умолчать о таком важном деле. Я обязан говорить, обязан довести до сведения моего царя. Это дело слишком серьезное, и последствия могут быть слишком опасные.

– Разве это зашло так далеко?

– Государыня, это вопрос династии. И мы, монархисты, больше не можем молчать. Я счастлив, Ваше Величество, что вы предоставили мне счастье видеть вас и вам говорить откровенно об этом деле. Вы меня видите крайне взволнованным мыслью об ответственности, которая на мне лежит. Я всеподданнейше позволяю себе просить вас дать мне ваше благословение.

Она посмотрела на меня своими добрыми глазами и взволнованно сказала, положив свою руку на мою:

– Господь да благословит вас.

Я уже уходил, когда она сделала несколько шагов и сказала:

– Но не делайте ему слишком больно.

Впоследствии я узнал от князя Юсупова, что после моего доклада Государю императору императрица Мария Федоровна поехала к Государю и объявила: “Или я, или Распутин”, что она уедет, если Распутин будет здесь.

Когда я вернулся домой, ко мне приехал князь В.М. Волконский, кн. Ф.Ф. и З.Н. Юсуповы, и тут же князь мне сказал: “Мы отыгрались от большой интриги”.

Оказывается, что в придворных кругах старались всячески помешать разговору императрицы М.Ф. со мной, и когда это не удалось, В.Н. Коковцов поехал к императрице Марии Федоровне, чтобы через нее уговорить меня не докладывать Государю»⁴⁹.

Император Николай II записал в дневнике 15 февраля 1912 г.: «К чаю приехала Мама; имели с ней разговор о Григории»⁵⁰.

О характере разговора между вдовствующей императрицей Марией Федоровной и царской четой можно судить по дневниковой записи великой княгини Ксении Александровны, которая 16 февраля отметила: «Мама рассказывала про вчерашний разговор. Она довольна, что все сказала. Они знали и слышали о том, что говорится, и А[ликс] защищала Р[аспутина], говоря, что это удивительный человек и что Мама следовало с ним познакомиться и т.д. Мама только советовала его отпустить теперь, когда в Думе ждут ответа, на что Ники сказал, что он не знает, как он это может сделать, а она объявила, что нельзя give in [уступить].

Вообще она говорила все не то и, видимо, не понимает многого – ругала общество (dirty-minded gossips [грязные сплетни]), Тютчеву, которая много болтает и врет, и министров – «all cowards» [все подлецы].

Но тем не менее они благодарны Мама, что она так откровенно говорила, и она (*императрица Александра Федоровна*. – В.Х.) даже поцеловала Мама руку!»⁵¹

Многие архивные документы отражают события и атмосферу той эпохи. Великая княгиня Ксения Александровна 10 марта 1912 г. сделала любопытную в дневнике запись, узнав о некоторых тайнах Царской семьи:

«В вагоне Ольга [сестра] нам рассказывала про свой разговор с ней [Аликс]. Она в первый раз сказала, что у бедного маленького эта ужасная болезнь (*гемофилия*. – В.Х.) и оттого она сама больна и никогда окончательно не поправится. Про Григория она сказала, что как ей не верить в него, когда она видит, что маленькому лучше, как только тот около него или за него молится.

В Крыму, оказывается, после нашего отъезда у Алексея было кровотечение в почках (ужас!) и послали за Григорием. Все прекратилось с его приездом! Боже мой, как это ужасно и как их жалко.

Аня В[ырубова] была у Ольги сегодня и тоже говорила про Григория, как она с ним познакомилась (через Стану) в трудную минуту жизни (во время своего развода), как он ей помог и т.д.

В ужасе от всех историй и обвинений – говорила про баню, хохоча, и про то, что говорят, что она с ним живет! Что все падает теперь на ее шею!»⁵²

Через несколько дней, 16 марта в дневнике великой княгини появляется еще одна подобная запись: «Княгиня Юсупова приехала к чаю. Долго сидела, и много говорили. Рассказывала про свой разговор с А[ликс] про Гр[игория] и все. Он уехал в Сибирь, а вовсе не в Крым. Кто-то ему послал шифрованную депешу без подписи, чтобы он сюда ехал. Аликс ничего об этом не знала, была обрадована и, говорят, сказала: “Он всегда чувствует, когда он мне нужен”»⁵³.

Отчаяние императрицы Александры Федоровны за здоровье единственного сына наследника престола понять было можно.

Цесаревич Алексей Николаевич был всегда в центре всеобщего внимания. Так, например, царский военный министр генерал В.А. Сухомлинов (1848–1926) позднее писал о нем в эмигрантских воспоминаниях: «В Ливадии Алексей Николаевич своим упрямством вызвал

⁴⁹ Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 39–42.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 258.

⁵¹ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 346.

⁵² Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 346.

⁵³ Там же. С. 347.

однажды большой переполох. Государь любил гулять с дочерьми. На одной из прогулок в обширном ливадийском парке пошел с ними и наследник. Посидев у одного из бассейнов, собирались идти домой, начинал накрапывать дождик. Наследнику хотелось еще остаться, и он не пожелал возвращаться. Никакие упрасивания не помогали, и Государь с великими княжнами отправился по направлению к дворцу, сказав: «Оставим этого капризного мальчика здесь».

После нескольких часов обратили внимание, что Алексей Николаевич не показывается. Начались розыски, нигде его не находили, и только к вечеру одному конвойному казаку повезло набрести в глухом месте парка на спящего цесаревича в небольшой беседке, густо обросшей диким виноградом.

Там же в Ливадии у подъезда стояли парные часовые, с которыми Алексей Николаевич любил здороваться. Раз ему понравилось, как одна пара отвечала на приветствие: «Здравия желаем Вашему Императорскому Высочеству», и он несколько раз подряд выбегал и здоровался. Услышав это, вышел дежурный флигель-адъютант и объяснил наследнику, что в войсках принято здороваться только один раз в день с одними и теми же людьми.

Видно было, как ему досадно, что он сделал промах, и смерив с ног до головы флигель-адъютанта, – ушел и больше не показывался, а после того посылал Деревенко узнать у часовых, здоровался он с ними сегодня или нет? У одного из часовых он просил дать ему ружье. Тот, конечно, его не дал. Тогда он заявил, что наследник требует у него это. Но и это не помогло. Ввиду такого афронта он побежал жаловаться, и ему объяснили, что по уставу часовой может отдать оружие только Государю.

Поняв свою ошибку, он отправился исправлять ее совершенно самостоятельно, подойдя к часовому, поблагодарил его за то, что тот службу знает.

Играя в войну с сестрами, Алексей Николаевич так сильно расшиб себе голову, что пришлось сделать перевязку.

Несмотря на сильную боль, он даже не прослезился, и если его кто-нибудь спрашивал, что с ним случилось, он с достоинством отвечал, что ранен в бою. <...>

Прибыла в Царское Село какая-то депутация, которой Государь разрешил видеть наследника. Ему доложили об этом, а с ним были великие княжны в это время.

Тогда он обратился к ним и сурово заявил: «Девицы уйдите, у наследника будет прием». А когда сестры со смехом ушли, он оправил на себе платье и совершенно серьезно заявил: «Я готов».

Несколько этих приведенных мною случаев достаточно, чтобы судить о том, правильно ли было воспитание будущего монарха»⁵⁴.

Осенью 1912 г. неожиданно тяжело заболел цесаревич Алексей Николаевич. Случилось так, что во время пребывания Царской семьи в Спале (место охоты в польском имении) подвижный и шаловливый Алексей неудачно прыгнул с берега в лодку и ударился внутренней стороной бедра об уключину весла. В результате ушиба возникла гематома – внутреннее кровоизлияние, наступил острый приступ гемофилии, самый тяжелый за его короткую жизнь, принесший ему невыносимые физические страдания. Цесаревич, по некоторым сведениям, в это время попросил: «Когда я умру, поставьте мне в парке маленький памятник»⁵⁵.

Положение было весьма серьезное, и о состоянии здоровья наследника-цесаревича Алексея Николаевича сообщалось в специальных бюллетенях⁵⁶ в печати. Ни один из врачей, в том числе и вызванных из Петербурга, не мог облегчить страдания 8-летнего ребенка. Одиннадцать суток императрица Александра Федоровна почти непрерывно находилась у кровати любимого

---

⁵⁴ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 404–405.

⁵⁵ Кузнецов В.В. Тайна пятой печати. СПб., 2002. С. 276.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2145. Л. 1–2.

и единственного сына. 10 октября 1912 г., когда уже ждали кончины наследника престола и его даже причастили и соборовали, из села Покровского (из Сибири) пришла телеграмма, в которой Г.Е. Распутин писал, что цесаревич будет жить. По воспоминаниям А.А. Вырубовой (Танеевой) дело происходило так: «Я вернулась обратно во дворец в 11 час. вечера; вошли Их Величества в полном отчаянии. Государыня повторяла, что ей не верится, чтобы Господь их оставил. Они приказали мне послать телеграмму Распутину. Он ответил: “Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его не мучают”»⁵⁷. С этого момента состояние цесаревича Алексея стало заметно улучшаться, и он медленно, но затем все быстрее пошел на поправку. Хотя последствия сказывались и в юбилейном 1913 г., когда наследника в торжественных процессиях носили на руках. Многие известные доктора того времени были в растерянности и недоумении, считали это явление с медицинской точки зрения необъяснимым и признавали это исцеление чудом.

В течение более десяти лет Григорий Распутин был для Царской семьи одним из самых близких людей. Значительное влияние Г.Е. Распутина на царскую чету тревожило представителей Императорской фамилии, т.к. видели в этом смертельную опасность для монархии. Вчерашний крестьянин из таежной Сибири, совершивший паломничество в Иерусалим и по многим святым местам России, в действительности, как им казалось, был вершителем многих судеб. Обладая сильной волей и определенным даром внушения, Распутину удалось добиться огромного влияния на императрицу Александру Федоровну, уверовавшую в «святую силу» этого человека, способного, по ее убеждению, спасти от болезни единственного и любимого сына цесаревича Алексея. Имеются многие достоверные свидетельства, что ему удавалось благотворно воздействовать на тяжелую болезнь и облегчить физические страдания наследника престола. Умение врачевать Распутин проявлял в своей жизни много раз.

Приведем еще один пример подобного рода, который часто освещается в исторической литературе о Царской семье и Григории Распутине. Одновременно обратимся и к документальным свидетельствам. В 1915 г. у цесаревича Алексея произошло сильное кровоизлияние носом, которого все боялись, т.к. при гемофилии оно могло кончиться смертельным исходом. Император Николай II с тревогой записал в дневнике:

«3-го декабря. Четверг.

У Алексея простуда началась вчера, а сегодня утром после нескольких чиханий пошла понемногу кровь носом. Пошел в 10 ч. к докладу. В 12 1/2 мы покинули Могилев, чтобы посетить гвардию. Но так как кровь, хотя и с перерывами, не унималась, то по совету С.П. Федорова решил со ст. Бахмач повернуть обратно на Ставку»⁵⁸.

Поздно вечером 3 декабря Государь телеграфировал супруге:

«Вследствие простуды у Алексея целый день с перерывами было кровотечение из носа. Решил, по совету Федорова, вернуться в Ставку. Буду очень рад, если ты приедешь провести 6 декабря вместе. Крепко обнимаю. *Николай*»⁵⁹.

Государыня Александра Федоровна сразу же в ответ телеграфировала из Царского Села супругу в Ставку в Могилев:

«Очень огорчена, что все прекрасные планы испорчены. Это такое разочарование для всех вас. Разве ему не сделали сейчас же прижигание в носу, как советовал Поляков в таких случаях? Не беспокойся, Друг говорит, что все это от усталости и теперь пройдет. Волнуюсь, что не с вами. Беру с собой Ольгу, протелеграфирую, как только будет известно, когда выезжаем, – по всей вероятности, не раньше чем завтра. Привезу Вл. Ник. Тогда ты не будешь свя-

⁵⁷ Танеева (Вырубова) А.А. Страницы из моей жизни // Русская Летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 59.

⁵⁸ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 561.

⁵⁹ Переписка Николая и Александры 1914–1917. М., 2013. С. 408.

зан в своих передвижениях. Обнимаю и целую. Знаю, что нет опасности, а все же беспокоюсь. Аликс»⁶⁰.

Из Ставки Государь посылает супруге 4 декабря еще одну телеграмму:

«Прибыли благополучно, остаемся в поезде. Так как темп. у него поднялась до 39, то решил немедленно вернуться домой. Выезжаю сегодня в 3, надеюсь приехать завтра в 11 утра. Он спал довольно хорошо, весел, кровотечение значительно меньше, кашляет редко. Сердечно благодарю за письмо. Оба целуем. Ники»⁶¹.

В тот же день, 4 декабря от Государыни пришла ответная телеграмма:

«Нежно благодарю. Очень беспокоюсь о моем дорогом. Счастлива, что приедете вместе. Поляков говорит, что нужно немедленно опять прижечь в носу тем лекарством. У Деревенко должна быть бутылочка. Надеюсь, что горло не хуже. Благослови Господь ваш путь. Крепко целую обоих. Аликс»⁶².

Государь, чтобы успокоить супругу, уже из поезда в Витебске вечером 4 декабря посылает очередную телеграмму:

«Провел вторую половину дня хорошо. В 8 часов темп. 38,1. В отличном расположении духа и несколько изумлен, зачем мы едем домой. Пожалуйста, завтра на станции никого. Оба крепко целуем. Ники»⁶³.

Император Николай II продолжал отмечать в дневнике самочувствие сына:

«4-го декабря. Пятница.

Алексей ночь спал с перерывами. Утром темп. дошла до 39, но после полдня она спустилась до 37,5. Кровь все еще сочилась из левой ноздри, хотя в меньшем количестве. В общем он меньше кашлял и был веселее. Прибыли в Могилев в 12 1/4 ровно через сутки. Пригласил свой штаб к завтраку. Походил по платформе. Принял доклад Алексеева. В 4 часа тронулись на север.

Погода сырая и темная. В Витебске видел эшелон моего Кирасирского полка. Сидел много с Алексеем; также много читал – встречных фельдъегерей.

5-го декабря. Суббота.

Наконец в 11 час. приехали в Царское Село. Аликс с дочерьми встретила нас. Привезли Алексея в моторе домой и сейчас же наверх в его комнату – угловую. Там собрался сонм докторов; Поляков прижег ему в левой ноздре и оставили в покое и без тампона в носу. Лихорадки не было, состояние духа отличное. Погулял до завтрака один, а днем с Мари и Анастасией. Была оттепель, снега масса. В 6 1/2 поехали ко всенощной. Обедали одни; наверху у Алексея получил подарки. Вечером много читал.

6-го декабря. Воскресенье.

Странно и приятно было провести день своих именин дома! Были у обедни.

К завтраку приехало все семейство; сидели в малой библиотеке за тремя столами. Потом пошли к Алексею и посидели у него. Он себя чувствует совсем хорошо; темп. 37,3, небольшой кашель и кровь прекратилась после вторичного прижигания.

Погулял с Татьяной, Мари и Анаст[асией]. Погода была приятная, тихо падал снег. Отписывался от телеграмм. К чаю приехала Мама. После обеда приехал Григорий (Распутин. – В.Х.); посидели вместе у кровати Алексея.

7-го декабря. Понедельник.

Опять значительный мороз –12°. Утром принял Граббе (Мишу), команд. 4-ю Донскою каз. дивизией, затем доклад Григоровича, а в 12 1/2 вместе с Аликс – нового митрополита

---

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Переписка Николая и Александры 1914–1917. М., 2013. С. 408–409.

⁶² Там же. С. 409.

⁶³ Там же.

Петроград[ского] и Ладуж[ского] Питирима. После завтрака посидел у Алексея и затем погулял с Татьяной и Мари. В 6 час. у меня был Горемыкин. Занимался. Вечером читал вслух.

8-го декабря. Вторник.

Стоял морозный солнечный день. Утром недолго погулял. Принял Поливанова и затем генерала По, который привез мне их новый орден – *la croix de guerre* (Военный крест. – *фр.*). После него принял трех офицеров и переводчика, приехавших с ним. Завтракал добрый Thormeyer. Он посидел потом у Алексея. Гулял с Т[атьяной] и М[арией]. В 4 ч. принял старш. Хвостова, а в 6 час. Сазонова. Вечером занимался»⁶⁴.

Эту тревожную ситуацию со здоровьем цесаревича Алексея Николаевича наиболее ярко и своеобразно описала в воспоминаниях Анна Вырубова: «Следующий факт из жизни наследника тронет сердце каждой матери. Все знают, что во время постоянных заболеваний Алексея Николаевича Их Величества всегда обращались к Распутину, веря, что его молитва поможет бедному мальчику. В 1915 году, когда Государь стал во главе армии, он уехал в Ставку, взяв Алексея Николаевича с собой. В расстоянии нескольких часов пути от Царского Села у Алексея Николаевича началось кровоизлияние носом. Доктор Деревенко, который постоянно его сопровождал, старался остановить кровь, но ничего не помогало, и положение становилось настолько грозным, что Деревенко решился просить Государя вернуть поезд обратно, так как Алексей Николаевич истекает кровью. Какие мучительные часы провела императрица, ожидая их возвращения, так как подобного кровоизлияния больше всего опасались. С огромными предосторожностями перенесли его из поезда. Я видела его, когда он лежал в детской: маленькое, восковое лицо, в ноздрях окровавленная вата. Профессор Федоров и доктор Деревенко возились около него, но кровь не унималась. Федоров сказал мне, что он хочет попробовать последнее средство – это достать какую-то железу из морских свинок. Императрица стояла на коленях около кровати, ломая себе голову, что дальше предпринять. Вернувшись домой, я получила от нее записку с приказанием вызвать Григория Ефимовича. Он приехал во дворец и с родителями прошел к Алексею Николаевичу. По их рассказам, он, подойдя к кровати, перекрестил наследника, сказав родителям, что серьезного ничего нет и им нечего беспокоиться, повернулся и ушел. Кровотечение прекратилось. Государь на следующий день уехал в Ставку. Доктора говорили, что они совершенно не понимают, как это произошло. Но это факт. Поняв душевное состояние родителей, можно понять и отношение их к Распутину: у каждого человека есть свои предрассудки, и когда наступают тяжелые минуты в жизни, каждый переживает их по-своему, но самые близкие не хотели понять положения...»⁶⁵.

Как можно видеть, сопоставляя документы и воспоминания Анны Вырубовой, не все было так однозначно. Бывшую фрейлину можно понять, что в памяти остаются устойчивые впечатления от пережитого и часто уходят детали событий.

Профессор В.Н. Сиротинин (1855–1936), лейб-медик Императорского двора, также свидетельствовал о необычайных гипнотизерских способностях Распутина, об его чародейских возможностях заговаривать кровотечение наследника после тщетных усилий многих врачей.

В более поздних воспоминаниях А.А. Вырубова (Танеева) свидетельствовала: «Императрица, несмотря ни на что, продолжала почитать старца и верить в него. Я всегда думала, что Их Величества сделали большую ошибку, не изолировав Распутина в каком-нибудь монастыре, где они могли бы встречаться с ним, когда наследнику бывала нужна его помощь. Кстати должна сказать, что он действительно мог останавливать кровоизлияние. После революции я встречалась с профессором Федоровым, лечившим наследника. Мы говорили о случаях, в которых, по словам профессора, медицинская наука бессильна остановить внутреннее кровоизлияние. В таких случаях стоило Распутину осенить наследника крестным знаменем, как

⁶⁴ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 561–562.

⁶⁵ Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 189–190.

кровоизлияние останавливалось. “Нельзя не понять родителей больного мальчика”, – сказал профессор Федоров.

Когда Распутин бывал в С.-Петербурге, он останавливался в маленьком флигеле, недалеко от Гороховой улицы. Там с утра до вечера его атаковали посетители: журналисты, бедные и больные и просто любопытные. Многие просили его посредничества в разных вопросах, с которыми они хотели обратиться к Их Величествам. Придя во дворец, Распутин выворачивал карманы и вытряхивал из них все эти прошения. Это, я помню, не нравилось Их Величествам, особенно Государю, который предпочитал слушать рассуждения старца на религиозные темы. За передачу прошений Распутин иногда получал плату, но он никогда не тратил эти деньги на себя, он раздавал их бедным. (Когда он был убит, у него не было ни копейки.) Как я упоминала выше, он не получал никаких денег от Их Величеств, за исключением разве что нескольких рублей на дорогу домой, в Сибирь. Позднее, особенно во время войны, все те, кто хотел бросить ком грязи в трон, пользовались, как только могли, фигурой Распутина. Журналисты и военные приглашали его в рестораны и напаяли его допьяна или вызывали цыганский оркестр и хор в его маленькие комнаты, устраивали оргии – делали все возможное, чтобы создать скандальный шум вокруг его имени, таким образом нанося удар по императору и императрице. Простому неграмотному крестьянину – каким он был – не трудно было испортить свою репутацию. Их Величества категорически отказывались верить всем скандальным наветам на Распутина. Они считали, что “он страдает за правду”, как страдали святые, и что только зависть и злоба толкали людей на лжесвидетельства против него»⁶⁶.

---

⁶⁶ Вырубова А.А. Неопубликованные воспоминания / Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 214–215.

Начало великой войны

Начало Первой мировой войны опрокинуло все надежды на лучшее будущее многих народов мира. «Какая-нибудь проклятая глупость на Балканах, – предсказывал канцлер Отто Бисмарк, – явится искрой новой войны».

Здесь уместно вспомнить о Гаагской мирной конференции 1899 г., которая была созвана благодаря настойчивой инициативе императора Николая II.

Историк и писатель Е.Е. Алферьев по этому поводу подробно писал: «День 15/28 августа 1898 года стал величайшей исторической датой. В этот день молодой – тридцатилетний – Император Всероссийский, по собственному почину, обратился ко всему миру с предложением созвать международную конференцию, чтобы положить предел росту вооружений и предупредить возникновение войны в будущем. <...>

Ответ последовал очень быстрый – отрицательный. Благородный призыв Русского Императора не встретил сочувствия на Западе и среди других стран. Две тысячи лет господства христианской цивилизации, по-видимому, не изменили звериной физиономии мира: между этим миром и Россией, воспринявшей христианство в духе св. Православия, образовался глубокий разрыв.

Франция, проигравшая в 1870–1871 гг. войну против Германии, лелеяла в этот момент мечту о реванше и о возвращении потерянных провинций Эльзаса и Лотарингии. Кайзер Вильгельм II формулировал свою позицию на докладе, представленном канцлером Бюловым, в следующих словах: “В своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч”. Англия, обладавшая самым могущественным флотом и почти не имевшая сухопутных вооруженных сил, с типичным для нее лицемерием заявила, что она пошла бы на ограничение вооружения – кроме флота. Япония, где Император Николай II едва не погиб от сабельного удара фанатика, подстрекаемая Англией и США, уже тогда готовилась к своему коварному нападению на Россию и, конечно, не могла сочувствовать идее ограничения вооружений. Правда, в некоторых странах газеты писали, что нота 12 августа “составит славу Царя и Его царствования”, но, в общем, в своем докладе Государю от 23 ноября 1898 г. министр иностранных дел гр. Муравьев, подводя итоги русской инициативы, писал: “Народы отнеслись восторженно, правительства – недоверчиво”.

Тем не менее, несмотря на неблагоприятную обстановку, Государь настойчиво продолжал предпринимать дальнейшие дипломатические шаги для достижения поставленной цели. В декабре 1898 года была разработана вторая нота. Вместо первоначального задуманного Государем широкого плана сокращения и ограничений вооружений русская программа была сведена к нескольким вполне конкретным предложениям; через с лишком тридцать лет на конференции по разоружению, созванной в Женеве Лигой Наций, созданной после мировой войны, повторялись и обсуждались те же вопросы, о которых говорилось в русских предложениях 1898–1899 гг. Однако благодаря настойчивости Императора Николая II, конференция все же состоялась. “Мир был уже поражен, – писал в своей книге о конференции Ж. де Лапрадель, – когда могущественный монарх, глава великой военной державы, объявил себя поборником разоружения и мира в своих посланиях от 12/24 августа и 30 декабря. Удивление еще более возросло благодаря русской настойчивости, конференция была подготовлена, возникла, открылась”. Местом ее созыва была избрана Гаага, столица Голландии, одной из наиболее “нейтральных” стран.

В конференции приняли участие все двадцать европейских государств, четыре азиатских и два американских.

Гаагская мирная конференция заседала с 18/6 мая по 29/17 июня 1899 г. под председательством русского посла в Лондоне барона Стааля. Был принят целый ряд конвенций, в том

числе Конвенция о мирном решении международных споров путем посредничества и третейского разбирательства. Плодом этой конвенции, разработанной русским депутатом проф. Ф.Ф. Мартенсом, явилось учреждение действующего и поныне Гаагского международного суда»⁶⁷.

28 июня (15 июня – по старому стилю) 1914 г. в 11 часов утра 19-летний террорист Гаврила Принцип (австрийский подданный) расстрелял из браунинга наследника престола Австро-Венгрии, эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супругу герцогиню Гогенберг. Это было уже второе покушение в тот день после неудавшегося первого, когда Габринович бросил бомбу в автомобиль, в котором эрцгерцогская чета направлялась по улицам Сараево в городскую ратушу.

Николай II выразил соболезнование императору Францу-Иосифу. Несколько дней спустя в Австро-Венгрии началась развернутая и планомерная кампания против Сербии. 5 июля Германия заверила Австрию в том, что та может рассчитывать на «надежную поддержку» в случае, если принятые ею карательные меры против Сербии приведут к конфликту с Россией. Надежды, проявляемые в России, что Германия повлияет сдерживающе на своего союзника, не оправдались. Это явилось причиной череды необратимых событий. 23 июля Австро-Венгрия выдвинула жесткий ультиматум Сербии. Принятие требований, предъявленных в нем в полном объеме, равнялось бы «добровольному отказу» от национальной независимости. Сербия согласилась почти на все уступки и требования, за исключением одного, но Австро-Венгрия 26 июля отклонила данный на ультиматум ответ (хотя кайзер, уже проявлявший беспокойство, признавал, что этот документ не дает никаких оснований для начала войны). Министр иностранных дел царского правительства С.Д. Сазонов, узнав о содержании ноты, сказал: «Это европейская война». 29 июля состоялся телеграфный обмен мнениями между императорами Николаем II и Вильгельмом II. Однако вернемся к более ранним событиям международного конфликта и к датировке по старому календарю, который действовал в России до февраля 1918 г.

В связи с быстро разрастающимся международным конфликтом Николай II записал 12 (25) июля 1914 г. в своем дневнике: «В четверг вечером Австрия предъявила Сербии ультиматум с требованиями, из которых 8 неприемлемы для независимого государства. Срок его истек сегодня в 6 часов дня. Очевидно, разговоры у нас везде только об этом. Утром поехал в Красное Село... От 11 ч. до 12 ч. у меня было совещание с 6 министрами по тому же вопросу и о мерах предосторожности, которые нам следует принять...»⁶⁸

Военный министр царского правительства генерал В.А. Сухомлинов позднее писал в своих воспоминаниях об этом историческом совещании: «Не совсем врасплох, но довольно неожиданно получил я предложение прибыть на заседание совета в Красное Село 25 июля (*12 июля по старому стилю*. – В.Х.), в разгар лагерного сбора.

Помню, что во время моей поездки на заседания я не испытывал никакого предчувствия относительно надвигавшейся катастрофы. Я знал личное миролюбие царя и не получил никакого извещения о предмете предстоящего заседания. Поэтому я придавал поездке в Красное Село настолько малое значение, что поехал один, не взяв с собою ни начальника Генерального штаба, ни даже дежурного адъютанта: предметом совещания могло быть чисто военное дело Петербургского военного округа или что-либо, касающееся лагерных сборов... В малом летнем дворце великого князя Николая Николаевича я встретил нескольких министров, между ними министра иностранных дел, а также несколько высших чинов военного ведомства. Многие из них также ничего не знали о предмете предстоящего совещания, однако высказывали, ссылаясь на присутствие Сазонова, предположения, указывающие на политическое положение.

⁶⁷ Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. Материалы для составления Жития Св. Благочестивейшего Царя-Мученика Николая Великого Страстотерпца. М., 1991. С. 32–34.

⁶⁸ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 475.

Государь вошел в зал заседания вместе с дядей. На нем были летняя форма одежды своего Гусарского полка. Как всегда, приветливо улыбаясь и не показывая никакого душевного волнения, Государь приветствовал присутствующих общим поклоном и без особых церемоний сел за стол; по его правую руку сел Горемыкин, по левую – великий князь.

Помещение, в котором мы собрались, была большая столовая, примитивно устроенная, с большими стеклянными дверьми, ведущими через балкон или веранду в парк. Посреди стоял большой, покрытый зеленой скатертью обеденный стол, за который мы, по знаку Государя, сели. Против Государя сидел Сазонов, я сидел через несколько мест от него по ту же сторону, если не ошибаюсь, рядом с министром финансов Барком. Морского министра я на заседании не видел.

Без всякого вступления Государь предоставил министру иностранных дел слово, который нам в приблизительно получасовой речи обрисовал положение, создавшееся вследствие австро-сербского конфликта для России. То, о чем Сазонов докладывал, было крупное обвинение австро-венгерской дипломатии. Все присутствовавшие получили впечатление, что дело идет о планомерном вызове, против которого государства Тройственного союза (*Entente cordiale*), Франция и Англия, восстанут вместе с Россией, если последняя попытается не допустить насилия над славянским собратом. Сазонов сильно подействовал на наши воинские чувства. Он нам объявил, что непомерным требованиям можно противопоставить, после того как все дипломатические средства для достижения соглашения оказывались бесплодными, только военную демонстрацию; он заключил указанием на то, что наступил случай, когда русская дипломатия может посредством частичной мобилизации против Австрии поставить ее дипломатию на место. Технически это обозначало распоряжение о подготовительном к войне периоде. О вероятности или даже возможности войны не было речи.

Государь был совершенно спокоен. Впоследствии выяснилось, что накануне заседания у него было продолжительное собеседование с глазу на глаз с его дядей, великим князем Николаем Николаевичем, который молча сидел рядом с Государем и усиленно, нервно курил. Для меня, в течение целого ряда лет имевшего случай наблюдать отношения этих двух высочайших особ, было совершенно ясно, что великий князь настроил Государя уже заранее, без свидетелей, и говорить теперь в заседании ему не было никакой надобности.

Несмотря на то, что Австрия явно закусила удила, у многих членов заседания была надежда на благополучный исход конфликта.

В заключительном слове Государя была та же надежда, но он находил, что теперь уже требуется более или менее серьезная угроза. Австрия дошла до того, что не отвечает даже на дипломатические наши миролюбивые предложения. Поэтому царь признал целесообразным применить подготовленную именно на этот случай частичную мобилизацию, которая для Германии будет служить доказательством отсутствия с нашей стороны неприязненных действий по отношению к ней.

На этом основании и решено было предварительно объявить начало подготовительного к войне периода с 13/26 июля. Если же и после того не наступит улучшение в дальнейших дипломатических переговорах, то объявить частичную мобилизацию.

Моя роль при этом постановлении была, как уже выше сказано, весьма скромная. Как военный министр против такого решения, бывшего ходом на шахматной доске большой политики, я не имел права протестовать, хотя бы он и угрожал войной, ибо политика меня не касалась. Настолько же не моим делом военного министра было решительно удерживать Государя от войны. Я был солдат и должен был повиноваться, раз армия призывается для обороны Отечества, а не вдаваться в рассуждения. Имели бы право обвинить меня в трусости, если бы после того, как в роли военного министра в мирное время пользовался всеми преимуществами моего высокого военного положения, предостерегал бы от войны и притом в то время, когда вся вероятность и мое личное убеждение были за то, чтобы русская дипломатия не отступала

перед притязаниями австро-венгерской, как это имело место еще в 1909 г. – Ко всем таким соображениям, которые, однако, меня ни на минуту не смущали, в смысле трудности предстоящей задачи, присоединилось еще впечатление, которое у меня и представителей других ведомств получилось от доклада представителя министерства иностранных дел. Из этого следовало, что другого выхода, как объявление войны, не было и каждое мое слово против войны было бы бесполезно.

Моим протестом 25 июля я бы только отрицал возможность применения вооруженного нейтралитета. В данном случае решение подлежало министру иностранных дел, а он требовал частичной мобилизации!.. В соответствии с этим намечены были отправные точки, несмотря на то, что я был противником частичной мобилизации и такого своего мнения не скрывал. Моим делом было приготовить армии для шахматной игры Сазонова, следовательно, и в этом отдельном вопросе мне приходилось повиноваться.

Было бы другое дело, повторяю, если бы я в 1914 г. оказался в положении Редигера в 1909 г. В 1914 г. армия была настолько подготовлена, что казалось Россия имела право спокойно принять вызов. Никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 г.»⁶⁹

Однако военный министр В.А. Сухомлинов о многом умолчал. После Русско-японской войны в результате чистки царской армии за один год в отставку был отправлен 341 генерал – почти столько же, сколько имелось во всей французской армии, и 400 полковников. В 1913 г., т.е. накануне мировой войны в русской армии все еще не хватало 3000 офицеров. За шесть лет, предшествовавших 1914 г., сменилось шесть начальников Генерального штаба, что оказало отнюдь не благоприятное влияние на разработку военных планов предстоящей войны. Военные заводы России производили не более двух третей требуемого количества артиллерийских снарядов и менее половины винтовочных патронов. Почти все воюющие страны в годы мировой войны, как выяснили впоследствии историки и военные исследователи, не имели достаточного количества военного снаряжения и боеприпасов. Однако Сухомлинов не израсходовал даже правительственные фонды на производство боеприпасов. Россия вступала в мировую войну, имея 850 снарядов на каждое орудие, по сравнению с 2000–3000 в западных армиях, хотя еще в 1912 г. он согласился с компромиссным предложением о доведении этого количества до 1500 снарядов на орудие. В состав русской пехотной дивизии входило 7 батарей, а немецкой – 14. К началу мировой войны, как отмечали позднее российские историки, «Россия была полностью обеспечена орудиями по существующему мобилизационному расписанию – 959 батарей при 7088 орудиях. Громадная сила, союзная Франция, имела 4300 орудий. Но противники превосходили русских и французов как по общему числу орудий (Германия – 9388, Австро-Венгрия – 4088), так, что еще важнее, по тяжелой артиллерии. Германия располагала 3260 тяжелыми орудиями, Австро-Венгрия примерно 1000. На вооружении русской армии было 240 тяжелых орудий, во Франции тяжелая артиллерия находилась в зачаточном состоянии»⁷⁰. Вся русская армия имела 60 батарей тяжелой артиллерии, в то время как в немецкой их насчитывалось 381. Предупреждение многих военных о том, что будущая война явится дуэлью огневой мощи, Сухомлинов по существу проигнорировал.

Государь Николай II, судя по его дневниковым записям, продолжал напряженно следить за ходом событий на Балканах:

«14-го июля (27 июля по новому стилю. – В.Х.). Понедельник.

Чудная погода продолжается. Утром погулял полчаса; затем принял Григоровича и в 12 ч. Танеева.

⁶⁹ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 284–286.

⁷⁰ Яковлев Н. 1 августа 1914 г. Изд. 3-е. М., 1993. С. 41–42.

Завтракали одни. От 3 час. поиграли в теннис. В 6 часов принял Маклакова. Интересных известий было мало, но из доклада письменного Сазонова [видно, что] австрийцы, по-видимому, озадачены слухом о наших приготовлениях и начинают говорить. Весь вечер читал.

15-го июля. Вторник.

Принял доклад Сухомлинова и Янушкевича. Завтракали: Елена и Вера Черногорская. В 2 1/2 принял в Больш. дворце представителей съезда военного морского духовенства с о. Шавельским во главе. Поиграл в теннис. В 5 час. поехали с дочерьми в Стрельницу к тете Ольге и пили с чай ней и Митей. В 8 1/2 принял Сазонова, кот. сообщил, что сегодня в полдень Австрия объявила войну Сербии. Обедали: Ольга и Арсеньев (деж.). Читал и писал весь вечер.

16-го июля. Среда.

Утром принял Горемыкина. В 12 1/4 ч. произвел во дворце около ста корабельных гардемаринов в мичманы. Днем поиграл в теннис; погода была чудная.

Но день был необычайно беспокойный. Меня беспрестанно вызывали к телефону то Сазонов, или Сухомлинов, или Янушкевич. Кроме того, находился в срочной телеграфной переписке с Вильгельмом.

Вечером читал и еще принял Татищева, которого посылаю завтра в Берлин»⁷¹.

Император Николай II обменялся 16 (29) июля 1914 г. телеграфными посланиями с германским императором Вильгельмом II, который приходился ему и императрице Александре Федоровне кузеном. На следующий день, 17 (30) июля, российский император направил ему письмо с генерал-адъютантом Л.И. Татищевым:

«Дорогой Вилли.

Посылаю к тебе Татищева с этим письмом. Он будет в состоянии дать тебе более подробные объяснения, чем я могу это сделать в этих строках. Мнение России следующее:

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены – ужасное преступление, совершенное отдельными сербами. Но где доказательство того, что Сербское правительство причастно к этому преступлению? ... Вместо того чтобы довести до сведения Европы и дать другим странам время ознакомиться с результатами всего следствия, Австрия предъявила Сербии ультиматум, дав срок 48 часов, и затем объявила войну. Вся Россия и значительная часть общества других стран считает ответ Сербии удовлетворительным: невозможно ожидать, чтобы независимое государство пошло дальше в уступках требованиям другого правительства. ... Чем дальше Австрия зайдет в своей агрессивности, тем серьезнее окажется положение. К тебе, ее союзнику, я обращаюсь, как к посреднику, в целях сохранения мира.

Ники»⁷².

В тот же период состоялся обмен посланиями императора Николая II с Сербским королевичем-регентом Александром, который 11 июля 1914 г. обратился к России за помощью и защитой: «...Мы не можем защищаться... Поэтому молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее... Мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в Вашем славянском и благородном сердце...»

Российский император Николай II вскоре дал обнадеживающий ответ: «Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки нашим искренним желаниям, мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверенным в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии...»⁷³

Телеграмма эта была получена как раз в тот день, когда Австро-Венгрия 15 (28) июля объявила войну Сербии, и произвела огромное впечатление на славян. На следующий день 16

---

⁷¹ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 476.

⁷² Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. М.-Пг., 1923. С. 172.

⁷³ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 531.

(29) июля Белград подвергся обстрелу. В тот же день Россия привела в готовность свои войска на австрийской границе, а 17 (30) июля, как и Австрия, объявила всеобщую мобилизацию. На следующий день, т.е. 18 (31) июля Германия направила России ультиматум, требуя отменить в ближайшие двенадцать часов мобилизацию и «дать нам четкие объяснения по этому поводу». Война приближалась ко всем границам.

Как мы можем видеть, Николай II осторожно подходил к острой ситуации, надеясь погасить пламя начинавшейся мировой войны совместными международными коллективными усилиями.

По свидетельству военного министра В.А. Сухомлинова события быстро развивались и становились необратимыми: «Дальнейший ход событий принял характер большой скоротечности. Около полуночи с 16/29 на 17/30 июля Государь император вызвал меня к телефону из Петергофа, вследствие полученной им телеграммы от императора Вильгельма. Государь передал мне содержание этой телеграммы. В ней Вильгельм просил Государя “прекратить” нашу частичную мобилизацию, но о прекращении такой же в Австрии ничего не говорил и не обещал принять меры к тому, чтобы держава, первая приступившая к тому же образу действий, от этого отказалась.

Так как я несколько дней Государя не видел, то этот разговор по телефону меня, понятно, поразил. За кулисами должен был находиться кто-нибудь, с кем Государь советовался и в правильности советов которого Николай II, однако, усомнился. Если бы у него явилось самостоятельное решение исполнить желание Вильгельма, ему следовало отдать об этом прямое приказание – мобилизацию отменить.

Но Государь на такой шаг не решался, по моему мнению, потому, что это не отвечало взглядам конфиденциального его советчика. Такое положение “между молотом и наковальней” заставило его принять среднее решение: “нельзя ли приостановить?”

В телефон же мне пришлось доложить, что мобилизация не такой механизм, который можно было бы, как коляску, по желанию приостановить, а потом опять двинуть вперед. Что же касается отмены частичной мобилизации, то если бы последовало именно такое повеление, я со своей стороны считал долгом доложить, что после того потребуется много времени, чтобы восстановить нормальное исходное положение для новой мобилизации четырех южных округов.

Поэтому я просил Государя, ввиду важности вопроса, потребовать еще доклада по этому предмету начальника Генерального штаба. На этом наш разговор и прекратился.

Через некоторое время мне позвонил генерал Янушкевич и доложил о разговоре с Государем, причем его ответ совпадал с тем, что и я докладывал Государю.

А так как ни Янушкевич, ни я, таким образом, повеления о прекращении нашей частичной мобилизации не получили, то никаких распоряжений делать не имели права. Частичная мобилизация против Австро-Венгрии решена была не одним Государем самостоятельно; для этого он созвал совещание в Красном Селе 12/25 июля. При таких условиях, помимо министра иностранных дел, Николай II очевидно не мог решиться отменить свое повеление.

В данном случае решение вопроса находилось в руках руководителей политики и тех закулисных сил, контроль которых был для меня недоступен»⁷⁴.

Можно также утверждать, что императрица Александра Федоровна и ряд царских министров не желали войны. Против возможной беды предостерегал и «друг семейства» Григорий Распутин, который находился в это время у себя на родине в селе Покровское в Сибири (после покушения на его жизнь Гусевой и нанесения ножевого ранения в живот), следующей телеграммой почти мистического содержания: «Милый друг! Еще раз скажу: грозна туча над Россией, беда, горя много, темно и просвету нет. Слез-то море и меры нет, а крови? Что скажу?

---

⁷⁴ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 289–290.

Слов нет, неопиcуемый ужас. Знаю, все от тебя войны хотят, и верные, не зная, что ради гибели. Тяжко Божье наказание, когда уж отымет путь, – начало конца.

Ты – царь, отец народа, не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Россия? Подумать, так все по-другому.

Не было от века горшей страдалицы, вся тонет в крови великой. Погибель без конца, печаль. *Григорий*⁷⁵.

Не правда ли, какое грозное предостережение патриотическим восторгам первых дней войны?! Какая поразительная картина предвидения ужасной участи России!

По поздним воспоминаниям Анны Вырубовой: «Когда началась война, император охладил к Распутину. Это охлаждение началось после телеграммы Распутина Их Величествам в ответ на депешу, посланную мною, по их поручению, старцу в Сибирь с просьбой молиться об успешном завершении войны. Телеграмма Распутина гласила: “Мир любой ценой, война будет гибелью России”.

Получив эту телеграмму, император вышел из себя и порвал ее. Императрица, несмотря ни на что, продолжала почитать старца и верить в него»⁷⁶.

Однако волна патриотизма захлестнула многих. Так, например, великий князь Николай Михайлович еще 15 (28) июля 1914 г. обратился к императору Николаю II со следующим письмом:

«Прости, если в тревожные минуты отрываю твое внимание. На сей раз ходатайствую о себе лично и прошу не выдавать меня до поры до времени. Дело в том, что если бы война с немцами всех сортов все-таки возгорелась, то я хотел бы очевидно принять активное участие, а не сидеть здесь сложа руки.

Ввиду того, что за 10 лет я окончательно отстал от фронта, то мог бы принести пользу только в качестве генерала, состоящего по особым поручениям.

Если будущие действующие армии были бы вверены Николаше, Ренненкамфу, Жилинскому и Иванову, то я бы просил меня назначить именно в Киевскую армию к Иванову. Тебе может быть покажется странным, что я заблаговременно заявляю о своем ходатайстве, но в тревожные дни, особенно перед войнами, всегда столько просьб, что пусть моя будет одной из первых. Твое принципиальное согласие для меня очень важно. <...> 12 [июля] я вернулся сюда, а вчера радовался от всей души бодрому и повышенному настроению всех слоев населения столицы. Это отрадное явление действует чарующе на тех, которым дороги интересы Родины, и давно я не видал Петербурга таким, как он был за эти два дня. <...>

Если все окончится благополучно и войны не будет, предполагаю поехать на 2 недели в Грушовку и Екатеринославскую губернию 22 или 23 июля, потом обратно сюда и в конце августа в Боржом.

Весь Твой *Николай М[ихайлович]*⁷⁷.

Министр Императорского двора граф В.Б. Фредерикс (1838– 1927) позднее вспоминал обстановку, предшествующую началу мировой войны, и поведал об этом графине М.Э. Клейнмихель: «Когда граф Пурталес (*германский посол в России*. – В.Х.) пришел ко мне и со слезами на глазах умоляя меня еще раз попытаться убедить отменить приказ о мобилизации, я направился к императрице и объяснил ей всю серьезность этого непоправимого шага. “Вы правы, – сказала она, – надо во что бы то ни стало предотвратить это страшное несчастье. Впрочем, здесь вкралось некоторое недоразумение – мобилизация объявлена не против Германии, а против Австрии. Государь говорил мне об этом несколько раз, и Вильгельм либо плохо осведомлен,

⁷⁵ Русский архив. М., 1992. № 2 (603). С. 317; Марков С.В. Покинутая Царская семья. М., 2002. С. 54; Платонов О.А. Жизнь за царя. (Правда о Григории Распутине). СПб., 1996. С. 105.

⁷⁶ Вырубова А.А. Неопубликованные воспоминания / Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 214–215.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 67–67 об., 68.

либо прикидывается таковым». Мы пошли вместе к Государю, у него уже находился Сазонов. Я говорил с полным убеждением, искренно и сердечно, как мне диктовала моя глубокая симпатия к царю. Я умолял его не брать на себя эту огромную ответственность перед историей и перед всем человечеством. Государыня меня поддержала, говорила сначала по-французски, затем – по-английски... Государь задумался. Сазонов, повернувшись в мою сторону, сказал: «А я имею храбрость взять на себя ответственность за эту войну. Война эта неизбежна. Она делает Россию еще сильнее и могущественнее. И вы, министр двора, которому подобает соблюдать интересы Государя, вы хотите, чтобы он подписал свой смертельный приговор, оттого, что Россия никогда не простит ему тех унижений, которые вы ему навязываете!» – Государь, до этой минуты колебавшийся, казалось, сразу предпринял какое-то решение и приказал, прекратив разговор с Сазоновым и мною, призвать к нему немедленно Сухомлинова и великого князя Николая Николаевича»⁷⁸.

Теперь нам всем хорошо известно, что Сазонов, Сухомлинов и великий князь Николай Николаевич убедили императора в невозможности отменить уже объявленную частичную мобилизацию по техническим причинам и, вообще, в нерациональности таких шагов. Однако все это вело к большой войне.

Обстоятельства объявления войны Германией России описал в своих воспоминаниях министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов: «Этот шаг, последний и бесповоротный, был совершен Германиею в субботу 1-го августа. В 7 часов вечера ко мне явился граф Пурталес и с первых же слов спросил меня, готово ли русское правительство дать благоприятный ответ на предъявленный им накануне ультиматум. Я ответил отрицательно и заметил, что, хотя общая мобилизация не могла быть отменена, Россия, тем не менее, была расположена по-прежнему продолжать переговоры для разрешения спора мирным путем.

Граф Пурталес был в большом волнении. Он повторил свой вопрос и подчеркнул те тяжелые последствия, которые повлечет за собою наш отказ считаться с германским требованием отмены мобилизации. Я повторил уже данный ему раньше ответ. Посол, вынув из кармана сложенный лист бумаги, дрожащим голосом повторил в третий раз тот же вопрос. Я сказал ему, что не могу дать ему другого ответа. Посол, с видимым усилием и глубоко взволнованный, сказал мне: «В таком случае мне поручено моим правительством передать Вам следующую ноту». Дрожащая рука Пурталеса вручила мне ноту, содержащую объявление нам войны. В ней заключалось два варианта, попавшие, по недосмотру германского посольства, в один текст. Эта оплошность обратила на себя внимание лишь позже, так как содержание ноты было совершенно ясно»⁷⁹.

Военный министр генерал В.А. Сухомлинов следующим образом отразил эти события в воспоминаниях: «Следующий доклад мой должен был состояться в субботу 19 июля (1 августа); но мне передано было из Петергофа, что Государь примет военного министра с докладом 20 июля/2 августа, в Петербурге, после Высочайшего выхода, в Зимнем дворце.

В воскресенье выход состоялся. Император Николай II, после молебствия, обратился с прочувствованною речью к собравшимся представителям армии. Более четырех тысяч человек приветствовало царское слово с большим энтузиазмом. Когда после того я был принят с докладом, Его Величество очень ласково меня принял, поблагодарил за тот блестящий порядок, в котором прошли все распоряжения по мобилизации, и обнял меня даже.

При всем желании Государя нашего – войны избежать не удалось, – и так он решил сам стать во главе действующей армии, то ввиду предстоящего отъезда на фронт состоялось заседание Совета министров, под председательством самого Государя в Петергофе, на так называ-

⁷⁸ Клейнмихель М. Из потонувшего мира. Берлин, б/г. С. 214–215.

⁷⁹ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 259.

емой «Ферме». – В сущности, это был небольшой павильон в парке, всего одна зала с небольшими пристройками примитивного фасона и незатейливой меблировкой.

Посреди зала находился стол настолько большого размера, что вокруг него могло поместиться до 20–25 человек. Вся мебель чуть ли не Екатерининских времен. На стенах висели старинные же гравюры, с изображениями охот, древних замков и портретами XVII столетия в напудренных париках, жабо, с отложными, широкими, кружевными воротниками...

На эту «Ферму» Государь пришел пешком, совершенно один и без оружия.

В настоящее время, на расстоянии девяти лет с того дня, когда решался вопрос большого исторического значения, а именно: станет ли Государь во главе действующей армии, – имеются уже данные, дающие возможность в этом разобраться. Я не могу винить Государя в том, что он не проявил силы воли и от своего решения, на основании которого я направлял все подготовительные работы к походу, отказался в совещании министров. – Перед престолом Всевышнего дает теперь ответ наш бедный царь. Лягание же поверженного льва – спорт, к которому у меня расположения никогда не было.

Но интересно выяснить, насколько я виноват в том, что настойчиво, энергично не пошел против всех остальных членов совещания и категорически не заявил, что Государь не должен менять своего решения выступить в поход вместе со своими войсками.

Обстановка заседания была такова, что правее Государя сидел председатель Совета министров Горемыкин, а левее Его Величества – военный министр.

После заявления Государя о том, что, предполагая стать во главе армии, выступающей в поход, он желал бы дать Совету министров некоторые полномочия для окончательного решения дел в его отсутствии, во избежание всяких проволочек и задержек с бюрократической точки зрения. Его Величество предложил Горемыкину высказать свое мнение.

Старик «премьер министр», чуть ли не со слезами на глазах, просил Государя не покидать столицу ввиду политических условий, создавшихся в стране, и той опасности, которая угрожает государству, – отсутствие главы его из столицы, в критическое для России время. Речь эта была трогательна и, видимо, произвела на Государя большое впечатление.

К ней горячо присоединился министр земледелия и государственных имуществ Кривошеин, энергично высказавшийся за то, чтобы Государь оставался в центре всей административно-государственной машины; излагал свои доводы он с таким пафосом, что, видимо, его речь производила на Государя тоже сильное впечатление.

Затем министр юстиции Щегловитов, опытный профессор, в своих спокойных доводах, основанных на исторических данных, сославшись на Петра Великого и обстановку Прутского похода того времени, – увлек всех нас своим убежденным докладом о том, почему Государю необходимо оставаться у кормила правления.

После него решительно все остальные члены заседания высказались в том же смысле, и очередь дошла до меня.

Обращаясь в мою сторону, Его Величество сказал:

– Посмотрим, что на это скажет наш военный министр?

– Как военный министр, – доложил я на это, – скажу, конечно, что армия счастлива будет видеть верховного своего вождя в ее рядах, тем более, что я давно знаю это непреклонное желание и Его Величества; в этом смысле формируется штаб и составляется положение о полевом управлении. Но я, как член совета сейчас остаюсь в одиночестве, и такое единодушное мнение моих товарищей не дает мне нравственного права идти одному против всех.

– Значит и военный министр против меня, – заключил Государь и на отъезде в армию больше не настаивал»⁸⁰.

---

⁸⁰ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 291–292.

Первая мировая война для многих членов династии Романовых оказалась неожиданным и весьма неприятным сюрпризом. Об этом можно судить хотя бы тому факту, что вдовствующая императрица Мария Федоровна и старшая сестра императора Николая II великая княгиня Ксения Александровна находились в это время за границей.

Обратимся к сохранившимся личным документам Романовых, которые позволяют судить о многих нюансах начала великой драмы.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна 17 (30) июля 1914 г. в письме к своей дочери, великой княгини Ксении Александровны писала из «Marlborough house», где находилась в гостях у родной сестры:

«От души благодарю тебя, моя душка милая Ксения, за твое дорогое письмо из Vissebes. Но кто мог провидеть эти неожиданные пертурбации в этом коротком сроке. Кажется, что все с ума сошли, не верится, что все это так скоро могло случиться! Я совершенно <...> не могу спокойно сидеть здесь и уже послезавтра уезжаю, но как путешествие через Германию будет, не знаю. Может быть, остановят нас на дороге. Бедная т. Аликс не хотела меня пускать, но я просто не могу ждать здесь... Я не имею никаких известий от Ники, что совсем не понятно. Я ему в первый день телеграфировала [чтобы] узнать, нужно ли мне вернуться, на что он ответил: если тебе больше спокойнее будет здесь, то приезжай. Что это за ответ? И после этого ничего. Бедный Ники, конечно, его положение ужасно тяжелое... Но другие тоже ничего не пишут, как будто мне все равно, это возмутительно. <...> Все, что произошло, так ужасно и так страшно, что слов нет. Боже мой! Что нас еще ожидает и как это все кончится? <...> Положение ужасное, куда ни смотришь. <...> Больше не могу писать. Нежно тебя обнимаю, моя душка Ксения, да поможет нам Господь! <...>

Твоя измученная, но любящая тебя *Мама*.

Миша был сегодня. Я ему сказала, [что] лучше ему со мною вернуться теперь, но он отказался. Но видно, что он все чувствует, как мы, но не может!»⁸¹

Как видно из письма Марии Федоровны, поворот международных событий был неожиданный для нее. Перед возвращением в Россию она имела свидание со своим опальным младшим сыном великим князем Михаилом Александровичем, который в этот период находился с семьей в Англии (в связи с морганатическим браком) и ему было запрещено возвращение на родину.

В дневнике Марии Федоровны 17 (30) июля 1914 г. была сделана следующая запись: «В 12 часов пришел Миша. Мы немного прогулялись. Я умоляла его поехать домой вместе со мной именно сейчас – в такой серьезный момент. Для него это было бы теперь самым лучшим решением. Никакого результата, к сожалению, я не добилась! Позавтракали мы в саду. Затем отправились к леди Пейджет, где пили чай и осматривали ее прелестный сад. Там была также мадам Оберн. Погода стоит замечательная. Вечер провела в одиночестве»⁸².

Великий князь Михаил Александрович оказался в данном случае в двойственной ситуации. Очевидно, что он стремился вернуться в Россию, но буквально накануне встречи со своей матерью вдовствующей императрицей Марией Федоровной им было отправлено письмо Николаю II, которое приведем полностью:

«16 июля 1914 г. – Knebword House Herts.

Дорогой Ники,

Хотя ты мне и не отвечаешь на мои письма относительно изменения моего положения, которое всецело зависит от тебя, я еще раз обращаюсь к тебе. Учрежденная по твоей воле опека, очевидно, должна была иметь в виду ограждение состояния моего от разорения. Никаких определенных действий, из которых можно было бы усмотреть угрозу имущественному

⁸¹ ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 172. Л. 26–27 об., 28.

⁸² Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 го– ды). М., 2005. С. 45–46.

благополучию моему, мною совершенно не было и, следовательно, опека имела в виду лишь возможность проявления в будущем расточительности или безмерных трат. Сопровождение опеки над имуществом опекой над личностью, не увеличивая нисколько обеспечения целостности состояния, поставило меня в положение слабоумного или психически ненормального человека и создало совершенно невыносимые условия моего дальнейшего существования, отняв у меня возможность даже временного возвращения в Россию, как человека, которого постигла унижительная кара. Я вынужден избегать людей, которым неизвестна истинная причина постигшего меня бедствия, лишен возможности всякого участия в наблюдении за ведением моих дел, а в то же время остался до сих пор председателем разных обществ, ученых, просветительных и благотворительных.

Я глубоко убежден, дорогой Ники, что ты не мог желать поставить меня именно в такое тяжкое, унижительное положение и что учреждение опеки имело лишь единственную цель ограждения целостности моего состояния, а если это так, то опека над личностью является прежде всего для сказанной цели совершенно излишнею, да и самая опека над имуществом могла бы быть заменена другими менее оскорбляющими мое человеческое достоинство мерами.

Пережив столько тяжелого и унижений за все последнее время, решаюсь еще раз обратиться к тебе и просить тебя или ограничиться наложением запрещения на все мое недвижимое имущество и капиталы с разрешением мне пользоваться лишь доходами с них или, если это было бы признано тобой не удовлетворяющим поставленной цели, заменить нынешнюю опеку попечительством в твоём лице или лица, которое тебе было бы угодно назначить, как, например, лично известного тебе Николая Павловича Лавриновского. Такое отвечающее вполне цели и назначению ныне действующей опеки попечительство по твоему повелению заменило опеку по расточительности в отношении лейб-гусарского полка графа Стенбок[а], и о такой же милости прошу теперь и я, хотя имущества своего до сих пор не расточал и не растрачивал.

Надеюсь на твоё доброе сердце, что ты не назначишь лиц, мне неприятных и вредящих мне, где только возможно, так как это равнялось бы теперешнему тяжелому положению.

Обнимаю тебя

Сердечно любящий тебя *Миша*»⁸³.

Как видно из письма, великий князь Михаил Александрович был смертельно обижен на своего старшего брата, но, соблюдая рамки вежливости и смирения, просил о нисхождении. Пока на эту просьбу он еще не получил ответа, то считал себя не в праве возвратиться из изгнания на родину.

Возвращение членов Императорской фамилии в Россию проходило с целым рядом злоключений. Так, например, императрица Мария Федоровна 19 июля (1 августа) 1914 г. писала в своём дневнике: «Сегодня я провожу последний день с моей дорогой Аликс. Как это ужасно! Неизвестно, когда мы теперь снова сможем увидеться. Уж конечно, не в этом году, раз начинается война!.. В полном отчаянии я расстаюсь с моей любимой Аликс! Какое жестокое прощание в этот такой ужасно серьезный момент. Переезд прошел прекрасно! В 51/4 прибыли в г. Кале, где меня должна была встретить Ксения. Однако ее там не оказалось. Она встречала меня лишь в Бельгии. Она (Ксения) потеряла всех своих людей и весь свой багаж». На следующий день 20 июля (2 августа) еще одна запись в дневнике Марии Федоровны: «Во Франции нас повсюду встречали: “Vive la Russie!” (“Да здравствует Россия!” – *франц.*). Мобилизация шла полным ходом. В Германии ничего не было заметно до тех пор, пока мы не прибыли в предместье Берлина, где лица прохожих дышали ненавистью. Когда мы въехали в Берлин – отвратительное место, в поезде появился Свербеев и сообщил, что объявлена война, а также что мне не разрешено пересечь германскую границу. Он сам был как помешанный. Видно было, что он совершенно потерял голову и уже не был послом. Он сказал мне, что маленькая Ирина

⁸³ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1301. Л. 127–130.

находится здесь с семьей Юсуповых и что все они арестованы. Слыхано ли что-либо подобное! Какие подлецы! Потом появился немецкий господин, чиновник, который заявил, что я должна вернуться назад и ехать домой через Англию, Голландию или Швейцарию или, может быть, я предпочла бы Данию. Я протестовала и спросила, что случилось. На это он ответил: «Россия объявила войну». Я ответила, что это ложь, а также то, что мобилизация начата ими [германцами] тайно и проводится уже в течение четырех лет, в то время как Россия только теперь начала осуществлять эти действия [мобилизацию] и только теперь заявила об этом официально. «Но это, – сказала я, – еще не означает начала войны». В конце концов, через 2 часа наконец-то выбрались из всей этой грязи и уже находились на пути в Вамдруп»⁸⁴.

В дневниковых записях императора Николая II нашла отражение эскалация событий, связанных с началом войны:

«19-го (1 августа по новому стилю. – В.Х.) июля. Суббота.

Утром были обычные доклады.

После завтрака вызвал Николашу и объявил ему о его назначении Верховным главнокомандующим впредь до моего приезда в армию. Поехал с Аликс в Дивеевскую обитель.

Погулял с детьми. В 6 1/2 ч. поехали ко всенощной. По возвращении оттуда узнали, что Германия нам объявила войну... Вечером приехал англ. посол Buchanan с телеграммой от Georgie. Долго составлял с ним вместе ответ. Потом еще видел Николашу и Фредерикса...

20-го (2 августа) июля. Воскресенье.

Хороший день, в особенности в смысле подъема духа. В 11 час. поехал с Мари и Анастасией к обеду. Завтракали одни. В 2 1/4 ч. отправились на «Александрии» в Петербург и на карете прямо в Зимний дв[орец]. Подписал манифест об объявлении войны. Из Малахитовой прошли выходом в Николаевскую залу, посреди кот. был прочитан манифест и затем отслужен молебен. Вся зала пела «Спаси, Господи» и «Многая лета».

Сказал несколько слов. При возвращении дамы бросились целовать руки и немного потрепали Аликс и меня. Затем мы вышли на балкон на Александровскую площадь и кланялись огромной массе народа. Около 6 час. вышли на набережную и прошли к катеру чрез большую толпу из офицеров и публики. Вернулись в Петергоф в 7 1/4 ч. Вечер провели спокойно»⁸⁵.

По свидетельству придворных, императрица Александра Федоровна, узнав о печальной вести начала войны, горько разрыдалась.

Позднее дворцовый комендант генерал-майор В.Н. Воейков в своих мемуарах с печалью писал: «Сбылось то, чему трудно было верить, но что мне в 1919 году выдавалось за факт: говорили, что в 1911 году в Риме состоялся масонский съезд, постановивший вовлечь европейские державы в войну с целью свержения тронов»⁸⁶.

Интересно отметить, что на подобные секретные данные и на вездесущую «руку масонов» в крахе трех европейских империй ссылался в своих воспоминаниях и германский император Вильгельм II, находясь в эмиграции уже после потери трона. Однако всем известна истина, что победителей не судят.

Роль масонов темна, и касаться этого мы сейчас не будем, тем более что подобному сюжету имеется много разного рода «посвящений». В России кроме масонов имелись более многочисленные и влиятельные силы, которые были заинтересованы в большой войне. Для них война являлась беспроектной лотереей. С одной стороны, на войне можно было нажать огромные капиталы и в случае победы получить новые рынки сбыта, подавить своих конкурентов на мировой арене. Существовала и другая сторона медали. Реальные силы оппозиции

⁸⁴ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 го-ды). М., 2005. С. 46–47.

⁸⁵ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 477.

⁸⁶ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 80.

в России на надежду уступки власти со стороны самодержавного царского режима (в условиях мирного времени при успешном экономическом и социальном развитии страны) рассчитывать не могли. Уступки хотя бы части власти можно было добиться или вырвать лишь в трудных условиях военного времени и недовольствия населения. Такие же надежды питали и революционеры, т.к. их ставка на восстание 120 млн. крестьян в борьбе за землю была основательно подорвана началом проведения аграрной реформы Столыпина.

Рвавшийся к государственному рулю новый класс, главным образом в лице крупной буржуазии, понять было можно. Россия управлялась вся, по меткому выражению императора Николая I, «30 000 столоначальников»⁸⁷, т.е. профессиональной бюрократией. Для того чтобы добиться влиятельного положения в государственном аппарате, чтобы стать директором департамента, сенатором или министром, нужно было пройти длинную лестницу служебной карьеры, и никакие миллионы не могли играть решающей роли и освободить от этой обязанности. Российская буржуазия считала себя обиженной таким положением. Она стремилась играть в России такую же доминирующую роль, которую имела крупная буржуазия в Европе. Таким образом, приближалось время открытой схватки с царем за перестройку российской государственности по меркам их личных и сословных интересов. Военная обстановка этому могла благоприятствовать.

Вскоре война стала общеевропейской, а через некоторое время и мировой, в которой участвовало 38 государств с населением в полтора миллиарда человек.

С началом Первой мировой войны император Николай II, судя по дневниковым записям, беспокоился за благополучие своих близких:

«22-го июля. Вторник.

Вчера Мама приехала в Копенгаген из Англии через Берлин. С 9 1/2 до часа непрерывно принимал. Первым приехал Алек (*имеется в виду принц Александр Петрович Ольденбургский. – В.Х.*), кот. с большими возвратился из Гамбурга затруднениями и едва доехал до границы. Германия объявила войну Франции и направляет главный натиск на нее.

У меня были доклады: Горемыкина, Сухомлинова и Сазонова. Кирилл был дежурным.

23-го июля. Среда.

Утром узнал добрую весть: Англия объявила войну Германии за то, что последняя напала на Францию и самым бесцеремонным образом нарушила нейтралитет Люксембурга и Бельгии.

Лучшим образом с внешней стороны для нас кампания не могла начаться. Принимал все утро и после завтрака до 4 час. Последним у меня был франц. посол Палеолог, приехавший официально объявить о разрыве между Францией и Германией...

24-го июля. Четверг.

Сегодня Австрия, наконец, объявила нам войну. Теперь положение совершенно определилось. С 11 1/2 на «Ферме» у меня происходило заседание Совета министров. Аликс утром ходила в город и вернулась с Викторией и Эллой. Кроме них завтракали: Костя и Мавра (*имеются в виду великий князь Константин Константинович и его супруга великая княгиня Елизавета Маврикиевна. – В.Х.*), только что вернувшиеся из Германии и тоже, как Алек, с трудом проехавшие через границу. ...»⁸⁸

Наконец, в дневнике Николая II от 27 июля 1914 г. была сделана следующая запись: «В 10 1/2 была обедня вследствие приезда дорогой Мама в 12.36 сюда в Петергоф. Встречало все семейство, министры и свита. Был выставлен дивный почетный караул от Гвардейского экипажа. Мама приехала с Ксенией, совершив 9-дневное путешествие из Англии на Берлин, откуда ее не пропустили к нашей границе, затем Копенгаген, через всю Швецию на Торнео и

---

⁸⁷ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 13.

⁸⁸ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 477–478.

на СПб. Она совсем не устала и в таком же приподнятом настроении, как мы все. Завтракали и обедали в Коттедже. Погулял с дочерьми. В 6 ч. принял Николашу. Погода была отличная»⁸⁹.

Весть о войне в самые первые дни по всей Российской империи была встречена с большим подъемом патриотизма. Известный писатель М.М. Пришвин (1873–1954), который зимой 1916–1917 гг. стал секретарем товарища министра торговли и промышленности, в дневниковой записи от 27 июля 1914 года отметил:

«**27 июля.** Город. Рассказ кондуктора о событиях: депутат на белом коне с трехцветной лентой, а полиции не было, картина высшего состояния человека: пьяных нет, все закрыто, запасные чинно гуляют (не пьют)... Рыжий мужик спрашивает, а будет ли царь на войне? Водку заперли, и самоуправление возле казенки. Как в солнечном затмении наблюдают солнце, так и в пьянстве русский народ. “Водку заперли – это Государь молодец, дай Бог здоровья”.

Все это признаки конца: встреча со старообрядцем, разговор о лесных пожарах, и затмении, и забастовке – все это признаки конца, как у летописцев.

Признаки войны: лесные пожары, великая сушь, забастовки, аэропланы, девиц перестали замуж выдавать, Распутину (легенда в Петербурге) член отрезали, красная тучка, гроза. Лес и старообрядец. Радость освобождения от будней: кухня и трактир – дом и война.

Иногда читаешь газету, идешь по улице и вдруг спросишь себя: “Какое же теперь время года?” Лето забыто. Природа – все равно. Пустые, резонирующие квартиры наполнены странными звуками.

Нет: мир после этой войны, конечно, надолго оградит себя от войны, но возможность ее не устранил. А преобладание Англии, а броня культурного человека. Для уничтожения войны нужно, чтобы о ней решили живые трудящиеся массы, но когда это будет, как потонули голоса социалистов. Керенский очень ловко вышел из затруднения – умный человек. А что же другое и скажешь? И все-таки какая-то радость и бодрость, как хорошо на улицах, все черпают эту радость из источника единения. А чувство к народу (патриотизм сознательный) – тут много приятной лжи и, быть может, даже все обман.

Меньшиков уже все учел и разделил Австро-Венгрию; его слова: “Буря – явление, в котором выражается исключительная роскошь природы, раздается гром – и какая свежесть, сколько озона!” Он же об инородцах и евреях: “В куколке их души невидимо сформировалась как бы некая бабочка и готова вылететь совсем новым существом”.

Хожу везде, спрашиваю, кто, что знает, и думаю: в этих великих событиях судьба избрала таких маленьких свидетелей – все как дети, ничего не знают вперед, и многие чему-то как дети радуются...

Коля-депутат наткнулся на мысль и все думает, как бы совсем покончить с войной и разоружиться, думает, думает, думает и все ни к чему не приходит: ведь суд обеспечивается вооруженной силой, значит, нужно вооружение, все-таки нужно установить, что идея о “последней войне” бродит в голове многих. Много помех успеху мобилизации – быстрота, внезапность: испугались, но одумались и пошли. А шли, как все говорят в один голос, хорошо, совсем не то, что в Японскую войну»⁹⁰.

Через две недели произошло еще одно знаменательное событие в большом Императорском семействе. Это событие нашло отражение в дневнике императрицы Марии Федоровны:

«11/24 августа. Понедельник.

Ужасное возбуждение. Сегодня ожидаю моего Мишу. В 11 часов приняла Гадона. Благодарю Господа за эту блестящую кампанию, в которой участвовали кавалергарды и Конная гвардия. Получила милое письмо от Ольги. Миша пришел незадолго до завтрака. Наша встреча была очень эмоциональной! Затем мы с Ксенией посетили раненых офицеров в Благовещен-

---

⁸⁹ Там же. С. 478.

⁹⁰ Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. СПб., 2007. С. 83–84..

ском госпитале... Домой вернулись к чаю, на котором также присутствовал Ники с двумя младшими дочерьми. Таким образом, Ники и Миша впервые встретились здесь у меня. Эта встреча меня глубоко тронула. Миша расплакался, но вскоре они оба подавили в себе эмоции и больше ни о чем не вспоминали»⁹¹.

Более лаконичная запись в дневнике императора Николая II от 11 августа 1914 г.:

«Отличный летний день. Погулял. Принял Григоровича, Горемыкина и Кривошеина. После прогулки в 4 ч. отправился с Мари и Анастасией на моторе на Елагин к Мама. Пил у нее чай с Ксенией. В это время вошел Миша, вернувшийся вчера ночью из Англии тоже чрез Норвегию и Швецию на Торнео. Радостно было встретиться! Вернулся в Ц[арское] С[ело] с ним. Он обедал у нас.

Вечером читал»⁹².

Следует отметить, что «русский колосс», как называли Россию за рубежом, оказывал магическое воздействие и вселял радужные надежды на союзников по Антанте. На шахматной доске военного планирования огромные размеры и людские резервы Российской империи имели самый большой вес. Несмотря на ее неудачи в Русско-японской войне, мысль о «русском паровом катке» утешала и ободряла Францию и Англию. Численность и потенциал российской армии внушали уважение: 1 423 000 человек в мирное время, еще 3 115 000 при мобилизации составляли вместе с 2 000 000 территориальных войск и рекрутов 6 500 000 человек.

Русская армия представлялась гигантской массой, пребывающей как бы в летаргическом сне, но, пробужденная и пришедшая в движение, она неудержимо покатится вперед, волна за волной, невзирая на потери, заполняя ряды павших воинов все новыми бойцами. Усилия, предпринятые после войны с Японией, для устранения некомпетентности и коррупции в армии привели, как многие предполагали, к некоторому улучшению положения. «Каждый французский политик находился под огромным впечатлением от растущей силы России, ее огромных ресурсов потенциальной мощи и богатства», – писал сэр Эдуард Грей еще в апреле 1914 года в Париже, где он вел переговоры по вопросу заключения морского соглашения с русскими. Он и сам придерживался тех же взглядов. «Русские ресурсы настолько велики, – сказал он как-то президенту Пуанкаре, – что в конечном итоге Германия будет истощена даже без нашей помощи России»⁹³.

Однако в этих далеко идущих планах Антанты был элемент некоторого авантюризма. Проблема состояла в том, чтобы заставить русских начать наступление на Германию (как бы с тыла) одновременно с началом военных действий французов и англичан на своем фронте, т.е. как можно ближе к 15-му дню мобилизации. Необходимо было учитывать, что во время мобилизации русского солдата на театр боевых действий надо было перебросить в среднем за тысячу километров, что в четыре раза больше, чем в среднем для германского солдата. В тоже время на тот момент в России на каждый квадратный километр приходилось железных дорог в 10 раз меньше, чем в Германии. К тому же отправка русской армии для участия в сражениях на вражеской территории, учитывая в особенности неудобства, связанные с разными системами колеи железных дорог, являлась весьма рискованным и сложным предприятием. Союзникам по Антанте было известно, но и не только им, что Россия физически не в состоянии закончить мобилизацию и концентрацию своих войск к этому условленному сроку, но для них было важно, чтобы русские начали наступление теми силами, которые окажутся у них в готовности. Франция и Англия были полны решимости принудить Германию вести войну на два фронта с самого начала, стремясь сократить численное превосходство немцев по отношению к своим армиям.

---

⁹¹ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 го-ды). М., 2005. С. 53.

⁹² Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 481.

⁹³ Такман Б. Августовские пушки. М., 1972. С. 108.

В начале Первой мировой войны Российская империя, выручая от разгрома французов и английский экспедиционный корпус, предприняла спешное (во многом неподготовленное) наступление в Восточную Пруссию и стала угрожать Берлину.

В августе 1914 г. Франция находилась в таком опасном положении, что французское правительство со всеми высшими учреждениями вынуждено было перебраться из Парижа в Бордо.

В дневнике императора Николая II появляются подобные записи, как например, 15 августа 1914 г.: «Вернулись в Царское С[ело] к 7 час. Читал. После обеда рассматривали по карте места боев 13-го и 14-го августа на Австрийском и Германском фронтах»⁹⁴.

На фронте первые победы русской армии чередовались с сокрушительными поражениями. Немцы вынуждены были перекинуть из Франции два корпуса своих войск для отражения русского наступления. Им удалось не только остановить наступление, но и нанести сокрушительные удары по 1-й и 2-й русским армиям, которые понесли весьма большие потери. Военная удача отвернулась от русских войск, и они подверглись тяжким испытаниям. В частности, в рукописных воспоминаниях казачьего начальника В.А. Замбржицкого отмечались за этот период кровопролитные бои 1-й кавалерийской дивизии В.И. Гурко: «Да, подошли к нам минуты испытаний... Это было тогда, когда немцы только что разгромили Самсонова под Сольдау, а затем обрушились на зарвавшуюся вперед армию Ренненкампа, грозя отрезать ее с тыла. Наша дивизия прикрывала его левый фланг, и нам пришлось выдержать всю силу удара обходных корпусов, предназначавшихся Ренненкампу, и не будь Гурко, прямо скажу, несдобровать бы всей первой нашей армии... А положение было не то что скверное – отчаянное прямо, и я не представляю себе, как мы оттуда живыми ушли! Как сейчас помню бой у села Петрашка. Навалились на нас 3 немецкие пехотные дивизии и конница, да еще с тяжелой артиллерией. А у нас что? Легкие конные пушечки, так разве ими отобьешься? ... А местность то лесистая по краям, все перелески да перелески, того и гляди обойдут немцы. Да по середине открытое поле, и за пригорочком лежат наши казаки, а где разбросались уланы и казаки. Гвоздят немцы по бугру, и все “чемоданы”, все “чемоданы”, так и чешут, так и сносят, так и мнут. Невмоготу терпеть, нет никакой мочи, ну просто не выдерживает сердце. Пригнулись мы, в землю вросли, про себя молитву “Живый в помощи Всевышнего” читаем. Тянет сползти с проклятого бугра, уйти куда-нибудь и бежать, бежать без оглядки назад из этого сплошного ада. А не смеем! Мы-то лежим, а он, Гурко, т.е. стоит во весь рост на этом бугре и хоть бы что! Точно не по нему-то бьют, точно не вокруг него столбом рвутся и воют снаряды, точно не смерть витает, не убитые и раненые валяются и корчатся, а сладкая музыка играет и ангелы песни поют. Стоит это он себе по своей привычке стеком по носку сапога хлоп-хлоп, и нет-нет парой слов перекинется с адъютантом своим Арнгольдом. Далеко видать алые генеральские лампасы... Штаб весь ушел давно, Гурко его назад отослал, а сам с Арнгольдом остался. И пока стоит он здесь, на бугре, не смеем и мы уйти... А там, из-за перелесков, вдруг выносятся конная немецкая бригада из двух полков и летит на нас в атаку. Ну, пропали, думаем! Только вижу, махнул рукой Гурко нашему резерву – трем сотням. Те вмиг на коня и марш-марш, на немца колонной поскакали... Господи ты Боже мой, что тут было! ... А Гурко стоит все с той же легкой усмешкой, застывший в спокойной, бесстрастной позе. Затаив дыхание, глядим и мы туда, где сейчас решается судьба. Что-то будет? Вдруг видим, немецкая бригада дрогнула, замедляет ход, идет все тише, тише и, сразу повернув, шарахнулась в сторону, уходит от наших казаков... Не приняла боя... Что тут было. Мы как лежали, так всею цепью сразу поднялись и с криками “ура” бросились на немцев. Гусары, уланы, драгуны, казаки – все один перед другим старались отличиться на глазах любимого начальника. Шли в атаку и пешие, и конные, не обращая никакого внимания на огонь... В этот день мы потеряли половину личного и конного

⁹⁴ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 481.

состава, но удержали за собой позиции... Армия Ренненкамппа была спасена»⁹⁵. Так, например, вдовствующая императрица Мария Федоровна 19 августа 1914 г. записала в дневнике: «Жуткие сообщения с фронта – потерпели страшное поражение в Восточной Пруссии. Три генерала погибли. Среди них мой дорогой Самсонов! Какой ужас! Приняла Ильина, Мейендорфа и Куломзина. Я нахожусь в совершенном отчаянии!»⁹⁶

События на фронте менялись как в калейдоскопе с поразительной быстротой. Спустя всего несколько дней в дневнике императора Николая II от 21 августа 1914 г. появляются такие строки: «Днем получил радостнейшую весть о взятии Львова и Галича! Слава Богу! <...> Невероятно счастлив этой победе и радуюсь торжеству нашей дорогой армии!»⁹⁷

Ценой большой крови русских солдат союзники России по Антанте были спасены от разгрома. Забегая вперед, отметим, что позднее в качестве компенсации Англия подписала с царским правительством тайный международный договор, по которому Черноморские проливы после окончания войны должны были отойти Российской империи. Англичане были заинтересованы в русских армиях по отстаиванию своих позиций на Ближнем Востоке и в Египте от покушений Османской империи. Это был своеобразный приз русских за участие в мировой войне, хотя англичане, возможно, никогда не собиравась выполнять свои обязательства по договору, что в дальнейшем подтвердилось их занятой позицией в дни Февральской революции.

Многие великие князья оказались в действующей армии. Их супруги и обе императрицы занимались организацией госпиталей, санитарных поездов и помощью фронту. Так, например, великая княгиня Ксения Александровна сообщала об этом в своем письме на фронт от 14 (27) сентября 1914 г. великому князю Николаю Михайловичу: «Спасибо, милый Бимбо, за фотографии. Вижу, что и на войне костюм все тот же: та же рубашка и та же трубка неизменно в зубах!

Ты жалуешься, что никто не пишет, и я вполне сочувствую, что это несносно, но я не писала до сих пор оттого, что писать в настоящее время весьма трудно (хотя и есть о чем!) и как-то тяжело. Кроме того, у меня мало времени, я только по утрам здесь, а сейчас же после завтрака еду в город, где остаюсь до 6 1/2 ч. и возвращаюсь довольно рамольной. У нас в доме весь день работают, шьют на раненых и работа кипит. Приходят разные совсем незнакомые дамы и женщины и сидят с 10 ч. до 7 ч. Мы уже отправили множество вещей в разные места, но большей частью все идет на наш санитарный поезд.

Он уже три раза привозил раненых из разных мест. Последние из Варшавы раненые в боях 26–27 августа.

[Великий князь] Георгий [Михайлович] открыл лазарет у тебя в доме, на 24 кровати. Пока только 15 человек, все егеря.

Я бываю там почти каждый день. Что за чудный народ: тихий, трогательный, полный веры в Бога и правоту нашего дела. Мне становится легче в их присутствии и от их рассказов! Но Боже мой! Что это за кошмар, вечный, сплошной кошмар, в котором встаешь и ложишься и от которого никуда не уйдешь.

Здесь гораздо хуже, чем там. Я так завидую Ольге и не знаю, что бы дала, чтобы быть на ее месте и при деле.

Я видела множество раненых, и все они делают самое отрадное впечатление и чувствуешь, что с таким народом нельзя не победить! Только увы! Что это нам будет стоить, какие страшные потери еще впереди! ...

⁹⁵ Дневники императора Николая II. М., 1991. Л. 10–12.

⁹⁶ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005. С. 54.

⁹⁷ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 482.

Мама была очень простужена и все еще кашляет, но все же ей лучше. Мы все еще живем в Елагине; тут хорошо, а главное – совсем новое место, обстановка, что приятно в настоящее время. Миша, кажется, доволен своим назначением, но не знает еще, когда едет. Вот уже 3 раза, что сообщали выехать (на Кавказ), но его все задерживают здесь. – Надеюсь, справится со своей ордой и что все будет благополучно. Он ведь почти 3 года был вне строя...

Но теперь пора кончать письмо. Напишу опять, когда-нибудь. Прости за бессодержательность этого письма!

Я тоскую, и на душе весьма тяжело! Всей душой ненавижу эту войну.

За чем, за что?! Да еще с такими скотами. – Это не война, а какая-то бойня бессмысленная и жестокая.

Помоги нам Бог! – Обнимаю тебя. – Если что нужно, напиши.

Твоя сестрица *Ксения*.

Поклоны Никите и Сереже Д.»⁹⁸

Первые победы русских армий чередовались с провальными поражениями, но оптимизма в успехе окончания войны в пользу России это ни у кого не убавило.

В качестве примера сошлемся на интересное восприятие обстановки в то время бароном Н.Е. Врангелем (отца вождя Белого движения барона П.Н. Врангеля), который в начале войны оказался во Франции и только что окольными путями вернулся в столицу: «В Петербурге меня прежде всего поразило изобилие гражданского мужского населения. У нас уже были призваны миллионы, а мужчин в городе было столько же, как в мирное время, тогда как в Париже все, что могло, было уже под ружьем. Россия, очевидно, израсходовала лишь малую часть своей наличности, имела неограниченный запас, во Франции запасов уже не было. Одна она неминуемо скоро была бы раздавлена.

И настроение было иное. Во Франции чувствовалась тревога, в Англии сосредоточенное напряжение – у нас в исходе войны никто не сомневался. Россия, верили, должна победить.

Недавнее прошлое теперь казалось забытым. Между Царем и народом розни, казалось, больше не было. К великому князю Николаю Николаевичу, популярностью до этого времени не пользовавшемуся, стали относиться с доверием и даже с любовью... На театре войны солдаты и офицеры дрались как львы, единение между ними было полное»⁹⁹.

20 сентября 1914 г. император Николай II отправился в поездку на фронт, о чем сделал запись в дневнике: «Недолго погулял. Принял офицера, унт.-оф. и рядового 41 пех. Селенгинского полка, кот. взяли в бою и привезли мне знамя 2-го Тирольского полка. В 12.30 поехали к молебну. Миша завтракал. В 2.30 простился в поезде со своими дорогими и поехал в действующую армию. Давнишнее мое желание отправиться туда поближе – осуществилось, хотя грустно было покинуть свою родную семью! Принял доклад Фредерикса...»¹⁰⁰

Первое посещение Ставки Верховного главнокомандующего в Барановичах 21–22 сентября 1914 г. императором Николаем II широко освещала периодическая печать: «В воскресенье 21 сентября, около 6 час. вечера, в Ставку Верховного главнокомандующего прибыл Его Императорское Величество Император Николай Александрович.

К 6-ти часам все офицеры Штаба Верховного главнокомандующего, среди которых находились Их Императорские Высочества, великие князья Петр Николаевич и Кирилл Владимирович, собрались в церкви Ставки. У входа стал протопресвитер военного и морского духовенства о. Шавельский.

Ровно в 6 часов послышался шум приближающихся автомобилей; на колокольной вышке начался трезвон. Еще через минуту в храм среди торжественной тишины вошел Государь

⁹⁸ ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 171. Л. 226–230 об., 231.

⁹⁹ Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 339.

¹⁰⁰ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 487.

император в сопровождении Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, министров двора и военного, начальника Штаба Верховного главнокомандующего, генерала Янушкевича и лиц свиты.

Протопресвитер отец Шавельский встретил Государя императора словом, в котором указал, что Бог дарует русским войскам победы в награду за усердные молитвы царя и народа.

Приложившись к кресту, Его Императорское Величество изволил стать у правого клироса. Началось молебствие.

Нельзя не отметить происшедший во время богослужения случай, который произвел сильное впечатление на присутствовавших.

Церковь освещается электричеством. В самом начале молебна, очевидно, где-то что-то испортилось: электричество потухло, церковь погрузилась в полумрак. Послали на электрическую станцию узнать, в чем дело. Молебствие продолжалось.

Вдруг в тот момент, когда диакон провозгласил: «И покори под нозе его всякого врага и супостата» – церковь снова ярко засияла – электричество загорелось.

После богослужения Его Императорское Величество и Их Императорские Высочества приложились к чудотворной иконе явления Божьей Матери преподобному Сергию Радонежскому и отбыли в автомобилях в императорский поезд, куда к царскому столу был приглашен и высший генералитет Штаба Верховного главнокомандующего.

На следующий день, 22 сентября, в Ставку был вызван генерал Рузский.

Желающих встретить героя нынешней войны собралось на перекрестке двух шоссе, неподалеку от великокняжеского поезда, довольно много...

Со стороны царского поезда подошел Верховный главнокомандующий в сопровождении товарища министра внутренних дел ген. Джунковского и дворцового коменданта ген. Воейкова. Почти в ту же минуту вдаль на шоссе показался быстро мчавшийся автомобиль.

Из автомобиля вышли сперва два полковника генерального штаба, за ними – генерал, худощавый, выше среднего роста, с большими серо-седыми нависшими усами. Это был герой взятия Львова, генерал Рузский.

Не успел он поздороваться с присутствующими, как Верховный главнокомандующий подхватил его под руку и, сказав:

– Идите! Идите скорее. «Там» ждут! – повел генерала Рузского к императорскому поезду, где к этому времени был сервирован в вагоне-салоне завтрак. К Высочайшему столу, кроме ген. Рузского, были приглашены высшие чины Штаба Верховного главнокомандующего.

За завтраком состоялось Высочайшее пожалование ген. Рузского званием генерал-адъютанта Его Императорского Величества»¹⁰¹.

Эти события нашли краткое отражение в дневниковых записях императора, которые можно сопоставить с сообщениями прессы:

«21-го сентября. Воскресенье.

Долго не мог заснуть, т.к. на станциях при остановках бывали резкие толчки. Проснулся серым утром, по временам налетали шквалы с дождем. Зато был обрадован вестью, что натиском наших войск германцы отброшены за границу от Сувалок и Августова. В 5 1/2 прибыл в Барановичи. Николаша вошел в поезд, кот[орый] передвинулся к Ставке Верховного главнокомандующего в сосновом лесу. В церкви железнодорож[ной] бригады был отслужен молебен. В 7 1/2 у меня обедали: Николаша, Петр и Кирилл и несколько главных генералов штаба Верх[овного] глав[нокомандующего]. После обеда пошел в вагон Николаши и выслушал подробный доклад ген. Янушкевича о настоящем положении дел и о новых предположениях. Вернулся к себе в 10 1/2 и пил чай с некоторыми лицами свиты.

---

¹⁰¹ Доманский М. Пребывание Его Императорского Величества Государя Императора в Ставке Верховного главнокомандующего // «Летопись войны 1914 года». № 8, 11 октября 1914 г. С. 125–127.

22-го сентября. Понедельник.

День простоял солнечный. В 10 час. в домике у поезда Николаши генерал-квартирмейстер Данилов докладывал о всем происходившем вчера на обоих фронтах. Погулял в лесу и заходил в землянки казачьих застав против аэропланов. В 11 1/2 принял ген. Рузского, назначил его генерал-адъютантом.

Он завтракал вместе с другими генералами. Снимался группой со всем штабом Николаши. Сделал хорошую прогулку с Дрентельн[ом] по расположению жел. дор. бригады. Писал Аликс. После чая читал бумаги. Вечером поиграл с Др[ентельном] в домино.

23-го сентября. Вторник.

С утра шел дождь. В 10 час. в домике был доклад. Читал до завтрака. В 2 1/2 принял ген. Лагиш[а] и англ. генерала Williams. Сделал хорошую прогулку с Д[рентельном] под дождем. Пожаловал Николаше орд. Св. Георгия 3 ст., а Янушкевичу и Данилову 4 ст. Фредерикс себя чувствовал нехорошо и по совету врачей уехал вечером в Петроград. Поиграл с Д[рентельном] в кости.

24-го сентября. Среда.

В 12 1/2 ночи выехал из Ставки и в 9 час. утра прибыл в Ровно. С большою радостью встретил Ольгу и Сандро на станции. Поехал с ними в лазарет, в кот. Ольга ухаживает с начала войны в качестве сестры милосердия, а затем в местный лазарет, где обошел более тяжело раненых. Все нашел в порядке и чистоте. Завтракал с Ольгой, Сандро и Дмитрием у себя и в час с 1/4 уехал в Брест-Литовск. Прибыл сюда в 6 час. Николаша, ген.-адъют. Иванов и прочие начальники ожидали на вокзале. Поговорил с Ивановым и дал ему Георгия 2-й степ. Обедал с Николашей и старшими местными начальниками. Вечером выслушал обычную сводку за вчерашний день, лег пораньше.

25-го сентября. Четверг.

В час ночи поезд тронулся на Белосток, куда прибыл рано утром. В 6 1/2 выехал с Сухомлиновым в военном моторе в Осовец; приехал в крепость в 8 час. совершенно неожиданно. Какое-то особое чувство овладело мною при виде разрушения, произведенного бомбардировкой германцами различных зданий и массы воронок в земле. Но крепость сама нисколько не пострадала. Зашел в церковь, пока комендант ген. Шульман собирал часть свободного гарнизона на площадке рядом. Большая часть войск работала на передовых позициях. Поблагодарил их за боевую службу и очень довольный виденным выехал тою же дорогой в Белосток. Утро было холодное, но солнечное. Встретил огромный обоз 11-й Сибирской стрелковой дивизии, шедший вперед к границе. В 11 ч. поехал в Вильну. По всему пути встречал воинские поезда. Приехал в Вильну в 3 часа; большая встреча на вокзале и по улицам стояли войска шпалерами – запасные батальоны, ополчения и к моей радости спешенные эскадроны 2-й гв. кав. див. и конных батарей. Заехал в собор и в военный госпиталь. Оттуда в здание жен. гимн., где был устроен лазарет Красного Креста. В обоих заведениях обошел всех раненых офицеров и нижних чинов. Заехал поклониться иконе Остробрамской Божьей Матери. На вокзале представилось Виленское военное училище. Уехал очень довольный виденным и приемом населением, вместо 6 ч. – в 8 1/2 час. Лег спать пораньше»¹⁰².

Вскоре на фронт отправился и великий князь Михаил Александрович, который перед своим отъездом посетил вдовствующую императрицу Марию Федоровну. Она с тревогой 23 сентября записала в своем дневнике: «К чаю был Миша. Потом мы прощались, и я благословила его. Очень горестное прощание! Да будет Десница Господня простерта над ним!»¹⁰³

---

¹⁰² Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 487–488.

¹⁰³ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 го– ды). М., 2005. С. 61.

Через четыре дня пришло известие о смертельном ранении на фронте князя крови императорской Олега Константиновича (1892–1914), сына великого князя Константина Константиновича.

2 августа 1914 г. Турция заключила с Германией союзный договор, по которому она обязывалась выступить на стороне Берлина. На покрытие военных расходов германская сторона предоставила Стамбулу заем в 100 миллиардов франков. Император Вильгельм II заверял султанское правительство, что он стремится к сохранению территориальной целостности Турции и не возражает против ее притязаний прежде всего к России.

Турция намеревалась захватить у России (в случае победы держав Центрального блока) весь Кавказ и Крымский полуостров. Некоторые влиятельные в стране пантюркисты мечтали о гораздо большем – «о долинах Волги и Камы» с татарским населением¹⁰⁴.

Российская империя тоже имела давние территориальные притязания к Турции. Прежде всего в высших светских кругах со времен Екатерины II давно обсуждали вопрос об оказании помощи поработенным христианам Османской империи, возврате и восстановлении святынь православия в лице Константинополя (Стамбула), а также возможности «приобретения» Черноморских проливов, что решило бы проблему беспрепятственного выхода русских кораблей из Черного моря в Средиземноморье.

27 сентября 1914 г. Турция закрыла свои проливы для торговых кораблей стран Антанты. Без официального объявления военных действий 16 октября объединенная турецко-германская эскадра под командованием немецкого адмирала В. Сушона бомбардировала Одессу и другие черноморские порты России. Была потоплена русская канонерская лодка «Донец». В ответ на враждебные действия 2 ноября 1914 г. войну Турции объявила Россия, 5 ноября – Англия, на следующий день – Франция. В свою очередь Турция объявила «джихад» (священную войну) странам Антанты, включая Россию.

Турецкий султан-калиф Решад Мехмед V (1844–1918) был провозглашен Верховным главнокомандующим. Однако фактическое руководство турецкой армией было сосредоточено в руках панисламиста военного министра Энвер-паши (1881–1922) и начальника штаба главного командования немецкого генерала Фридриха Бронзарта фон Шеллендорфа в 1914–1918 гг., а также военного адъютанта султана генерал-фельдмаршала барона К. фон дер Гольца (1843–1916).

Следует заметить, что с началом войны Персия заявила о своем строгом нейтралитете, к которому Российская империя и Великобритания отнеслись с должным уважением.

Фронтовые управления во время Первой мировой войны в русской армии были созданы для руководства боевыми действиями на важнейших стратегических направлениях.

На Кавказском театре военных действий, последовательно сменяя друг друга, командовали: генерал от кавалерии, граф И.И. Воронцов-Дашков (30 августа 1914 – 23 августа 1915), генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (23 августа 1915 – 2 марта 1917), генерал от инфантерии Н.Н. Юденич (3 марта – 3 апреля 1917).

1 ноября 1914 г. на базе Кавказского военного округа весьма спешно начала разворачиваться Кавказская армия. Ее командующим был назначен генерал-адъютант, граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, начальником штаба – генерал-лейтенант Николай Николаевич Юденич. Армия занимала полосу фронта от Черного моря до озера Урия протяженностью 720 километров.

15 ноября 1914 г. разведывательные отряды 1-го Кавказского армейского корпуса, с ходу заняв пограничные горные рубежи, спешно начали выдвижение на Эрзурум. На следующий день границу перешли главные силы корпуса. Спустя два дня контратакованные частями 9-го и 11-го турецких корпусов, они, опасаясь обхода своего правого фланга, по приказу коман-

¹⁰⁴ Шишов А.В. Голгофа Российской империи. М., 2005. С. 101.

дующего армией отошли к границе. Лишь углубившийся на 20–30 км Эрзурумский отряд, сформированный из подходивших подразделений 4-го Кавказского армейского корпуса, ночной атакой сумел занять высоты в районе Алашкерт. С приходом в конце ноября суровой зимы с многочисленными снегопадами боевые действия практически прекратились¹⁰⁵.

3 декабря в командование 3-й турецкой армией вступил сам военный министр Энвер-паша. Это означало, что впереди предстояли ожесточенные бои. В Стамбуле и Берлине, вероятно, рассчитывали, что Россия не сможет бросить на Кавказский фронт сколько-нибудь значительные подкрепления.

Сарыкамыш – опорный пункт на дороге в Эрзерум и штаб-квартира в Карсском уезде Карсской области, у восточной подошвы Саганлугского хребта (на территории современной Турции). Именно здесь в конце 1914 – начале 1915 г. развернулись упорные сражения.

Русские войска отбили атаки турок, а 16 (29) декабря отбросили их и перешли в контрнаступление. 20 декабря (2 января) русские войска заняли Бардус, а 22 декабря (4 января) окружили и взяли в плен весь 9-й турецкий корпус. Остатки 10-го корпуса, воспользовавшись некоторыми промахами русских, отступили на исходные позиции. Так Кавказская армия перенесла военные действия на территорию Турции.

Именно в этот тревожный период Кавказский театр военных действий посетил император Николай II.

Известно, что императорский поезд во время войны преодолел с Николаем II около ста тысяч верст. Он неожиданно появлялся в самых отдаленных уголках фронта. Так, например, с 20 ноября по 12 декабря 1914 г. состоялась поездка царя по южным губерниям России и Кавказу. Он, в частности, посетил цитадель Карса и район Сарыкамыша, где лично участвовал в награждении боевыми Георгиевскими крестами отличившихся воинов. По свидетельству последнего дворцового коменданта, генерал-майора В.Н. Воейкова: «Один из солдат, получивший крест, проявил пример высокой честности: он обратился к Государю со словами: “Я, Ваше Императорское Величество, в бою не участвовал”. Государь был страшно удивлен и громко ответил: “Молодец... Наверное, скоро заслужишь крест. Хорошо, что по совести заявил мне”. Крест был солдату оставлен»¹⁰⁶. Вскоре он оправдал доверие императора в ближайшем же сражении.

Император Николай II не представлял себе жизни без армии. Он любил и часто присутствовал на парадах и военных смотрах, что поднимало боевой дух полков. «Кончился смотр... Сколько разговоров среди “молодых” солдат про впечатления этого незабываемого для них дня! Сколько писем разносилось по глухим деревушкам – к старикам родителям, к женам с описанием царского смотра; про царя, царицу, наследника-цесаревича и великих княжон, которых удостоился видеть и слышать их сын или супруг...»¹⁰⁷

Уважение к ратной службе солдата осталось у императора Николая II на всю жизнь. Возможно, этим можно объяснить, что при восшествии на престол он отказался от очередного воинского звания и распорядился снять со своих парадных портретов услужливо нарисованные художниками генеральские погоны, оставшись в своем прежнем чине полковника. Конечно, это не означало, что Николай II не мечтал о славе. Его поступок был искренним, но оказался опрометчивым. Милое, казалось бы, желание остаться после смерти отца в своем прежнем чине полковника противоречило основному закону Российской империи, называющему царя главой армии, чему соответствовал чин генерала. Курьезность положения все отчетливее проявилась позднее, на высоте положения и бегущих лет, когда полковнику пошел уже пятый

¹⁰⁵ Корсун Н. Сарыкамышская операция. М., 1937. С. 30.

¹⁰⁶ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 97.

¹⁰⁷ Буранов Ю.А., Хрусталеv В.М. Убийцы царя. Уничтожение династии. М., 1997. С. 15.

десяток, и все товарищи его по службе давно были произведены в генералы. Император Николай II же по убеждению не мог позволить себе получить генеральский чин русской армии, хотя во время Первой мировой войны в 1915 г. англичане удостоили его фельдмаршальским жезлом своих вооруженных сил.

Однако обратимся к дневнику императора, в котором нашли отражение события, связанные с его поездкой в конце 1914 г. на Кавказ:

«25-го ноября. Вторник.

Проснулся чудным светлым утром. Проезжали новыми для меня местами мимо хребта вдали, дивно освещенного теплым солнцем. Выходил на некоторых станциях и гулял. Во время завтрака увидели Каспийское море у Петровска. В Дербенте и Баладжарах были большие встречи и настоящие кавказские лица. На второй ст. было все начальство из Баку и почет[ный] караул от Каспийской флотской роты...

26-го ноября. Среда.

Встал чудным солнечным утром. Оба хребта гор видны были отчетливо справа и слева. Утром вошел в поезд ген. Мышлаевский, кот. я принял. В 11 час. прибыл в Тифлис. Граф Вор[онцов] был нездоров, и потому графиня встретила на станции с придворными дамами. Почетный караул от Тифлисского воен. уч. и начальство. Поехал с Бенкенд[орфом] в моторе; в одной черкеске было тепло. Народа на улицах была масса. Конвой Наместника сопровождал впереди и сзади. Посетил древний Сионский собор, Ванский армянский собор и Суннитскую и Шиитскую мечети. Там пришлось подыматься и спускаться по крутым узким извилистым улицам старого живописного Тифлиса. Порядок большой. Приехал во дворец после часа. Побывал у графа и позавтракал с графиней, Бенкендорфом, Воейковым, Дмитрием и Павлом Шереметевым. Днем посетил три лазарета с ранеными: армянского благотворительного общ., купеческого общ. и судебного ведомства. Вернулся во дворец около 6 час.

Писал телеграммы. Обедал в том же составе. Около 10 час. вошли с улицы грузины с инструментами и проплясали несколько танцев; один из них принес корзину фрукт.

27-го ноября. Четверг.

Праздник Нижегородского полка провел в Тифлисе, а полк проводит его в Польше! В 10 час. начался большой прием военных, гражданских чинов, дворянства, городской думы, купечества и депутации крестьян Тифлисской губ. Погулял в красивом саду 1/4 часа. Принял двух раненых офицеров – нижегородцев и подп. кн. Туманова 4-го стр. И[мператорской] Ф[амилии] полка. После завтрака посетил больницу Арамянца – 180 раненых и лазарет в зданиях не открытой губ. тюрьмы – свыше 600 раненых. Вернулся после 6 час., и пил чай, и сидел с Воронцовыми. После обеда воспитанники гимназий прошли с фонарями и пропели гимн перед окнами дворца. Вечером читал бумаги...

30-го ноября. Воскресенье.

В 9.40 прибыл в Карс. Морозу было 4°, тихо, но, к сожалению, туман. На станции начальство и отличный поч. кар. 1-я рота нового 10-го Кавказского стрелкового полка. На улицах шпал[ерами] 3-я Кавк. стр. бригада, Карская креп. арт. и запасные батальоны. Был у обедни в креп. соборе; служил добрый экзарх. Завтракал в поезде. Затем выехал с Бенкендорфом осматривать крепость.

Посетил военный лазарет – немного раненых. Поехал на форты: Бучкиев, Рыдзовский и новый Южный, на противоположной стороне. Очень основательно и много сделано за время; но туман совершенно не давал возможности ориентироваться и видеть окружающую местность. Возвратился в поезд с наступлением сумерек...

1-го декабря. Понедельник.

Самый знаменательный для меня день из всей поездки по Кавказу. В 9 час. прибыл в Сарыкамыш. Радость большая увидеть мою роту Кабардинского полка в поч. кар. Сел в мотор с Бенкендорфом, Воейковым и Саблиным (деж.) и поехал в церковь, а затем через два пере-

вала на границу в с. Меджингерг. Тут были построены наиболее отличившиеся ниж. чины всей армии в числе 1200 чел. Обходил их, разговаривал и раздавал им Георгиевские кресты и медали. Самое сильное впечатление своим боевым видом произвели пластуны! Совсем старые рисунки кавказской войны Хоршельта. Вернулся в Сарыкамыш в 4 ч. и посетил три лазарета. Простился с ген. Мышлаевским, нач. штаба ген. Юденичем, другими лицами и с моей чудной Кабардинской ротой, в которой роздал 10 Георг. крестов; и в 4 1/2 часа уехал обратно на Карс. Поезд шел плавно и тихо. ...»¹⁰⁸

Любопытно отметить, что в дневнике великого князя Андрея Владимировича, который приходился царю кузеном (служил при штабе генерала Рузского) и в силу своего положения был в курсе многочисленных слухов высшего света, имеется запись от 17 января 1915 г., где отмечаются обстоятельства упомянутой нами поездки императора на Кавказ:

«В 11 часов утра я поехал в замок отдать визит кн. Енгальчеву. Мы снова разговорились. «Я сегодня получил зашифрованную телеграмму из Ставки, – говорит мне кн. Енгальчев, – и вопрос о польских легионах решен в том духе, как я Вам вчера говорил. Ну, слава Богу, с этим теперь покончили...»

А вот на Кавказе – дела творятся. Прямо чудеса что такое. Бедный гр. Воронцов так рамолен, что перед приездом Государя ему впрыснули камфору, и он мог три минуты говорить с Государем. После чего впал снова в полный рамолимент. Он и доклады больше не принимает. Графиня к нему никого не пускает, принимает лично все доклады и управляет всем Кавказом лично, как гражданской частью, так и военной. Вообразите, что даже штаба армии нет. Нет командующего, ничего нет. И это прямо чудом генерал Юденич спас положение. Так нельзя это было оставить.

Теперь туда послан Сашка Воронцов. Мы его одели кавказцем и поручили (я вел с ним эти переговоры), чтоб он убедил своего отца поручить Мышлаевскому командование армией и сформировал бы ему штаб, а он пусть остается главнокомандующим. Сашка был у верховного и теперь уехал на Кавказ».

На это я рассказал Енгальчеву то, что мне говорил генерал Гулевич про тот же Кавказ.

Государь был на Кавказе. Я лично уже слышал от Государя (ему Воронцов докладывал, что наступление турок нельзя ожидать раньше февраля-марта, когда снега стают. Потом Государь был в Сарыкамыше и только успел доехать обратно до Ставки, как была получена телеграмма, что Сарыкамыш уже окружен турками). Как теперь оказалось, именно в то время, когда Государю докладывали, что турки будут наступать не раньше февраля-марта, два их корпуса уже обходили нас справа, а в то время, когда Государь был в Сарыкамыше, авангард турок показался уже на горах и курды, по сведениям пленных, даже хотели обстрелять царский поезд, но никак не ожидали, что он так скромно выглядит. Через два дня после отъезда Государя Сарыкамыш был занят. Из этого видно, в какой опасности Государь был благодаря беспечности и халатности штаба кавказского наместника.

Самое же дело под Сарыкамышем произошло следующим образом. Город этот лежит на единственной железной дороге в тылу нашей армии, и с его захватом тыл был окончательно отрезан. Когда еще только обозначилось наступление турок в армию (там всего было 1 3/4 корпуса), были посланы Мышлаевский и Юденич. Они ехали на моторе. Но уже Сарыкамыш был обложен со всех сторон, и проехать нельзя было. Мышлаевский повернул мотор и поехал прямо в Тифлис, заявив, что смертельно заболел, и слег там в постель. Юденич же как-то прорвался мимо Сарыкамыш, добрался до армии и, как уже известно, разбил турок наголову. Узнав о блестящей победе, Мышлаевский выздоровел и требует себе Георгиевский орден.

В это же время дежурный генерал штаба наместника генерал Веселовзоров послал всем министрам и многим другим лицам телеграммы с извещением, что турки под стенами

¹⁰⁸ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 499–501.

Тифлиса, что Кавказ будет завоеван турками, положение безнадежное и что необходимо при-
слать немедленно два корпуса. Верховный главнокомандующий, когда узнал об этом, потребо-
вал увольнения генерала Веселовзорова, но граф Воронцов умолял Верховного главнокоман-
дующего его оставить как единственного его помощника и без него он ничего не сможет. Как
оказалось, генерал Веселовзоров – личный друг графини, и это она пустила за его подписью
эти телеграммы и она же опять именем графа Воронцова упростила его не убирать.

На этом мой разговор с кн. Енгальчевым кончился, и я уехал. В приемной он мне пред-
ставил своего помощника сенатора Любимова, жандармского генерала и других лиц»¹⁰⁹.

Позднее последний дворцовый комендант, генерал-майор В.Н. Воейков, который нахо-
дился в Свите императора и отвечал за его безопасность, признавался в своих эмигрантских
мемуарах:

«Возвратившись из Меджингерта в Сарыкамыш, я через несколько времени узнал, какую
сделал оплошность, приняв на веру ручательство за безопасность посещения Государем пере-
довых войск в Сарыкамышском направлении; оказалось, что штаб турецкой армии, с Энвер-
пашою во главе, находился на высотах – так близко от ущелья, по которому пролегал путь Его
Величества, что направление следования было видно с турецких аванпостов. Благополучный
исход этого выезда можно приписать только счастливой случайности, так как туркам в голову
не могло прийти, что в одном из появившихся на дороге автомобилей следовал Русский Белый
Царь. Кроме того, как потом узналось со слов пленных, вблизи шоссе скрывались в дикой
гористой местности курды и турецкие передовые части, производившие, при участии герман-
ских офицеров, рекогносцировку местности на путях к Сарыкамышу.

Когда Государь, покидая Меджингерт, сел в автомобиль, генералы, офицеры и казаки
кинулись провожать Его Величество, поднялась дикая скачка по сторонам царского пути, про-
лежавшего по каменистому неровному грунту. Проявление теплых чувств к Его Величеству со
стороны народонаселения Кавказа сразу парализовало мечты турок о том, что мусульманское
население станет на сторону нашего врага и что в горных областях начнутся волнения, мятежи,
беспорядки»¹¹⁰.

Однако вернемся к документальным фактам. 6 января 1915 г. французский посол в Рос-
сии Морис Палеолог записал в своем дневнике: «Русские нанесли поражение туркам вблизи
Сарыкамыш, на дороге из Карса в Эрзурум. Этот успех тем более похвален, что наступление
наших союзников началось в гористой стране, такой же возвышенной, как Альпы, изрезанной
пропастями и перевалами. Там ужасный холод, постоянные снежные бури. К тому же – ника-
ких дорог и весь край опустошен. Кавказская армия русских совершает там каждый день изу-
мительные подвиги»¹¹¹.

Союзица Российской империи Великобритания в 1914 г. на ближневосточном театре
войны только разворачивала боевые действия против Турции. В Месопотамии (Ирак) англи-
чане захватили порт Басру и город Эль-Курна. Турция в свою очередь захватила Синайский
полуостров, и ее войска начали продвижение к Суэцкому каналу, угрожая вторжением на тер-
риторию английского колониального Египта.

Император Николай II продолжал пристально следить за боевыми действиями на Кав-
казе. 7 января 1915 г. он записал в своем дневнике: «По донесениям графа Воронцова видно,
что преследование остатков разбитых турецких корпусов закончилось; они все прогнаны
далеко за границу. Так окончилось знаменитое движение внутрь наших пределов армии под
командою, мнящего себя Наполеоном, Энвер-паши!»¹¹²

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 650. Оп. 1. Д. 30. Л. 75, 79–81.

¹¹⁰ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая
II. М., 1995. С. 97.

¹¹¹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 8.

¹¹² Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 508.

Саракамышская операция окончилась почти полным поражением 3-й турецкой армии. К началу 1915 г. в ней насчитывалось всего 12 400 человек. Она потеряла 90 тысяч человек, в том числе 30 тысяч замерзшими в горах, и свыше 60 орудий. Фактически от этого сокрушительного поражения 3-я турецкая армия так и не смогла оправиться до конца войны, несмотря на систематическое ее пополнение.

Большие потери понесла и русская Кавказская армия, потеряв более 20 000 человек убитыми, ранеными и обмороженными. Чувствительный урон был понесен в офицерском составе.

Кампания 1915 г. в Великой мировой войне показала, что Русский фронт становился главным. Он притягивал основные силы коалиции Центральных держав. Против России на Восточном фронте со стороны немцев и австрийцев в сентябре действовало 116 пехотных и 24 кавалерийских дивизий. В это же время против французской и английской армий на Западном фронте воевало 90 германских дивизий. Несмотря на это, Российская империя сумела вынести на своих плечах главный удар неприятельских армий в 1915 г., хотя вынуждена была оставить ряд позиций в Польше, Литве и Галиции.

Неудачи на фронте многие пытались объяснить сначала нехваткой снарядов и военных припасов, затем вмешательством правительства и политиков в дела Ставки, повальной шпиономанией. Страна переживала кризис. Все чаще циркулировали слухи о возможном дворцовом перевороте и участии в нем великого князя Николая Николаевича. По воспоминаниям жандармского генерала А.И. Спиридовича:

«Петербург (*правильно Петроград*. – В.Х.) кипел. Непрекращающееся отступление в Галиции и слухи о больших потерях породили всплеск ругани и сплетни. Говорили, что на фронте не хватает оружия и снарядов, за что бранили Сухомлинова и Главное артиллерийское управление во главе с великим князем Сергеем Михайловичем. Бранили генералов, бранили Ставку, а в ней больше всего Янушкевича. Бранили бюрократию и особенно министров Маклакова и Щегловитова, которых уже никак нельзя было обвинить в неудачах в Галиции.

С бюрократии переходили на немцев, на повсеместный шпионаж, а затем все вместе валили на Распутина, а через него уже обвиняли во всем императрицу. Она, бедная, являлась козлом отпущения за все. В высших кругах кто-то пустил сплетню о сепаратном мире. Кто хочет, где хотят – не говорилось, но намеками указывалось на Царское Село, на двор. А там никому и в голову не приходило думать о таком мире. Там витала лишь одна мысль – биться и биться до полной победы»¹¹³.

Отступление русских армий в 1915 г. породило волну шпиономании. В частности, бывший жандармский полковник С.Н. Мясоедов (1865–1915), служивший переводчиком при штабе в 10-й армии, был обвинен в шпионаже и казнен по приговору военно-полевого суда, хотя вина не была доказана. Военный министр В.А. Сухомлинов 13 июня 1915 г. был уволен от должности. Он был обвинен в ряде должностных преступлений, вплоть до государственной измены. Дело министра Сухомлинова по обвинению в государственном преступлении было передано 15 июля 1915 г. на расследование специальной Чрезвычайной следственной комиссии. Находясь под следствием (с 20 апреля по 11 октября 1916), он содержался в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, но за недостаточностью улик со стороны обвинения был в октябре освобожден и переведен под домашний арест. В дни Февральской революции он был вновь арестован, а 1 марта 1917 года заключен в Петропавловскую крепость (в Трубецкой бастион, камера № 55). В апреле он был предан суду и 13 сентября осужден за слабую подготовку армии к войне (т.к. обвинение в измене не подтвердилось) и преступления по должности к бессрочной каторге с лишением всех прав состояния. Его жена (привлекалась в качестве соучастницы) была оправдана вердиктом присяжных заседателей. Бессрочная каторга В.А. Сухомлинову была заменена тюремным заключением в крепость. После Октябрьской револю-

¹¹³ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 118–119.

ции 16 февраля 1918 г. переведен из Трубецкого бастиона в тюрьму «Кресты». Амнистирован большевиками по возрасту (достиг 70 лет) и состоянию здоровья 1 мая 1918 г. Изменниками оппозиционеры называли не только Г.Е. Распутина, А.А. Вырубову, Б.В. Штюмерера и др., но и императрицу Александру Федоровну.

Обстановка в стране подтолкнула большинство фракций в Государственной Думе и Государственном совете объединиться в августе 1915 г. в «Прогрессивный блок». Вне блока оставались только крайние правые и меньшевики. «Прогрессивный блок» выступал с критикой царского правительства за неспособность обеспечить победу в Первой мировой войне и выдвигал программу ограниченных либерально-демократических реформ. Главным требованием «блока» являлось создание «министерства доверия» во главе с одним из министров, готовым сотрудничать с Государственной Думой. Требование оставалось в рамках закона о Думе 1906 г.

Особенно было встречено «в штыки» известие о намерении императора Николая II взять на себя бремя Верховного главнокомандующего. Так, например, вдовствующая императрица Мария Федоровна категорически отвергала эту идею. В ее дневнике имеется запись за 12 (25) августа 1915 г.: «Ники пришел со всеми 4-мя девочками. Он сам начал говорить о том, что хочет принять на себя высшее командование вместо Николая [Николаевича]. Я была в таком ужасе, что со мной едва не случился удар. Я высказала ему все. Я настаивала на том, что это будет крупнейшей ошибкой! Я умоляла его этого не делать. В особенности теперь, когда наше положение на фронте такое серьезное. Я добавила, что если он так поступит, то все усмотрят в этом приказ Распутина. Мне кажется, что это произвело на него впечатление, потому что он сильно покраснел! Он не понимает, как это опасно и какое несчастье это может принести нам и всей стране»¹¹⁴.

Стоит отметить, что председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, прослышав об этой новости, еще 12 июля 1915 г. направил письмо императору Николаю II с призывом не принимать на себя Верховное командование действующими армиями¹¹⁵.

Однако Государь не отказался от этой идеи. На закрытом заседании Совета министров 6 августа 1915 г. было объявлено о решении Николая II лично возглавить армию в столь ответственный и критический момент, переживаемый Россией. Оппозиция, предвидя, что такой шаг императора осложнит ей политическую борьбу и критику хода военной кампании, насторожилась. Ряд министров тоже пытались убедить Николая II не брать на себя ответственность за обстановку на фронте, утверждая, что это все усложнит управление государственными делами. В коллективном письме ряда министров к царю прямо указывалось, что его отъезд в Ставку «грозит по нашему крайнему разумению России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями»¹¹⁶.

Председатель Совета министров И.Л. Горемыкин предостерегал своих коллег, что любая попытка переубедить императора в своем решении не будет иметь успеха. Его речь не достигла своей цели, но она дает объяснение позиции Николая II: «Сейчас же, когда на фронте почти катастрофа, Его Величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть. При таких чисто мистических настроениях вы никакими доводами не уговорите Государя отказаться от задуманного им шага. Повторяю, в данном решении не играют никакой роли ни интриги, ни чьи-нибудь влияния. Оно подсказано сознанием царского долга перед Родиной и перед измученной армией. Я так же, как и военный министр, прилагал все усилия, чтобы удержать Его Величество от окончательного решения и просил его отложить до более благоприятной обстановки. Я тоже нахожу принятие Государем командования весьма рискованным шагом, могущим иметь тяжелые последствия, но он,

---

¹¹⁴ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920, 1923 гг.). М., 2005. С. 89.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 616. Л. 1–3.

¹¹⁶ Там же. Л. 1–2.

отлично понимая этот риск, тем не менее не хочет отказаться от своей мысли о царском долге. Остается склониться перед волей нашего царя и помочь ему»¹¹⁷.

Напомним, что Государь еще в самом начале Первой мировой войны на совещании Совета министров, состоявшемся 19 июля (1 августа) 1914 г. в Петергофе, ставил вопрос чтобы самому возглавить армию, но не получил тогда поддержки присутствующих.

Императору были известны настроения в Ставке. До его сведения давно доходили слухи, что великий князь Николай Николаевич говорит многие недозволительные вещи, как, например, что императрицу Александру Федоровну «надо заточить в монастырь». Однако можно предположить, что император знал о многих «тайных делах» Николая Николаевича и это сыграло также определенную роль в его смещении с поста Верховного главнокомандующего. Когда министр Императорского двора граф В.Б. Фредерикс начал было заступаться за великого князя перед Николаем II, то тот, хлопая рукой по папке, резко ответил: «Здесь накопилось достаточно документов против великого князя Николая Николаевича. Пора покончить с этим вопросом». Столь ответственный шаг Николая II – лично возглавить армию – насторожил не только представителей оппозиции, но и монархистов. Оппозиция предвидела, что такой шаг императора, с одной стороны, осложнит ей критику хода военной кампании и политическую борьбу за власть, а с другой, при победоносном окончании войны едва ли удастся добиться уступок в управлении государством. Сторонники монархии опасались, что неудачи на фронте будут непосредственно отражаться на популярности императора. Однако решение Николая II осталось непоколебимым.

В самой Ставке в Могилеве шла также невидимая борьба. Так, например, даже за два дня до своей смены великий князь Николай Николаевич пытался, по свидетельству протопресвитера Российской армии и флота отца Георгия Шавельского, повлиять на ситуацию:

«Когда я вошел к великому князю, у него уже сидел генерал Алексеев. Великий князь сразу же обратился к нам:

– Я хочу ввести вас в курс происходящего. Ты, Михаил Васильевич, должен знать это как начальник Штаба; от [тца] Георгия у меня нет секретов. Решение Государя стать во главе действующей армии для меня не ново. Еще задолго до этой войны, в мирное время, он несколько раз высказывал, что его желание, в случае Великой войны, стать во главе своих войск. Его увлекала военная слава. Императрица, очень честолюбивая и ревнивая к славе своего мужа, всячески поддерживала и укрепляла его в этом намерении. Когда началась война... он назначил меня Верховным. Как вы знаете оба, я пальцем не двинул для своей популярности, она росла помимо моей воли и желания, росла и в войсках, и в народе. Это беспокоило, волновало и злило императрицу, которая все больше опасалась, что моя слава, если можно так назвать народную любовь ко мне, затмит славу ее мужа... Увольнение мое произвело самое тяжелое впечатление и на членов императорской фамилии, и на Совет министров, и на общество... Конечно, к должности, которую он принимает на себя, он совершенно не подготовлен. Теперь я хочу предупредить вас, чтобы вы, со своей стороны, не смели предпринимать никаких шагов в мою пользу... Иное дело, если Государь сам начнет речь, тогда ты, Михаил Васильевич, скажи то, что подсказывает тебе совесть. Так же и вы, о. Георгий»¹¹⁸.

Все упорнее ходили слухи о возможном дворцовом перевороте. Об этих разговорах свидетельствовал начальник канцелярии Министерства императорского двора, генерал А.А. Мосолов: «Думали, что переворот приведет к диктатуре Николая Николаевича, а при успешном переломе в военных действиях – и к его восшествию на престол. Переворот считался еще

¹¹⁷ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 559; Алферов Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 105; Криворотов В. На страшном пути до Уральской Голгофы. М., 1993. С. 32.

¹¹⁸ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996. С. 312–314.

возможным ввиду распрей в Императорской фамилии и, главное, ввиду популярности великого князя в армии.

Об этих настроениях знали полиция и контрразведка. Не знать о них, конечно, не мог и Государь. Попали ли тогда в его руки какие-либо конкретные доказательства, положительно не знаю, но в переписке императрицы все время звучит нотка опасения пред влиянием великого князя на фронте, в польских кругах и т. д.

Слухи о перевороте упорно держались в высшем обществе: о них чем дальше, тем откровеннее говорили. Имел ли к таким слухам какое-либо отношение Николай Николаевич? Не думаю. Со временем отъезда великого князя на Кавказ это просто стало невероятным»¹¹⁹.

В популярной книге советских времен М.К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» приводится версия, что великий князь Николай Николаевич стал жертвой интриг Григория Распутина. По словам Касвинова, так и не успел Николай Николаевич осуществить свою заветную мечту: «Буде Григорий Ефимович (Распутин) мелькнет в Ставке или хотя бы где-нибудь во фронтовой полосе, повесить его на первом же суку с последующими извинениями перед царской четой за недоразумение, объяснимое условиями военного времени»¹²⁰.

Николай II, прибыв в Ставку в Могилев, отдал следующий приказ:

«Приказ Армии и Флоту 23-го августа 1915 года.

Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий.

С твердой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

*Николай»*¹²¹.

Начальник канцелярии Министерства Императорского Двора генерал А.А. Мосолов так комментировал эти события: «Государь полагал, что он один мог сменить великого князя благодаря своему знанию командного состава армии. Этим избегалась обычная ломка ее организации. Заменой же Янушкевича Алексеевым царь надеялся придать иной ход военным действиям.

С политической точки зрения Государь считал удаление Николая Николаевича на Кавказ желательным. Оппозиционные элементы, памятуя ту роль, которую великий князь сыграл перед 17 октября [1905 года], поддерживая Витте, старались использовать его имя для своих целей, хотя с тех пор Его Высочество давно перешел в лагерь самых ярых reactionеров.

Итак, постепенно создалось расхождение между Ставкой и монархом. При замкнутости характера царя мало кто это замечал. Проявилось оно, когда царь высказал сперва Фредериксу, а затем и другим своим близким созревающее у него решение принять на себя Верховное командование. Граф сразу высказался против этого намерения по политическим причинам. Но не все окружение царя последовало примеру министра двора. Главную же сторонницу этого решения была императрица. Она уже делила людей на черных и белых душою, а вокруг Николая Николаевича ей чудились черные.

Несмотря на единодушный совет всех членов правительства, перемена состоялась.

Решение стоило царю дорого. Сочувствия и понимания он нашел мало, но веление долга, как он его понимал, Николай II исполнил»¹²².

Стоит отметить, что этим решительным шагом император возложил на себя всю ответственность за положение на фронтах и в действующей армии. Тем самым был положен конец распрям во взаимных обвинениях генералов друг друга и правительства за неудачи в военных

¹¹⁹ Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 89.

¹²⁰ Дом Романовых. СПб., 1992. С. 105; Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1987. С. 268.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2477. Л. 1.

¹²² Мосолов А.А. При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 88.

действиях и плохом снабжении фронта боеприпасами. Перед монархом не поспоришь. Оппозиции также пришлось на какое-то время поубавить пыл в критике всего и вся, добиваясь своего участия в государственном аппарате управления великой державой.

Вскоре Николай II с волнением сообщал супруге: «Благодарение Богу, все прошло и вот я опять с этой новой ответственностью на моих плечах. Но да исполнится воля Божия! Яиспытываю такое спокойствие, как после Святого причастия... Начинается новая чистая страница, и что на ней будет написано, один Бог Всемогущ ведает!

Я подписал мой первый приказ и прибавил несколько слов довольно-таки дрожавшей рукой!...»¹²³

Этот акт вдохновил армию и был причиной резкого изменения положения на фронте после смены Верховного командования. Начальником штаба Ставки был назначен генерал М.В. Алексеев, которому Николай II отдал предпочтение как опытному и трудолюбивому штабному работнику. Государь своим всегда спокойным и уравновешенным отношением к подчиненным и к событиям на фронте вселил веру в свои силы начальника штаба и помог ему проявить свои способности как незаурядного стратега. Позитивные перемены в Ставке и в действующей армии отмечали многие современники. Великий князь Андрей Владимирович писал в дневнике: «Смена штаба вызвала общее облегчение в обществе. В итоге все пришло вполне благополучно. В армии даже все это вызвало взрыв общего энтузиазма и радости. Вера в своего царя и в Благодать Божию над ним создала благоприятную атмосферу»¹²⁴.

Через некоторое время новое свидетельство великого князя в дневнике: «Как неузнаваем штаб теперь. Прежде была нервность, известный страх. Теперь все успокоилось. И ежели была бы паника, то Государь одним своим присутствием вносит такое спокойствие, столько уверенности, что паники быть уже не может. Он со всеми говорит, всех обласкает; для каждого у него есть доброе слово. Подбодрились все и уверовали в конечный успех больше прежнего»¹²⁵.

Великий князь Николай Николаевич был смещен с поста Верховного главнокомандующего русской армии и назначен командующим Кавказской армией и наместником царя на Кавказе (23 августа 1915 – 1 марта 1917). Это очень расстроило великого князя. О нем как о Главнокомандующем бытовали самые противоречивые мнения. Одни считали его достойным полководцем, другие начисто отрицали в нем этот дар. Во многом ему мешала некоторая суетливость, неумение довести начатое до конца – то, что в узких кругах называлось «ольденбургской истерией». Он с горечью отправился на Кавказский фронт. Одновременно великий князь стал наказным атаманом Кавказского казачьего войска. Во время Февральской революции Николай Николаевич 2 марта 1917 г. прислал императору Николаю II телеграмму с «коленнопреклонной» просьбой, поддерживающую требование М.В. Родзянко и командующих фронтами отречься от престола. Вот ее содержание: «Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддерживать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверх меры. Я как верноподданный считаю, по долгу присяги, необходимым коленнопреклонно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте Ему – Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить Вас. Генерал-адъютант *Николай*». При подписании манифеста об отречении Николай II утвердил указ о передаче великому князю Николаю Николаевичу Верховного главнокомандования русской армией.

¹²³ Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 199.

¹²⁴ Дневник б. великого князя Андрея Владимировича. 1915 год. Л., 1925. С. 80.

¹²⁵ Там же. С. 107.

Поступок императора Николая II в 1915 г., как показали события, оказался оправданным на тот момент: фронт вскоре стабилизировался, улучшилось снабжение армий и т.д. Оппозиция была лишена возможности, как прежде, открыто критиковать дела на фронте и в армии. Вынуждены были промышленники, фабриканты и предприниматели более ответственно выполнять заказы и поставки для военных нужд, т.к. в противном случае им грозили более жесткие санкции. Позитивные сдвиги вынуждены были признать многие противники этого судьбоносного решения царя. Жандармский генерал А.И. Спиридович свидетельствовал:

«После отъезда великого князя (*Николая Николаевича*. – В.Х.) стало как-то легче. Как будто разрядилась гроза. Кто знал истинный смысл совершившегося, крестились. Был предупрежден государственный переворот, предотвращена государственная катастрофа». Он также далее отмечал: «Принятие Государем верховного командования было принято на фронте хорошо. Большинство высших начальников и все великие князья (не считая Петра Николаевича, брата ушедшего) были рады происшедшей перемене. Исторические предсказания изнервничавшихся министров не оправдались»¹²⁶.

Из воспоминаний протопресвитера русской армии и флота Г.И. Шавельского: «С переездом Государя очень изменились и лицо Ставки, и строй ее жизни. Из великокняжеской Ставка превратилась в царскую. Явилось много новых людей, ибо Государь приехал с большой Свитой. Лица, составлявшие Свиту Государя в Ставке, делились на две категории: одни всегда находились при Государе, другие периодически появлялись в Ставке. К первой категории принадлежали: адмирал Нилов; Свиты Его Величества генерал-майоры: В.И. Воейков, князь В.А. Долгоруков, гр. А.Н. Граббе, флигель-адъютанты, полковники: Дрентельн и Нарышкин, лейб-хирург С.П. Федоров. Министр двора, гр. Фредерикс жил то в Петрограде, то в Ставке. Флигель-адъютанты: полковники, гр. Шереметьев и Мордвинов, капитаны 1-го ранга Н.П. Саблин и Ден чередовались службой. Несколько раз дежурил в Ставке флигель-адъютанты: полковники Свечин и Силаев, а также князь Игорь Константинович. Осенью 1916 г. некоторое время дежурил великий князь Дмитрий Павлович. Раза два на неопределенное время появлялся в Ставке обер-гофмаршал гр. Бенкендорф.

Из великих князей в Ставке находились: Сергей Михайлович, бывший начальник артиллерийского управления, состоявший в распоряжении Государя. Особый поезд на вокзале занимал Борис Владимирович, наказной атаман всех казачьих войск. Часто в Ставке Александр Михайлович, заведовавший авиационным делом; реже Верховный начальник Санитарной части принц А.П. Ольденбургский. Не знаю, в качестве какого чина, но почти всегда находился в Ставке Кирилл Владимирович, а в ноябре 1916 г. появился и Павел Александрович. Великий князь Михаил Александрович все время находился на фронте»¹²⁷.

Однако были и другие, часто противоположные мнения. Генерал А.А. Брусилов об этих событиях писал следующее: «Во время летнего наступления 1915 г. на наши Северо-Западный и Западный фронты наши армии отступали чрезвычайно быстро, уступая противнику громадное пространство нашего отечества; насколько я могу судить по доходившим до меня в то время сведениям, во многих случаях это происходило без достаточного основания.

Вскоре после этих горестных событий было обнаружено, что Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич смещен и назначен кавказским наместником, а должность Верховного главнокомандующего возложил на себя сам Государь. Впечатление в войсках от этой замены было самое тяжелое, можно сказать удручающее. Вся армия, да и вся Россия, безусловно, верила Николаю Николаевичу. Конечно, у него были недочеты, и даже значительные, но они с лихвой покрывались его достоинствами как полководца. Подготовка к этой мировой войне была неудовлетворительна, но тут вел. кн. Николай Николаевич реши-

¹²⁶ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Минск, 2004. С. 174.

¹²⁷ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996. С. 328–330.

тельно был ни при чем, в особенности же в недостатке огнестрельных припасов войска винили не его, а военное министерство и вообще тыловое начальство. Во всяком случае, даже при необходимости сместить вел. кн. Николая Николаевича, чего в данном случае не было, никому в голову не приходило, что царь возьмет на себя при данной тяжелой обстановке обязанности Верховного главнокомандующего. Было общеизвестно, что Николай II в военном деле решительно ничего не понимал и что взятое им на себя звание будет только номинальным, а за него все должен будет решать его начальник штаба»¹²⁸.

Российский император Николай II получил 18 декабря 1915 г. от союзников фельдмаршальский жезл и звание фельдмаршала английской армии. Чуть ранее он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (25 октября 1915). Положение на фронте стабилизировалось, улучшилось снабжение армии. Большую часть времени император находился в Ставке (в Могилеве), что в какой-то степени затрудняло непосредственное управление державой. Министры вынуждены были для экстренных решений неотложных проблем являться к императору в Могилев.

Тем временем в армии и обществе росло недовольство возросшим влиянием императрицы Александры Федоровны на государственные дела и приближением Г.Е. Распутина к Императорскому Двору.

Заметим, что к этому времени стала очевидной политическая расстановка сил в стране. Обнаружились разногласия «государственных мужей» с императором о его роли во время войны, а также стремление ряда министров, вопреки воле Николая II, найти опору в сотрудничестве с «Прогрессивным блоком». В результате образовался государственный кризис. 3 сентября 1915 г. Дума была распущена до следующей сессии, и вопрос о «министерстве доверия» ликвидировался. Вопрос, который мог бы быть безболезненно решен, перерос в затяжной кризис власти. Истоки кризиса лежали в неудачах на фронте, что породило надежды оппозиции на изменение государственного курса и вхождение ее представителей в состав нового правительства. Николай II вновь стоял перед дилеммой, как в 1905 г.: «Или сильная военная диктатура... или примирение с общественностью».

Однако в памяти Николая II еще свежи были уроки грозного 1905 г., когда наказ его отца Александра III о сохранении в неприкосновенности устоев самодержавия был нарушен. И в те дни было много противоречивых советов, как спасти «больную» Россию: от рецепта дяди царя, великого князя Владимира Александровича: «Лучшее лекарство от народных бедствий – это повесить сотню бунтовщиков», – до уступок оппозиции и провозглашения конституции. Тогда пришлось пойти на компромисс и таким образом спасти положение, но в душе Николая II все протестовало, когда решения навязывались помимо его воли.

Неудачи на фронтах Первой мировой войны не только ухудшили экономическое, но и обострили политическое положение в стране. Требуя реформ, активизировалась оппозиция в лице либеральной буржуазии и общественности. Представители оппозиции все настойчивее требовали политических уступок от самодержавия. «Нельзя же в самом деле требовать от страны бесконечных жертв и в то же время ни на грош с ней не считаться, – утверждал один из членов Прогрессивного блока В.В. Шульгин. – Можно не считаться, когда побеждаешь: победителей не судят. Но побежденных судят... За поражения надо платить. Чем? Той валютой, которая принимается в уплату. Надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы кажущейся, хотя бы временной»¹²⁹.

О взглядах интеллигенции на политическую ситуацию в стране можно судить по поденным записям этого времени известного писателя М.М. Пришвина:

¹²⁸ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 144–145.

¹²⁹ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 125.

«5 сентября. Вчера получены газеты от 3 сентября с объявленным решением правительства распустить Думу, но еще нет известий самого роспуска, о самом роспуске знает Василий (телячий дух):

– Что же это такое, правду сказали, а ее распустили; не надо правды!

Вот когда, наконец, подступил “внутренний немец” к нашему внутреннему фронту. Теперь уже ясно каждому видно, что их византийские одежды, только одежды, показывают немецкую нашу внутреннюю душу. Возмущение, впрочем, происходит от сохранившейся надежды на покой, что, мол, все как-нибудь обойдется так, постепенно. Как только эта надежда разбивается до конца, это, хотя и не видно отсюда горизонта, дело будущего становится виднее.

Беженцы, проникающие во все поры жизни нашего города, мне представляются ветвистыми корнями какого-то растения.

Целые поколения нашей интеллигенции воспитывались на народе, мужике не требовательном, смиренном рабе Божиим:

Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Так чувствует себя у нас всякий, нисходя до помощи к народному страданию. А вот являются беженцы и заявляют свои права, совсем не похожие на наше смирение. Не хотят работать <...>

Беженцы наводят на такие мысли... но обратные тем, фронтовым: там ощущение врага создает какую-то дымовую завесу на трудящийся народ, здесь создается завеса на фронт враждующих народов, и ясно до очевидности, что их интересы противоположны государственным. Возле беженцев – социальное дело, на фронте – государственное. Чем больше этих бегущих мирных людей, чем дальше в глубь война, тем ближе мир.

Мне хотелось подарить знакомым маленькую пальму, захожу в большой цветочный магазин, теперь почти пустой (цветы получали из Бельгии), – всего две пальмы, одна большая в 60 рублей, другая маленькая, в четыре рубля. Я ворчу, а хозяин говорит: теперь время такое, что сахар дарят, а вы покупаете пальму. Я послушал совета и в следующую мою поездку в Петербург привез из деревни голову сахара, и был настоящий фурор у знакомых: целую голову, да где же я достал ее, вот чудо-то!

Появились женщины-кондукторы на трамваях в полной форме, а на голове платочки. Появились на железных дорогах женщины в погонах. Женскому делу предстоит в близком времени большое поприще.

Опять Распутин! Все говорят, будто он Думу распустил. Государь уже решил было поручить Кривошеину организовать из общественных деятелей министерство, как вдруг переменил решение и назначил Горемыкина. Это будто бы Распутин отговорил. Опасаются, что он теперь в Ставке и не подкуплен ли немцами, не сговорит ли царя к сепаратному миру. Вспомнишь только, что слышал за одну неделю здесь – и ужаснешься жизни петербургского человека: в неделю на месяц постареешь...

Встречаемся с Разумником, не видели всего неделю друг друга, и сколько есть о чем поговорить, сколько воды утекло за эту неделю, будто часовая пружина сорвалась и с безумной скоростью затикали часы. Не будь привычки хвататься за старое – как бы мог жить теперь человек! <...>

Левые негодуют на кадетов: это Милюков будто создает спокойствие в расчете: правительство в ходе войны все равно уступит власть, так что беспокоиться нечего...»¹³⁰

---

¹³⁰ Пришвин М.М. Дневники. 1914–1917. СПб., 2007. С. 218–219, 221–222.

Теперь один за другим были уволены в отставку министры, пользовавшиеся симпатиями «Прогрессивного блока». С отъездом императора в Ставку усилилась министерская чехарда, в которой судьба того или иного претендента на власть все в большей степени зависела и от Александры Федоровны (не без некоторого влияния Г.Е. Распутина). «В своем политическом веровании, – как отмечал граф В.Н. Коковцов, – императрица была гораздо более абсолютна, нежели Государь»¹³¹.

Государыня Александра Федоровна мечтала вырастить сына, увидеть его на престоле могучей империи. «Мы должны оставить Бэби спокойное и великое царствование», – писала она мужу в годы Первой мировой войны. Материнский инстинкт заставлял ее противодействовать всему тому, что подрывало власть монарха, приближало страну к грядущей катастрофе, упорно искать выход из политического тупика. Она оказалась на передней линии огня оппозиции в полной изоляции, непонятая и нелюбимая всеми, кроме собственного мужа и детей. Неудовольствие «Прогрессивного блока» и политической оппозиции особенно усилилось в наступившем 1916 г.

---

¹³¹ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992. С. 290.

Хроника событий 1916 года

Новый 1916 год Государь и Государыня встретили в разлуке. Императрица Александра Федоровна в письме № 416 от 1 января 1916 г. к супругу, которые она номеровала во время войны, писала как обычно на английском языке в Ставку:

«Мой родной и любимый ангел!

Наступил Новый Год, и к тебе обращены первые слова, выходящие в этом году из-под моего пера. Шлю тебе мои наилучшие пожелания и беспредельную любовь. У нас был молебен в другой половине дома в 10 1/2 часов; затем я отвечала на телеграммы и стала на молитву около 12-ти. Я слышала церковный звон, стоя на коленях, плача и молясь всем сердцем и душою.

Милый мой голубчик, как ты проводишь этот день? Был ли в церкви? Один в пустых комнатах, как это должно быть грустно!

Одного счастливица видела я сегодня вечером: это – Волков, которого я назначила моим третьим камер-лакеем, так как другие одряхлели и того гляди отправятся на тот свет. Он со слезами благодарил меня. Мы с ним вспоминали, как он привез нам подарок в Кобург, когда мы были помолвлены, а я помню еще и прежде, в Дармштадте. <...>

А. (*Аня Вырубова*. – В.Х.) провела ночь в городе. Она уехала еще после 5-ти, по приказу нашего Друга (*Г.Е. Распутин*. – В.Х.), после разговора с Ним по телефону. Она сообщила мне, что надо передать тебе теперь же относительно трамваев. Я знаю, что Алек (*принц А.П. Ольденбургский*. – В.Х.) раз уже пытался прекратить это, и уже были столкновения, – какой же генерал отдал приказ теперь? Это совершенно нелепо, так как им часто приходится далеко идти, а трамвай довез бы их в один момент. Кажется, на основании этого приказа какой-то офицер вытолкнул одного солдата из вагона, а солдат пытался ударить его. Кроме того, стоит ужасный холод, – и, в самом деле, это дает повод к скверным рассказам: наши офицеры не все ведут себя по-джентльменски и, вероятно, часто объясняются с солдатами “при помощи кулака”. И зачем это люди все придумывают новые поводы к недовольству и скандалам, когда все идет гладко?! Белецкий захватил шайку с прокламациями, которые опять печатаются к 9-му (*Кровавое воскресенье, 9 января 1905 г.* – В.Х.) с грязной целью. Бог слышит молитвы нашего Друга и поможет им послужить тебе.

Дети завтракают в соседней комнате и ужасно шумят. <...>

Сию минуту совершенно неожиданно принесли твое милое письмо. О, благодарю тебя, любовь моя, нежно благодарю тебя за твои милые слова – они согрели мое больное сердце: лучший подарок для начала года. О, любовь моя, как много это письмо для меня значит и как ужасно я по тебе скучаю! Я тоскую по твоим поцелуям и объятьям; застенчивая детка дарит мне их только впотьмах, а женушка лишь ими и живет. Я терпеть не могу выпрашивать их, подобно А., но когда я получаю их, они составляют мою жизнь, и когда тебя нет, я вспоминаю все твои нежные взгляды, каждое твое слово, каждую ласку.

Бэби получил от всех иностранцев из Ставки прелестную телеграмму, в которой они вспоминают о комнатке, где они сживали, болтая за закуской.

А. принесла для тебя цветок от нашего Друга с Его благословением, приветом и множеством добрых пожеланий.

Прощай, мой милый ангел, благословляю и много раз целую тебя.

Твоя

Женушка». (Переписка Николая и Александры Романовых. 1915–1916 гг. М.; Л., 1925. Т. IV; *Платонов О.А.* Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 355–356.)

Одновременно цесаревна Татьяна Николаевна написала письмо отцу:

«Папа душка,

Так скучно без Тебя сегодня. Были одни у обедни, до этого были в нашем лазарете немножко. Мама лежит так, что мы завтракали 5 одни у Мама в кабинете. Холодно ужасно сегодня. – Утром было 20, сейчас немножко меньше, т.к. солнце светит. Вчера вечером у нас был молебен в 10 1/2 и потом легли спать. Алексей получил трогательную телеграмму от всех его иностранных друзей из Ставки. Он был очень доволен. – Как у Вас в Могилеве холодно ли, много снегу или нет? На днях Аня [Вырубова] позвала нас пятерых, Ирину Толстую, Риту Хитрово и ее маленькую сестру Любу. Играли с ними в разные игры и прятки, хотя и очень мало, но мы потушили лампы, так было лучше. Алексей был очень доволен. Ну вот. Кланяюсь Силаеву, Мордвинову.

Храни Тебя Бог Папа душка мой дорогой. – Крепко, крепко Тебя обнимаю, как люблю. Твой любящий Тебя очень

Вознесенец (*великая княжна Татьяна Николаевна являлась шефом 8-го Уланского Вознесенского полка.* – В.Х.). (ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1359. Л. 141–142 об.).

В этот день император Николай II записал в дневнике:

«1-го января. Пятница

Выспался хорошо. В 10 час. поехал к обедне, затем был доклад. После завтрака отписывался от телеграмм. Погулял в садике, день стоял хороший при 5° мороза. Занимался бумагами до обеда. Вечером читал»¹³².

Император Николай II как Верховный главнокомандующий находился в Ставке в Могилеве. Ставка Верховного главнокомандующего – высший орган управления действующей армией и флотом, местопребывание Верховного главнокомандующего вооруженными силами России во время Первой мировой войны. В Ставке при Верховном главнокомандующем состоял штаб. В нем в начале войны насчитывалось 5 управлений: генерал-квартирмейстера, дежурного генерала, начальника военных сообщений, военно-морское и коменданта Ставки. Первоначально она находилась в Барановичах, а с 8 (21) августа 1915 г. – в Могилеве. В последующем на штаб Ставки были также возложены вопросы материально-технического обеспечения войск. Численность ее постоянно увеличивалась. В состав Ставки в 1917 г. входило 15 управлений, 3 канцелярии и 2 комитета (всего свыше 2 тыс. генералов, офицеров, чиновников и солдат).

По свидетельству протопресвитера Г.И. Шавельского: «Переехав в губернаторский дворец, Государь поместился во втором этаже, в предназначенных для него еще великим князем (*Николаем Николаевичем.* – В.Х.) двух небольших комнатах, за залом. Первая комната стала кабинетом Государя, вторая – спальней. Тут же во втором этаже, в крыле дворца, обращенном одной стороной во двор, а другой в сад, поместились гр. Фредерикс и генерал Воейков, занявшие по одной комнате. В первом этаже, в бывших комнатах великого князя [Николая Николаевича], поселились – в первой проф. Федоров, во второй адмирал Нилов. Бывшее помещение начальника Штаба занял начальник Походной Канцелярии. Здесь же, в первом этаже, разместились князь Долгоруков, граф Шереметьев и некоторые другие». (*Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота.* Т. 1. М., 1996. С. 343.)

По воспоминаниям последнего дворцового коменданта генерал-майора В.Н. Воейкова (1868–1947): «31 декабря 1915 года в 12 часов ночи протопресвитер Шавельский служил в Высочайшем присутствии молебен в церкви Ставки, а на следующий день в зале Дворца состоялись новогодние поздравления, принесенные Государю императору чинами штаба. Перед отъездом со Ставки министр двора граф Фредерикс доложил Государю о желательности, по его мнению, Высочайшего посещения наших законодательных палат, дабы показать восседавшим в них представителям народа доброжелательное к ним отношение со стороны царя. Этот доклад министра двора вызвал такое изумление со стороны либерально настроенных мини-

¹³² Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 566.

стров, в особенности С.Д. Сазонова, что благодаря их болтливости и обнаружилось, кто был инициатором этой мысли». (Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 122.)

Первый день нового 1916 года в Царской Ставке нашел отражение в воспоминаниях жандармского генерала А.И. Спиридовича (1873–1952): «Новый год за общей молитвой с царем. Государю нездоровилось, но он приехал в штабную церковь. Начался молебен. Отец Шавельский сказал хорошее слово. Когда читали молитву о даровании победы, Государь, а за ним вся церковь опустились на колени. Молебен кончился. Приложились к кресту. На душе было радостно. <...>

1 января 1916 г. в Могилеве была снежная буря. Намело много снега. С вокзала сообщали, что поезда запаздывают из-за снежных заносов. Государь утром принимал поздравления, в 10 часов был в церкви и затем, как всегда, занимался с Алексеевым. В этот Новый год, очевидно, ввиду нового положения Государя шефские части не прислали поздравительные телеграммы Государю, поздравил по-прежнему лишь Эриванский полк. Иностранные военные представители, полюбившие наследника, послали ему поздравительную телеграмму и получили ответ. Распутин прислал Государю цветок. Из многих английских полков были получены поздравительные открытки, которые Государю вручил английский военный представитель». (Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 250–252.)

Цесаревич Алексей Николаевич в этом году начал вести свой регулярный дневник, который открывался дарственной памятной надписью: «Первый дневник моего маленького Алексея. Мама. Царское Село».

Цесаревич Алексей 1 января 1916 г. записал в дневнике:

«[Погода.] У[тром] 25 м[ороза]. В[ечером] 17 1/2 м[ороза].

Встал сегодня поздно. Пил чай в 10 часов, потом пошел к Мама. Мама плохо себя чувствует и поэтому она лежала весь день. Сидел дома, т.к. у меня насморк. Завтракал с Ольгой, Татьяной, Марией и Анастасией. Днем был у Коли [Деревенко] и там играл. Было очень весело. Обедал в 6 ч., потом играл. [В] 8 ч. был у Мама за их обедом. В 10 ч. был в постели.

Принимал кап[итана] Кикера моего 12 Сибирского стр[елкового] п[олка]». (ГА РФ. Ф. 682. Оп. 1. Д. 189. Л. 5.)

Великая княжна Ольга Николаевна записала в дневнике:

«1916 г.

Пятница. 1-го января. [Дежурный флигель-адъютант] Колесников.

Спаси и сохрани небеса святые! В 10 ч. в лазарет до около 11 ч. Ко всем зашли и с Митей постояли. Переезжает в город. Грустно так. Были у обедни. Мама весь день лежит. Сердце 2 1/2, беккер и вообще гадко. Ездили днем с Т[атьяной] в Павловск к т. Мавре. После Елене. Очень холодно. Утр[ом] 25 м[ороза] веч[ером] 15. Папа телеграфировал мне. После обеда Мама легла на кушетке. Помилуй о Господи». (ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 6. Л. 104 об.)

Великая княжна Татьяна Николаевна записала в дневнике:

«1916 [г.].

1-го января. Пятница.

Утром поехали с Ольгой в лазарет. Зашли ко всем, посидели с Митей и Биби (*имеется в виду сестра милосердия Вильчковская Варвара Афанасьевна.* – В.Х.) до 11 ч. Потом поехали к обедне. Завтракали и обедали внизу одни. Мама себя плохо чувствовала и лежала в постели. В 2 ч. мы две поехали в Павловск. Посидели у т. Мавры, потом у Елены [Петровны]. Играла с Всеволодом. Вернулись около 4 ч. Пили чай у Мама в спальне. После читала. Вчетвером сидели у Мама. Папа из Ставки писал. Очень грустно без него». (ГА РФ. Ф. 651. Оп. 1. Д. 318. Л. 221.)

В первый день 1916 г. французский посол в России Морис Палеолог (1859–1944) записал в своем дневнике (даты в нем указаны по новому стилю, который расходился с нашим календарем и опережал его на 13 дней) следующее:

«Пятница, 14 января. (1 января по старому стилю. – В.Х.).

Император, по случаю русского Нового Года, обратился к армии со следующими словами: “Доблестные воины мои, шлю вам накануне 1916 года мои поздравления. Сердцем и помышлениями я с вами, в боях и в окопах... Помните наша возлюбленная Россия не может утвердить своей независимости и своих прав без решительной победы над врагом. Проникнитесь мыслью, что не может быть мира без победы. Каких бы усилий и жертв эта победа нам ни стоила, мы должны ее добыть нашей родине”». (*Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 22.*)

Редактор «Московских ведомостей» Л.А. Тихомиров (1852–1923) также зафиксировал по этому поводу в своем дневнике: «Государь дал очень энергичный новогодний приказ по армии. Конечно, так и нужно говорить. Но насколько он сам верит своему оптимизму – вопрос иной. Я думаю, он лучше нас знает, что наше положение весьма ненадежное.

Вот чего он, вероятно, не знает – как громко стали говорить о его Августейшей супруге. Рассказывал Н. недавно как, ехавши по траму (в Петрограде), его знакомый слышал слова одного из публики: “А уж нашу Матушку Царицу давно бы пора заключить в монастырь”. Рассказами о Гришке полна Россия. Так, еще недавно слышал уверения, что Хвостов назначен в министры Гришкою. Нет сомнения, что все такие слухи раздуваются врагами Самодержавия, но это не изменяет результатов. Как прежде – очень давно, в начале Царствования – общий голос был, что Царица держится в стороне от государственных дел, то теперь все и всюду говорят, что она непрерывно и всюду мешается и проводит будто бы именно то, чего хочет Григорий Распутин. Этот злой гений Царской Фамилии сам постоянно направо и налево рассказывает о своем влиянии. Это такая язва, такая гибель, что и выразить невозможно...» (*Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. М., 2008. С. 187–188.*)

На следующий день 2 января 1916 г. Православная церковь чествовала святого Серафима Саровского. Известно, что императрица Александра Федоровна, перейдя в православие, стала глубоко и истинно верующей женщиной. Она высоко почитала этого святого, т.к. с его именем связывала благополучное рождение наследника Престола, единственного сына цесаревича Алексея Николаевича. Александра Федоровна за свою жизнь в России посетила многие монастыри и храмы.

Известный царедворец генерал-лейтенант А.А. Мосолов (1854–1939) делился наблюдениями относительно некоторых черт характера Государыни:

«Скажу несколько слов и о религиозных настроениях Александры Федоровны.

Православная обрядность очень понравилась ей, еще когда она была совсем юною принцессой. Ее стали постепенно готовить к переходу в нашу веру, и она действительно к ней обратилась. <...>

Я часто имел случай видеть императрицу на церковных службах. Она обычно стояла как вкопанная, но по выражению ее лица видно было, что она молилась. Когда отец Александр (Васильев) стал ее духовником, он громко читал все молитвы, даже обычно читаемые вполголоса в алтаре. Царица очень любила его службу и выстаивала ее всю. Заболев, она слушала службу из своей молельни. <...> В Царском Селе Александра Федоровна любила ходить молиться в темные приделы Феодоровского собора, ею же построенного. Мистическое настроение императрицы с годами прогрессировало: ко времени появления Распутина она уже была подготовлена к тому, чтобы попасть под любое влияние». (*Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 105–106.*)

Французский посол в России Морис Палеолог так объяснял (со своей точки зрения) влияние Г.Е. Распутина на императрицу и некоторые свойства ее характера: «Покорность, с кото-

рою Александра Федоровна подчиняется влиянию Распутина, не менее знаменательна. Когда она видит в нем “Божьего человека, святого, преследуемого, как Христос фарисеями”, когда она признает за ним дар предвидения, чудотворения и заклинания бесов, когда она испрашивает у него благословения для успеха какого-нибудь политического акта или военной операции, она поступает, как поступала московская царица, она возвращает нас к временам Ивана Грозного, Бориса Годунова, Михаила Федоровича, она окружает себя, так сказать, византийской декорацией архаической России». (*Палеолог М.* Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 145–146.)

2 января 1916 г. произошло одно не особенно приметное событие. Старшая сестра милосердия Валентина Ивановна Чеботарева (1879–1919) из Царскосельского Собственного Ее Императорского Величества Александры Федоровны лазарета записала в своем дневнике:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.